

МАРИЯ
СЕМЁНОВА

ДЕБЕДИЖНАЯ
ДОРОГА

Мария Семёнова
Лебединая Дорога

«Азбука-Аттикус»

1984

Семёнова М. В.

Лебединая Дорога / М. В. Семёнова — «Азбука-Аттикус», 1984

Викингам, чьи корабли идут по Лебединой Дороге, нечего терять, они оставили прошлое позади, их не пугают великие опасности и кровавые битвы, ибо павшие в сражениях воссядут в Вальгалле, Чертоге Одина, а выжившие покроют себя славой. Драконьи корабли уходят в чужие земли, где правят не Асы и Ваны людей севера, но славянские Дажьбог и Ярила... Все дальше и дальше ведет дружину Лебединая Дорога...

© Семёнова М. В., 1984

© Азбука-Аттикус, 1984

Содержание

Книга первая	6
Часть первая	7
1	7
2	9
3	12
4	14
5	16
6	17
7	20
8	23
9	27
10	30
11	32
12	36
13	39
14	43
15	47
16	50
17	53
18	58
19	61
20	65
21	69
Часть вторая	73
1	73
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Мария Семёнова Лебединая Дорога

Книга первая
На чужом берегу

Часть первая Морской дом

1

В море властвует морской Бог Ньёрд. Когда этот Бог гневается, случается шторм.

Далеко-далеко, над самым сердцем океана, в ночной тьме закручивался облачный водоворот. Половину населенного мира покрывала его непогожая сень. По краям ласкал землю тихий весенний дождь, дарующий плодородие полям. Ближе к середине гремели грозы, пронёсился порывистый ветер. А над Западным морем клубилась косматая тьма.

От горизонта и до горизонта пировал бешеный вихрь, и оскаленное море сотрясало береговые кручи. Ветер гнул сосны и ворошил земляные крыши домов.

Вдали от берега под летящими тучами одна за другой катились чёрные горы. Ветер срывал тяжёлые гребни и нёс их прочь, и трудно было понять, где кончалась вода и начиналось небо.

Вдали от берега погибал корабль.

Буря разорвала его парус, расшатала деревянные члены. Волны перебрасывали одна другой разваливавшийся, переставший сопротивляться остов.

Между палубными досками сочилась вода. Солёная сырость пропитывала свёрнутые ткани, обволакивала бочки с зерном и мукой. Деревянные борта скрипели и прогибались. За рёвом ветра не было слышно, как глубоко в тёмном трюме корабля стучал о крепкую дверь тяжёлый висячий замок.

За дверью сидела молодая девчонка, купленная в городе Ладоге на невольничьем торгу.

Уже целую вечность ее мотало туда-сюда по зыбкому осклизлому полу. Очередная волна цепко хватала корабль – конец! Тёмное дно и бородастый морской дед – отпустит ли русалкой по озёрам, по чистым речкам возвратиться домой? Было или не было – выплывало из-за лесов прохладное светлое утро, и она босиком выбежала из родительского дома в родном Кременце... Были же у неё когда-то и мать, и отец, и смешные младшие сестрёнки, и... прощай, родимый, вспоминай свою суженую, другая разует тебе резвые ноженьки в святую купальскую ночь, не поминай лихом – прощай!

Но корабль с предсмертными стонами карабкался на волну, сбрасывая с палубы потоки воды. Иногда до слуха невольницы долетали проклятия и команды, обрывки молитв. Вот мимо закутка торопливо зашлёпали мокрые сапоги, послышался негромкий металлический звон.

Девчонка вскочила на ноги, что было мочи забарабанила в толстую дверь:

– Отворите!

Веще чутьё подсказало ей – вот сейчас корабль будет покинут. Быть может, это камни очерили впереди вечно голодные зубы. Или пучина расступилась перед носом корабля. Или просто не было больше надежды спасти купленное добро...

Новая волна повалила судно набок, отбрасывая её от двери. Она вскочила и кинулась обратно.

– Отворите!

Но корабельщикам было не до неё. Вскоре лодка отвалила от борта и тут же исчезла в кипевшей темноте. Судорога корабля снова швырнула девчонку на пол, и она больше не пыталась подняться.

Теперь стеречь её было некому. А может быть, её намеренно оставили здесь – умилистить морского деда? Высоко наверху хрустнула мачта, словно кость, переломленная ударом.

Море протянуло из-под двери холодные пальцы. Толстая коса сперва поплыла, но скоро отяжелела, набрякла...

Рассвет ненадолго разогнал тучи, и вздыбленные спины волн утратили жуткую черноту. Зелёно-розовые, размежёванные прозрачными тенями, они гряды за грядой надвигались на остров и бешено вскипали у подножия скал. Сверху было хорошо видно, как они налетали на камни, медленно рушились навзничь и тотчас же с рёвом восставали для новой схватки...

Благосклонные Боги создали мир наподобие жилого двора. С той только разницей, что вместо забора его ограждала беспредельная океанская ширь. Рано или поздно люди пересекут и её. Ибо нет такой ограды, за которую человек не попытался бы заглянуть.

Но тем мореходам ещё предстояло родиться.

Неистовый ветер рвал кожаный плащ, разглаживал жёсткую бороду, нёс за плечи длинную гриву волос, не то седых, не то от рождения белёсых. Голубые глаза, почти не щурясь, обшаривали утренний горизонт. Ветер и человек были давнишними друзьями. Олав кормщик, по прозвищу Можжевельник, родился на корабле. На том самом, что стоял на якоре в бухте, под защитой скал.

В давно минувшие времена волны выгрызли у острова середину и, словно удовлетворившись, навсегда утихли в отвоёванной бухте. Самому жестокому шторму не удавалось вкатить сюда тяжёлую зыбь. Корабль отдыхал.

Это была боевая лодья – длинный, хищно вытянутый чёрный корабль с высоко поднятыми носом и кормой. Такой корабль, стремительно бегущий по морю, назывался «дрэки» – дракон. Жители южных земель, привыкшие бояться полосатого паруса, со страху переименовали: драккар. Во время походов форштевень корабля украшали резной мордой чудовища – на страх недругам и всяким злым силам, таящимся в морской глубине. Но теперь дракон был снят и убран под палубу. Негоже пугать духов гостеприимного островка.

Олав кормщик сын Сигвата гордился своим кораблём и любил его. Корабль – это дом, это богатство, это преданный друг. Не всякий рождается на палубе, но для многих боевой корабль становится ещё и могилой. И нет могилы почётней.

Весь вчерашний день и половину ночи викинги боролись со штормом. Разъярённые волны врывались на палубу, окатывая гребцов и грозя унести за борт. Люди сидели по двое на весло, привязавшись к скамьям, и работали не жалея сил. Впрочем, они знали свой драккар и не боялись, что море сумеет с ним справиться. Так и вышло: в конце концов Олав разыскал в море этот островок и направил корабль в бухту, ориентируясь по гремевшему во мраке прибою. Он знал, что здесь всегда можно укрыться. Бросив якорь, мореходы спустили мачту, закрыли затычками гребные люки и натянули над палубой кожаный шатер. Большинство воинов спало ещё и сейчас.

Олав спустился вниз и пошел по прибрежным камням к кораблю.

Возле сходней стоял один из викингов и умывался, раздевшись до пояса.

– Ветер отходит, Халльгрим хёвдинг, – сказал ему Олав. – Буря начинает стихать.

Халльгрим хёвдинг, то есть вождь, был суровым великаном тридцати трех зим от роду. Вершинная пора жизни, которую он не успел ещё миновать... Но выглядел он старше, как все, кто избрал своим домом палубу боевого корабля. И уж если он повышал голос, отдавая команды, то этого голоса не мог заглушить никакой ураган.

Он стряхнул воду с длинных усов и проворчал:

– Хорошо.

С подветренной стороны острова было почти так же тихо, как в бухте. Серые громады скал уходили высоко в небо, заслоняя от ветра, и даже на порядочном расстоянии от берега вода была гладкой. Ветер лишь изредка ерошил её рябью, обваливаясь откуда-то сверху.

По кромке воды шли мужчина и мальчик. Мужчина был молод и очень похож лицом на Халльгрима – и странно было бы им, двоим братьям, не походить друг на друга. Но мальчишка

казался похожим на вождя ещё больше, потому что был его сыном. Звали его Видгой, и минуло ему пятнадцать зим.

Сын хёвдинга шагал впереди, а мужчина придерживался за его плечо и спотыкался о камни, через которые Видга переступал без труда.

Неожиданно мальчик остановился.

– Корабль лежит на мели, – сказал он, присматриваясь. И добавил: – Это торговый корабль, и его не было здесь вчера.

Ломавшийся голос обещал со временем стать в точности как у отца.

Слепой отозвался, помолчав:

– Мало похоже, чтобы там были живые.

Видга сказал:

– Они потонули, Хельги. Или ушли на лодке.

Брат отца был едва на десять зим старше его, и мальчишка чаще звал его просто по имени.

Отлив оставил вокруг корабля по колено воды. Мертвое судно лежало на боку, показывая покрытое зеленью брюхо. Мачта плавала возле борта, удерживаемая снастями. Время от времени набегавшие волны сильнее раскачивали толстое бревно, и оно глухо било в смолёные доски. Пройдя вброд по воде, Видга и Хельги взобрались на палубу.

Расторопный песок уже начал заполнять внутренности судна. В развороченном трюме гуляла вода – морской Бог Ньёрд уложил в свои сундуки весь груз купца...

По-прежнему не было видно ни души. Но тут слепой снова взял Видгу за плечо, и его пальцы настороженно сжались.

– Здесь кто-то есть.

Его рука указывала вниз, в полузатопленное чрево лодки. Видга присмотрелся и различил отгороженный закуток. На двери, погружённая в воду, ещё колебалась ржавая бляха замка. Железный страж упрямо караулил брошенное добро.

Мало ли что могло затаиться на покинутом корабле... Но не годится викингу трусить. Видга решительно спустился в трюмный лаз и подобрался к двери. Песчаная отмель уже начала втягивать добычу в свои недра – вода здесь была Видге по грудь.

– Эй! – окликнул он вполголоса, дёрнув замок.

Ни звука.

Хельги слез в трюм следом за Видгой, ощупал дверь и вытянул из-за ремня топор.

– Отойди-ка...

Его удар был точен и силен. Замок громко лязгнул и канул в мутную воду. Видга на всякий случай приготовил нож и рывком распахнул дверь.

Хальдгрим хёвдинг уже собирался идти искать сына и брата, когда те сами вышли к кострам.

Хельги нёс на руках человеческое тело, закутанное в плащ.

– Ее зовут Ас-стейнн-ки, – сказал он, опуская свою ношу возле огня. – Это не совсем так, но лучше не выговаривать.

Потревоженная голосами, она приподняла веки, чтобы безучастно оглядеть склонённые над ней бородастые лица... Потом её ресницы вздрогнули и опустились опять.

2

Где та страна, в которой пища сама приходит на стол?

Издrevле сурова была Норэгр, омытая волнующимся морем, увенчанная горами, прорезанная каменными расщелинами фиордов... Были в ней стремительные реки и клочущие водопады, были обильные дичью леса, были цветущие горные пастбища и ночные сполохи в провалах зимнего неба.

Только одного не было почти совсем – пахотной земли.

Чтобы собрать урожай, за полями ухаживали, точно за больными детьми. Очищали от камней, унавоживали, сдобривали толчёными ракушками и яичной скорлупой. Но пашня оставалась скудна.

Море, вплотную подступавшее едва не к каждому жилому двору, часто оказывалось щедрее земли. В зелёной морской глубине косяками ходила жирная сельдь. А за сельдью с разинутыми ртами следовали киты. И случалось, что скот дотягивал до новой травы, питаясь рыбьими головами.

Вот и стоял в каждом дворе просторный корабельный сарай. А в сараях дремали на катках дубовые корабли.

И было так.

Однажды выбитые градом поля не отдали обратно даже того, что было посеяно. Разгневанный морской хозяин отогнал от берегов рыбы стада. Оскудело пастбище, и у коров пропало молоко.

А дети рождались.

Самого первого викинга отправил в море голод.

Кто придумал снарядить корабль и уйти искать страну, где коровы доились сметаной, а треска ловилась и летом и зимой? Сыскался крепкий хозяин, выставил морскую лодью, не боявшуюся бурь. Вооружились и сели в неё отчаянные парни. И пустились вдоль побережья на юг. Брали на берегах скот и зерно. Платили – когда серебром, а когда собственной кровью... И вернулись возмужавшие, украшенные рубцами, пропахшие солью лебединой дороги. Привезли съестные припасы на зиму и украшения подругам. И пленников-трэлей – работать в хозяйстве. Развесили по стенам иссечённые щиты. И мечи, зазубренные в схватках. И поставили у дорог памятные камни в честь друзей, которым возвратиться не довелось.

А потом выросли дети тех, первых. И стали отправляться на добычу не только в голодные, но и в сытые годы. А потом и у них выросли свои дети. И мирных Богов земледелия возглавил одноглазый Один – покровитель воинов и войны... Всё дальше от родных берегов заплывали драконоголовые корабли. Соседи-южане, совсем не трусливые люди, только молились.

Драккары разваливали форштевнями волны. Каждого вождя окружал хирд – крепко сложенная дружина. За вождя и друг за друга хирдманны стояли насмерть. Таков был их закон, и этот закон приносил им победу. Они высаживались на берег и учиняли такое, что уцелевшие жители долго потом вскрикивали во сне...

И уходили обратно на север. К прекрасной и суровой родной земле. Там ждал теплый длинный дом за оградой в знакомом фиорде. И заботливые матери, и ласковые жёны, и любопытные, восторженно галдящие дети...

Четверо сыновей было у старого Олава кормщика: Бьёрн, Гуннар, Гудрёд и Сигурд. Двое средних ждали на берегу, Бьёрн с Сигурдом – самый старший и самый младший – сопровождали отца. Суровый бородатый Бьёрн сидел на высоком сиденье у рулевого весла. Драконий хвост, венчавший корму, поднимался над его головой. Боевая лодья слушалась его не хуже, чем самого Олава, но разглядел чужака не он. Сигурд, белоголовый крепыш, и Видга сын хёвдинга одновременно вытянули руки:

– Корабль!

Девчонка, найденная на острове, сидела рядом с Хельги на дубовой скамье, третьей спереди по правому борту. Брызги летели щедро, но Хельги дал ей свою куртку, сшитую из промасленной кожи, и кожаную же шапку. Такая одежда не пропускает ни сырости, ни ветра, в ней тепло.

Драккар шёл на вёслах. Полосатый парус хорош в дальнем походе, но в бою, когда враг вот-вот будет достигнут, сподручнее грести.

Хельги молча работал длинным веслом, его руки привычно лежали на отполированной ладонями рукояти, ширококостные, могучие пальцы – что железные прутья... Он назвал её Ас-стейнн-ки. Дома её звали Звениславкой – целых шестнадцать лет, до тех самых пор, покуда не сцапали её вечером в лесу недобрые гости, свои же словене, да не впихнули в мешок, да не свезли в город Ладогу, на торг, да не продали за пригоршню серебра немцам-саксам из далёкой рейнской земли.

Хельги ей сказал:

– Начнется бой – спрячешься под скамью.

Северную речь Звениславка разумела без труда. Зимой приезжал к ним в Кременец свейский гость и жил, хворый, у князя в доме до самой весны. Она с тем гостем под конец объяснялась вовсе свободно, ни у кого так-то не выходило, даже у молодого князя, а уж на что князь умён был да хитёр. Иные ей тогда завидовали: на что тебе, девка, чужеплеменная-то речь, не иначе за море Варяжское с купцами разбежалась? А сама она, глупая, знай только радовалась, что и со свеем по-свейски, и с хазарином по-хазарски, и с булгарином на его языке, и с мерянином, из лесу пришедшим... Кто ж ведал, что оно так повернётся!

Чужак так и не сумел уйти от погони. Пузатый, медлительный, он не мог соперничать с северным кораблём. Тот летел над водой, словно крылатый зверь, учувший поживу. Скалился на форштевне зубастый дракон. Тридцать два весла размеренно взлетали и падали. Расстояние уменьшалось.

Чужой корабль был немецким.

Звениславка отчётливо видела стоявших у борта... Многие уже надели на себя кожаные брони и круглые шлемы, взяли в руки мечи. Эти люди были опытны и знали: викинги навряд ли станут спрашивать, что новенького слышно.

Потом драккар догнал купца и пошёл рядом, держась на некотором расстоянии. Халльгрим хёвдинг приложил ладони ко рту.

– Я Халльгрим сын Виглафа Ворона из Торсфиорда! – полетел над морем его голос. – А вы кто такие и куда идете?

Голос у него был низкий, навечно охрипший от ветра. Его наверняка слышали на другом корабле, но ответа не последовало. Сын Ворона выждал некоторое время и сказал:

– Я предлагаю вам выбор. Можете сесть в лодку и добираться до берега, если вам повезёт. Или защищайте себя и корабль!

Это был обычай, и обещание оставить жизнь нарушалось редко. Но немцы не поверили. С кормы купца взвилась одинокая стрела. Ветер остановил её на середине пути, и она обессиленно упала в воду. Викинги засмеялись.

Халльгрим кивнул Бьёрну Олавссону, и тот слегка повернул руль. Быстрее заходили в гребных люках сосновые вёсла... Воины, не занятые греблей, разбирали висевшие по борту щиты, надевали железные шлемы и толстые куртки, обшитые железными чешуями. Открыли под палубой дубовый сундук, и длинные мечи поплыли из рук в руки, каждый к своему владельцу.

Халльгрим хёвдинг встал на носу, возле дракона, и раскачал в руке тяжёлое копьё. Он посвятит его Одину, метнув во врага. Так начинали бой могучие предки, и это приносило удачу.

Тяжёлые копьё мало подходят для того, чтобы их метать. Их украшают узорчатым серебром и в сражении не выпускают из рук. Но доброго воина любое оружие слушается беспрекословно. Широкий наконечник со стуком вошёл в окованный щит, и немца опрокинуло навзничь. Проревел над морем боевой рог, и с драккара посыпались стрелы.

– Я же сказал тебе – прячься! – проворчал Хельги недовольно.

Звениславка нырнула под скамью...

Обитый медью форштевень ударил во вражеский борт. Затрещало крепкое дерево, иные из немцев, не устояв, повалились на палубу. Якоря и багры вцепились и потащили корабли друг к другу. Стрелы били в упор.

Защитники корабля выставили перед собой копья, но это была отвага конца. Халльгрим первым перескочил через борт, заноса над головой меч.

3

Когда с каждой стороны всего по одному кораблю и на каждом не так уж много людей, морской бой не затягивается надолго. Так и в этот раз. У купцов хватило мужества не сдаться без схватки, но для упорного сопротивления не было сил.

Ратное счастье почти сразу поставило Халльгрима лицом к лицу с предводителем. У того блестела в бороде седина, но соперником он оказался нешуточным. Даже для Виглафссона. Железные мечи с лязгом отскакивали друг от друга. Только ключья летели от обтянутых кожей щитов. Однако и Халльгрима не зря называли вождём. Купец тихо охнул и поник на палубу, которая ему больше не принадлежала. Халльгрим перепрыгнул через него, на ходу отшвыривая чей-то занесённый клинок. Закинул щит за спину и двумя руками обрушил перед собой свой меч.

Двое братьев Олавссонов сражались поблизости, неразлучные, как всегда. И Бьёрн уже дважды наклонился связать оглушённого сакса. А у Сигурда было в руках ясеневое копье, и меньшей сын кормщика ещё успевал оглянуться – не ввязался ли в битву отец. Можжевательник был могучим бойцом, и все это знали, но Халльгрим давно уже запретил ему сражаться, сказав так:

– Когда ты понадобишься Одину на его корабле, он тебя призовет. А пока ты нужен мне на моём.

Олав и Хельги были единственными, кто остался на драккаре. Олав невозмутимо сидел у руля, заслонившись круглым щитом, и смотрел, как рубились его сыновья. А Хельги не укрывался ни от свирепого ветра, ни от стрел. Не то верил, что случайная гибель его обойдёт, не то намеренно привлекал её к себе...

Потом Халльгрим вытер меч и сдвинул со лба шлем. Корабль был очищен.

Викинги хозяйничали на палубе. Кто-то снимал с убитых оружие. Другие вязали пленных и загоняли их в трюм драккара – сидеть в темноте, пока не понадобятся. Третьи потрошили тюки, разбирая добычу.

Сын Ворона ещё раз обвёл глазами корабли. Немалая удача, когда обходится без потерь.

Сильные руки переправляли на драккар взятое в бою. Плыли через качавшийся борт бочонки русского мёда, позвякивало в мешочках светлое серебро, мягко шлёпались связки мехов, укутанные от сырости в мешковину и кожу... Будет чем похвастаться дома.

Видге нынче повезло больше других. Мальчишка один на один уложил воина втрое старше себя, и ему достался редкостный меч – упругий и длинный, с неведомыми письменами на воронёном клинке. Этот меч был зачем-то снабжён острым концом вместо обыкновенного закруглённого, можно подумать, неведомый мастер собирался не только рубить им в сражении, но и колоть, как копьём. Внук Ворона решил про себя, что при случае это надо будет исправить, а покамест опоясался новым оружием и зашагал по палубе, взвалив на плечи увесистый тюк...

Освобождаемый от груза, торговый корабль раскачивался на волнах всё сильнее. Скоро к Халльгриму подошли сказать, что трюм опустел.

Хёвдинг оглядел палубу, на которой там и сям лежали погибшие защитники судна.

– Они не трусили, – сказал Виглафссон. – Да и сражались неплохо. Они заслуживают, чтобы им вернули корабль, и пусть Эгир гостеприимно встретит их в глубине. Прорубить дно!

В развороченных недрах судна тотчас отозвался топор. Деревянное тело вздрогнуло, начиная принимать в себя воду. Немного погодя драккар выдернул вонзённые когти и легко соскользнул прочь.

– Поставить парус! – скомандовал Можжевательник.

Красно-белое полотнище затрепетало и напрялось. С его нижней шкаторины свисал добрый десяток шкотов – мореходы закрепили их и ещё растянули углы паруса длинными шестами, чтобы лучше брал ветер.

Воины устраивались на скамьях и один за другим отстёгивали мечи. И тогда-то полоснул с тонувшего судна тонкий, отчаянный крик.

Веселившиеся хирдманны примолкли, стали оглядываться назад. Кричал, конечно, не сам корабль, а оставшийся на нем человек.

– Женщина, – пробормотал кто-то.

Другой добавил:

– Спряталась, наверное.

А Сигурд Олавссон молча вскочил на борт и сильным прыжком бросился в ледяную воду. Халльгрим перешёл с носа на корму и сказал:

– Твой сын мог бы прежде спросить у меня разрешения. Однако правду говорят, будто смельчаки редко спрашивают, что можно, а чего нельзя.

Старый Олав покосился на него через плечо и приказал готовиться к повороту.

С драккара хорошо видели, как Сигурд, вытянув руки, долго плыл в прозрачной толще воды. Потом его потемневшая, прилизанная голова вынырнула чуть ли не у тонувшего корабля. Дымный гребень тут же снова похоронил его, и кто-то охнул, но Сигурд вынырнул. Он плавал, как тюлень. Несколько размеренных взмахов, и он подтянулся на руках, выбираясь на палубу. И, не теряя времени, исчез в трюмном лазе...

Женский крик повторился. Он был едва слышен за расстоянием. Но оборвался он так, будто кричавшая захлебнулась.

– Утонет Сигурд, – сказал один из смотревших.

Хельги оборвал его:

– Замолчи.

В это время с кормы подал голос Халльгрим хёвдинг.

– Не будет особенно несправедливо, если Сигурд получит ту, которую спасёт.

Из-под мачты немедленно отозвались:

– Это будет древняя бабка без единого зуба во рту...

Слышавшие рассмеялись.

Бьёрн снова встал к правилу. Повинуясь его команде, мореходы перебирали и натягивали моржовые веревки. Рей вместе с парусом медленно поворачивался. Драккар резал колебавшиеся склоны волн, описывая круг.

Олав кормщик молча следил за покосившейся мачтой купца, то появлявшейся между косматыми гребнями, то исчезающей опять.

Но вот чёрный корабль в очередной раз вознёсся к низко мчавшимся облакам. И чьи-то зоркие глаза разглядели Сигурда, благополучно выбравшегося из трюма. Воины восторженно закричали. Сигурд был не один. Тоненькая фигурка отчаянно прижималась к нему, вцепившись в плечо. Ветром отдувало длинные косы. Так они и стояли, уже не на палубе, а на бортовой доске, держась за ванты и глядя на подходивший драккар. Корабль под ними всё круче падал набок, погружаясь в зовущую глубину. Потоки пенившейся воды перекатывались через него без помехи. Ещё немного, и он унесет с собой и Сигурда, и его добычу. Суровый Бог Ньёрд часто требует жертв...

– Вёсла на воду! – приказал Бьёрн.

Он командовал ровным голосом, без суеты. В двадцать четыре зимы Бьёрн кормщик мог поспорить с кем угодно из стариков.

Драккар ринулся вперёд, как застоявшийся жеребец. Волны тяжело били его в скулу. Корабль вставал на дыбы, словно готовясь взлететь. Потом палуба проваливалась под ногами, и через борт хлестала вода. На вёсла сели все, кто мог. И Видга, и Олав, и двое Виглафссонов. Сигурда надо было спасать.

Из трюма подняли двоих немцев покрепче и вручили им по деревянному ведру. Сознавая опасность, пленники принялись работать как одержимые. И лишь изредка поднимали мокрые головы, чтобы взглянуть на пенные стены, выроставшие над бортами, и осенить себя спасительным крестом...

В снастях завывала стая волков.

Забравшись на ветер, Бьёрн вновь развернул драккар к тонувшему кораблю. По его слову спрятались все вёсла, кроме одного, и это оставшееся поплыло в воздухе прямо на Сигурда. Чёрный корабль разминулся с купцом на расстоянии в несколько локтей. Сигурд подхватил пленницу, и оба повисли на весле. Морской Бог обождет.

Десяток рук держал весло с той стороны. Сигурда подцепили за пояс багром и втащили на борт.

– Не промочил ли ты ноги, Олавссон?

Драккар опять шёл прямо по ветру, почти не кренясь. Килевая качка размеренно приподнимала то нос, то корму. Катившиеся волны по очереди подталкивали корабль и с утробным гулом уходили вперед.

Обоих спасённых, синих и онемевших от холода, раздели донага и принялись растирать.

Девчонка оказалась донельзя тощей и вдобавок смуглой, точно вылепленной из стоялого дикого мёда. Как видно, чужеземное солнце прилежно калило не только её, но и весь этот род. Подобная красота ни у кого не заслужила одобрения, а Хельги, послушав разговоры друзей, только хмыкнул:

– Стоило из-за неё мочить нас всех и топиться самому.

Халльgrim же обратился к Сигурду и сказал:

– Проучить бы тебя, но, думается, тебе немало и так. Жаль только, что там и впрямь не оказалось замшелой старухи!

Смуглянка всхлипывала на палубе, завернутая в Сигурдов крашеный плащ.

– Я буду звать её Унн, – сказал Сигурд. – Потому что я вытащил её из волны.

4

Имя Норэгр издавна означало дорогу на север. Целый месяц можно было идти на быстром боевом корабле вдоль скалистых, изрубленных берегов. С самого юга, оттуда, где в тумане маячили датские острова и зимой дождь шёл чаще, чем снег, и до Финнмарка на севере, где на горизонте белыми призраками высились вечные льды.

Дивно ли, что на столь обширном пространстве обитало великое множество племён?

Транды, раумы, ругии, халейги и ещё многие иные населяли каждый свой надел. И каждое племя называло свою страну гордо и ласково: Трандхейм, Раумсдаль, Рогаланд, Халоголанд...

Язык же здесь был всюду один. Северный, ещё не распавшийся окончательно на урманский, датский и свейский. Племена разнились одно от другого, пожалуй, лишь вышивкой на родовых башмаках, что надевали на ноги умершим. Да ещё пристрастием к тем или иным именам. Ну, то есть в точности так же, как у Звениславки дома: радимичи, кривичи, словене. Всяк своё, всяк сам по себе, а если разобраться – одно...

Людей, населявших Норэгр, на Руси называли – урмане.

Братья Виглафссоны жили в Халогаланде, стране халейгов. На самом севере населённой земли. Дальше к полуночи обитали только кочевники-финны – знаменитые колдуны, хозяева оленьих стад, охотники на волков.

День за днем драккар пробивался на север.

Викинги проводили в море весь день: когда гребли, когда сидели под распущенным парусом. Вечером высаживались на берег.

Иногда им давал приют какой-нибудь незаселённый залив, загромождённый скалами до того, что лишь искусство старого Олава позволяло поставить корабль. Тогда на берегу вспыхивали костры, а на ночь над палубой растягивали шатёр и выставляли караульных.

Иногда же они стучались в чьи-нибудь ворота. И отказа им не было. Попробуй не распахни ворот – продрогшие мореходы, пожалуй, быстренько снимут их с петель... Но не только страх открывал перед ними все двери. Пусть-ка кто-нибудь тронет тех, кто принимал у себя викингов Халльгрима Виглафссона!

Потому угощали их всюду отменно. И пиво на стол подавали хозяйские дочери. И молодые воины, мечтавшие о женах, ловили их за руки, приглашали сесть подле себя. А Халльгрим без лишней скупости расплачивался за ночлег и сулился заехать ещё.

Но как-то раз он приказал править к берегу, когда день едва перевалил полуденную черту. Вскоре драккар втянулся в горло фиорда, и Звениславка увидела, как высоко на скалах загорелись дымные костры. Это береговые стражи сообщали на своё подворье: викинги идут!

Узкий залив тянулся долго. Потом на одном из берегов открылся жилой двор. Звениславка почти ждала, что увидит над крепким тыном торчащие копья да остроконечные шлемы обитателей двора. Но ошиблась – и отлегло от сердца. Жившие на берегу стояли у края воды, приветственно размахивая руками. Погода в тот день была тихая, драккар неторопливо взмывал вёслами, и гладкая вода со стеклянным звоном распадалась перед его носом.

Бросили якорь, и Халльгрим первым спустился по сходням. Навстречу шагнул статный мужчина в богатом плаще.

– Я привез тебе рабов, родич, – сказал ему хёвдинг. – И надеюсь, что ты, как всегда, одаришь меня добрым льном. Ну здравствуй, Эйрик Эйрикссон. Велико ли нынче благополучие у тебя в Линсетре?

Имя «Линсетр» означало место, где возделывают лён.

Воины выудили из трюма всех пленников. Немцы по одному вышли на берег, угрюмо озираясь вокруг. К неволе привыкают не сразу. Им ещё предстояло осознать себя рабами вот этого зеленоглазого Эйрика Эйрикссона. И каждое утро, открывая глаза, видеть перед собой не родную гамбургскую улочку, а невозмутимо спокойный фиорд и крутой лесистый склон горы на том берегу. И станет прежняя жизнь похожей на несбывшийся сон. А тот сон, что снился им теперь, – явью, от которой пробуждения нет...

И хотя всё это было у них ещё впереди, те, кто был ранен, отчего-то хромали больше прежнего.

Хельги покинул корабль одним из последних. И он был единственным, кто вслух не радовался стоянке.

Халльгрим и его люди были в Линсетре дорогими гостями. Вечером собрали пир.

Эйрик Эйрикссон, как подобает хозяину, сидел на почётном сиденье, домочадцы – подле него, гости – напротив. Ярко горел посреди пола выложенный камнями очаг. Отсветы пламени бежали по нарядно завешенным стенам, дым уходил в отверстие крыши.

Рабы внесли столы с угощением. Звениславке такие столы всё ещё казались непривычными – низкие, по колена сидевшим. А ели здесь то же, что и всюду в этой стране: рыбу и дичь. Был и хлеб, но совсем не такой, как дома. Потому что неплохо рос здесь один только ячмень, да и тот переводили больше на пиво.

Зато пива подавали вдосталь. И напитка скир, который готовят из кислого молока. Викинги пили по своему обычаю – все вместе, пуская по кругу наполненные рога. И проносили их над очагом, освящая напиток прикосновением огня.

Звениславка сидела рядом с Хельги, по левую руку. И пила сладкую брагу из рога, который ему подносили. Эйрик внимательно разглядывал незнакомку, её нездешний наряд и пуще всего тугую длинную косу. Коса его удивляла – ведь испокон веку девушки носили волосы распущенными, а замужние связывали в узел, прятали под платок. Халльгрим в конце концов заметил его недоумение и объяснил хозяину так:

– Это Ас-стейнн-ки. Она из Гардарики.

И поглядел на брата, но тот промолчал.

Звениславке неоткуда было знать, что Хельги когда-то сватал за себя сестру Эйрика Эйрикссона, зеленоокою Гуннхильд. Хельги был тогда зрячим и сражался не хуже брата, и красив был не менее, чем теперь, и всё-таки вышло не так, как того хотелось и Эйрику, и ему. Своенравная девушка пожелала распорядиться собой по-иному. И оттого-то у Хельги по сию пору не было жены, да и Эйрик чувствовал себя словно бы виноватым.

Вот он и гадал про себя, кто она для Хельги, эта Ас-стейнн-ки?

Два дня в Раумсдале, в гостеприимном Линсетре, пролетели необыкновенно быстро. Серо-стальное море снова закачало драккар. И снова каждое утро Халльгрим хёвдинг продира- рал глаза первым. И поднимал людей. И те садились на вёсла, не жалуясь на застарелую уста- лость. Потому что каждый взмах, каждое усилие заросших мозолями рук несло их домой.

5

Было так...

Давно было, но люди запомнили.

Клубились над морем чёрные грозовые тучи.

Запряжённая двумя свирепыми козлами, с грохотом неслась по гребням туч боевая колесница. Спешил на битву с великанами рыжебородый Бог Тор – Перуну словенскому, надо полагать, родной брат. Вздымался в Божественной деснице чудо-молот, каменный Мьёолль- нир. Сокрушал врага и возвращался в метнувшую его руку. И видели люди летящую молнию, и слышали катившийся гром...

Но вот увернулся хитрый великан. Заглушило голос бури проклятие разгневанного Тора! А молот-молния угодил по прибрежным горам.

Дрогнула и раскололась земля. Между расступившимися скалами хлынуло море...

А потом пришли люди и увидели залив, похожий по форме на небесный молот. И назвали его – Торсфиорд.

Земля здесь почти ничего не рождала. И потому жители побережья всё больше пытались счастья в море. Глубоко в фиорде, недалеко от святилища Тора, стоял двор, так и называв- шийся – Торсхов. Там жил человек по имени Рунольв Скальд. Он тоже был викингом и могу- чим вождём, и на много дней пути окрест боялись его имени, а пуще того – пёстрого корабля под парусом, выкрашенным в тёмно-красный цвет...

Сыновья Виглафа Ворона бросали якорь у самого выхода к морю. Их жилище называлось Сэхейм – Морской Дом.

Здесь тоже днём и ночью глядели со скал бдительные сторожа. И снова, как и в Лин- сетре, радостная весть обогнала шедший корабль.

Сэхейм стоял над узкой и глубокой бухтой, в которую даже при самом сильном отливе мог войти драккар. Поэтому ограда вокруг двора имела двое ворот. Одни на суше, другие в воде.

Внутри двора виднелось несколько жилых домов и, конечно, вместительный корабель- ный сарай. Да и сами дома, сложенные из брёвен и камня, больше всего напоминали опроки-

нутые корабли: длинные, с выпуклыми килями крыш. Над крышами курились сизые дымки очагов. Свежий ветер, предвестник непогоды, пригибал их к воде. И казалось, будто это сам берег тянулся руками к подходившему кораблю...

Сбросив парус, чёрный корабль скользнул в распахнувшиеся морские ворота.

– Мать! – крикнул Халльгрим хёвдинг, и на берегу родилось эхо. – Мать, встречай!

Звениславка внимательно разглядывала стоявших на берегу. К самому краю воды выбежал из домов всё новый народ – молодые парни, зрелые мужи, женщины, ребята. Воины, привычно опоясанные мечами, и рабы-трэли, испачканные в навозе.

Четверо сильных мужчин уже держали наготове широкие сходни. Когда эти сходни со стуком ударятся о борт корабля, люди скажут, что поход действительно закончен. А возле них стояла та, в ком Звениславка с первого взгляда угадала хозяйку двора.

Фрейдис Асбьёрндоттир успела переодеться в крашенные одежды. Ветер тревожил воду фиорда, и лёгкие волны подбегали к самым ногам, но она не замечала. Она не махала руками и не кричала приветственных слов, но серебряные застёжки дрожали на её груди. Тёмный плащ распахивало ветром – она его не поправляла.

Подле Фрейдис суетилась горбунья-служанка, древняя, как сама старость. Пронзительный голосок не терялся даже среди общего шума. Но хозяйка навряд ли внимательно слушала её болтовню. Халльгрим хёвдинг стоял на высоком носу корабля, положив руку на деревянную спину дракона. И Хельги, помедлив, поднялся рядом с ним. И нетерпеливый Видга вскочил на скамью, выглядывая из-за плеча отца...

Такие дети и внук! Было кем гордиться, было о ком молить в святилище могучего Тора.

Вода нынче стояла высоко, и боевой корабль с ходу набежал на берег. Халльгрим не стал дожидаться сходней – сбежал по протянутому веслу. Фрейдис не выдержала, ступила прямо в воду, навстречу ему. Халльгрим легко подхватил её, поставил на камень. Фрейдис прижалась к его груди, и на какое-то время всё прочее перестало существовать. Он был дома. Живой. И Хельги, и Видга. И ни на ком из них не было ран.

Счастье!

Каждого морехода ждали широкие объятия друзей и родни. Гуннар и Гудрёд Олавссоны от души хохотали, разглядывая смуглолицую Унн. Та пряталась за Сигурда, перепуганная не на шутку. Видга спустился на берег среди первых и тут же вклепил подзатыльник чумазому сыну рабыни, подвернувшемуся под ноги.

Когда с корабля сошёл Хельги, Фрейдис поспешила навстречу.

– Кто это? – спросила она с удивлением, заметив Звениславку. Та смиренно шла рядом с Виглафссоном – этот викинг редко позволял ей отходить далеко.

Хельги сказал:

– Я зову её Ас-стейнн-ки, потому что она из Гардарики. Она красива и нравится мне.

– У неё умные глаза, – похвалила мать. – Думается, не ошибусь, если скажу, что она из хорошего рода. Славная рабыня будет во дворе...

Хельги так и встрепенулся, но тут вмешался Халльгрим. Он сказал:

– Мне всё равно, мать, но ты знай, что ему больше нравится, когда мы называем её гостьей.

6

Первая забота – о корабле!

Разгрузив драккар, мореходы опустили на нём мачту, сняли носового дракона. А потом дружным усилием вытащили его на берег и повели к сараю, подкладывая под киль круглые деревянные катки. Понадобится куда-нибудь ехать, и его с той же лёгкостью спустят обратно, и он снова полетит над водой, украшенный расписными щитами и похожий на пёстроного змея.

Но когда викинги дома, корабль отдыхает на берегу, укрытый и от сырости, и от солнечного зноя. Иначе он может отяжелеть от впитавшейся в дерево воды. Или, наоборот, растрескаться, высохнув слишком быстро...

Немного позже Олав и четверо его сыновей осмотрят дубовое днище. Корабль – что человек, ему нужны ласковые слова и заботливые руки. Отец и братья заменят подгнившие деревянные гвозди, заново просмолят шерстяные шнуры между досками обшивки. Да мало ли какие дела найдутся возле судна для хорошего кормщика!

Будет штормовая ночь в море – и корабль сполна оплатит за заботу.

В Сэхейме праздновали счастливое окончание похода.

Халльгрим слыл удачливым викингом, и его двор называли богатым. Был здесь дом со многими дверьми, разделённый внутри на покои – для тех из сотни его воинов, которые пожелали завести семью. Был и женский дом, где жёны и девушки коротали время за пряжей и шитьем, а в зимнюю пору вечерами напролёт играли малые дети. В третьем доме обитали рабы-трэли и рабыни.

И наконец, стояло во дворе ещё одно жилище, куда женщины заглядывали редко. Крышу его венчали громадные олени рога, а по стенам висело оружие и раскрашенные боевые щиты. Это был дружинный дом, и очаг под насквозь прокопчёнными стропилами горел для одних только мужчин.

Здесь жили и Халльгрим, и Хельги, и Видга, и Олав с сыновьями, и ещё многие, у кого не было жён. Здесь устраивали хустинг – домашний сход. А ещё этот дом предназначался для пиров.

В такие дни здесь делалось многолюдно. Вносили столы, и на деревянных блюдах шипела и пузырилась оленина. Звучали громкие голоса, лилось хмельное пиво. Длинный дом был велик, места за столами хватало для всех. Даже для рабов.

На празднике Хельги ел очень мало и почти не дотрагивался до хмельного. Глаза его были обращены на огонь, суровое лицо оставалось бесстрастным. Зато Халльгрим – тот веселился от всей души. Хмель с трудом его брал.

Огонь в очаге задорно шипел, когда дождь, молотивший по крыше, врвался в раскрытый дымогон. Пировавшие передавали друг другу арфу – пять звонких струн, натянутых на упругое древко. Участники похода по очереди брали арфу в руки, и каждый говорил что-нибудь о ярости подводного великана Эгира, о морской глубине, в которой его жена Ран раскидывала свои сети, чтобы выловить утонувших. И конечно, о победе над саксами.

Была пожива
кукушкам валькирий,
когда скользящий
Слейпнир мачты
дорогою Ракни
врага настигнул...

Сигурд сын Олава угощал свою Унн козым сыром мюсост – любимым лакомством, которое одинаково к месту и в походе, и на пиру. Унн дичилась множества незнакомых людей и всё норовила спрятать лицо. Когда арфа добралась до Сигурда, Сигурд сказал:

На карачках ползли
под скамьи раненые,
когда могучий
шагал вдоль борта
с гадюкой шлемов!

Славен совершающий подвиги, но трижды славен, кто умеет складно поведать о своих делах. Впрочем, вдохновенного скальда, слагателя песен, между ними не было. Что поделывать, довольствовались висами, короткими стихотворениями к случаю, которые мог сочинить любой...

Когда дождь поутих, во дворе загорелись костры. Кто хотел, остался в доме лакомиться пивом, другие высыпали наружу – плясать.

Плясать здесь умели и любили. Звениславка слышала топот, доносившийся со двора, смех и азартные крики, которыми подбадривали состязавшихся танцоров. Переплясать соперника было не менее почётно, чем одолеть его на мечях или в беге на лыжах...

Хельги из дому не пошёл, и Звениславка осталась при нём.

Веселье продолжалось долго. Но потом стали понемногу укладываться спать. Хельги подозвал к себе старуху горбунию и сказал ей несколько слов. Служанка тут же взяла Звениславку за руку и повела её через двор:

– Пойдём, Ас-стейнн-ки. Я тебе постелю. Он сказал, что ты ляжешь у нас.

В женском доме у каждой было своё спальное место на широких лавках вдоль стен. Только Фрейдис, хозяйка, помещалась в отдельном покое – вместе с горбунией. Звениславка свернулась калачиком под пушистым одеялом из волчьего меха, за резной скамьёвой доской. Закрыла глаза, и показалось, будто дом покачивался вместе с лавкой, как палуба длинного корабля, и этот корабль нёс её далеко, далеко...

Ей приснилась родня. Отец и мать сидели в повалуше, возле каменной печи, и мать тихонько плакала, уткнувшись в его плечо, а отец хмуро теребил рыжие усы и гладил её руки, как всегда, когда видел слезы жены. Звениславка так и рванулась к ним – утешить, сказать, что она жива, что её спасли, что она непременно вернётся... вздрогнула во сне и поняла, что они говорили по-урмански.

Она открыла глаза, расширяя в темноте зрачки. Дверь наружу была распахнута. За дверью виднелось по-весеннему розовое ночное небо и рдели угли прогоревших костров. А на пороге, прислонившись к косяку, стоял Халльгрим. С ним была женщина... Блеснуло серебряное запястье, и Звениславка узнала Фрейдис.

– Что плакать, мать, – сказал Халльгрим негромко. – Судьба есть судьба, её не переспоришь. И я не мог поступить так, как он просил.

– Я всегда боюсь за тебя, а за него ещё больше, – ответила Фрейдис. – Он же беспомощен. И ты никогда не отказываешь ему, когда он хочет идти с тобой в море.

Халльгрим немного помолчал, потом проговорил:

– Ты бы его видела, когда он грёб.

– А во время боя, Халли?

Халльгрим ничего не ответил, только вздохнул. Таким его Звениславка ещё не видала. Фрейдис взяла его за руку:

– Эта девочка, которую он привёз... Как её звать?

– Ас-стейнн-ки.

– Ас-стейнн-ки... Красивое имя. Хельги редко разлучается с ней. Скажи, говорил ли он с ней о любви?

Братья не держали друг от друга секретов.

– Говорить-то говорил, да толку никакого, – сказал Халльгрим с неодобрением. – Хельги хватило того, что у девчонки оказался жених дома, в Гардарики, и она ещё не успела его позабыть. Я ему сказал, что не так следовало бы с ней поступить, раз уж она ему приглянулась, да он меня не послушал. Ты же знаешь, какой он упрямый. Навряд ли он стал таким жалостливым, наверное, просто хочет, чтобы она сама подошла завязать ему тесёмки на рукавах...

На памяти Звениславки это была его самая длинная речь. Она съёжилась ещё больше, ей стало холодно под теплым меховым одеялом. А Халльгрим подумал и добавил ещё:

– Хельги верит даже этим её сказкам, будто к ней там сватался отчаянный конунг. Его послушать, Ас-стейнн-ки ни за что не стала бы обнимать какого-нибудь пастуха. Я так всыпал бы ей как следует за то, что наш Хельги ей недостаточно хорош. А он вместо этого говорит, будто утрата Гуннхильд больше не кажется ему такой уж потерей!

Фрейдис выслушала его и долго не произносила ни слова. Но потом Звениславка услышала:

– Думается мне, не к добру эта встреча, потому что он её полюбил.

Сказав так, она двинулась в дом. Звениславка замерла под одеялом, боясь, что дыхание её выдаст. Но Фрейдис и Халльгрим прошли мимо, не остановившись. Халльгрим проводил мать в её покой, подождал, пока ляжет, и ушёл, ступая бесшумно.

Звениславка ещё долго лежала с открытыми глазами, глядя на сходящиеся вверху стропила и не замечая колебавшихся теней, которыми ночь заселила внутренность дома...

Неужто пошагают мимо лето за летом – или зима за зимой, как считали здесь, – и каждая новая весна будет встречать её на этом каменном берегу? И придёт день, когда она свяжет свою косу в узел немилостивого замужества, и дочери с сыновьями будут носить по два имени сразу – одно словенское, другое урманское, как это бывает всегда, когда отец и мать из разных племён... И будут болтать по-урмански, а словенский язык станет для них чужим, потому что на нём не с кем будет говорить?

Слёзы бежали по щекам, впитываясь в мягкий мех. Звениславка даже не всхлипывала – боялась потревожить спавших рядом.

7

Видгу называли хорнунгом. Это значило, что женщина, давшая ему жизнь, была свободной, но мунд – свадебный выкуп родне – за неё не платили. Халльгрим хёвдинг никогда не имел законной жены. И долгих девять зим даже не подозревал, что где-то на юге, на острове Сольскей, где хозяйская дочь мимолётно подарила ему свою любовь, у него подрастал маленький сын...

Но на девятое лето родичи матери купили Видге место на торговом корабле, шедшем в Халоголанд. И отправили мальчишку на север. К отцу. Мать его готовилась к своему свадебному пиру: сын, незаконный и нелюбимый, её совсем не радовал.

Раб, посланный с Видгой, по дороге сбежал. До мальчишки-хорнунга ему дела не было. Видга про себя поклялся, что когда-нибудь разыщет его и убьёт – ибо не бывает злодеяний хуже предательства.

Но сначала следовало поглядеть на отца!

В Морской Дом сын хёвдинга добирался долго. И дошёл туда голодный, оборванный и одинокий. Но всё-таки дошёл. Потому что уж если кто родился не трусом – это проявляется скоро!

Землю калили жестокие холода, и в небесах дрожали ночные радуги. Торсфиордцы справляли Йоль – праздник середины зимы, после которого дни начинают прибавляться. Браги для праздника было наварено по обычаю, которым редко пренебрегали, – сто сорок горшков. Воины лили эту брагу в очаг и давали обеты, о которых сожалели, протрезвев. Ссорились, раздавали затрещины из-за пустяков – и мирились, прощая друг другу такое, за что в иное время вызвали бы на поединок-хольмганг... Йоль – это Йоль. Творилось разное, но Видга был тем не менее замечен.

Как не заметить маленького незнакомца, который тут же разодрался с большинством ребятни и почти всех отколотил!

Дошло до того, что Халльгрим пожелал посмотреть на мальчика сам. Сказано – сделано... Бьёрн Олавссон за ухо притащил его в дом.

– Ты откуда такой храбрый? – спросил Халльгрим весело. Мальчишка понравился ему сразу.

– Я с Бергторова Двора на Сольской в Нордмёре, – ответил Видга угрюмо. – Я туда не вернусь.

Не много любви оставил он на острове Сольской.

Халльгрим сидел на хозяйском месте, между резными столбами с лицами Богов – покровителей рода, в котором был старшим. Он спросил:

– Кто твой отец?

Тут Видга выпрямился, хотя Бьёрн всё ещё держал его за ухо.

– Мой отец, – сказал он гордо, – Халльгрим вождь сын Виглафа Ворона из Сэхейма, что в Торсфиорде. И если не врут, что это где-то здесь поблизости, он никому не даст меня отсюда прогнать!

Халльгрим сперва опешил не меньше любого из слышавших этот ответ. Но потом захотел так, что пиво пролилось из рога ему на колени. Он, конечно, не мог сразу припомнить, кого ему случилось целовать столько зим назад.

Бьёрн же сказал:

– А ты знаешь, что наш хёвдинг велит с тобой сделать за такие слова?

Он больно дёрнул ухо, и Видга огрызнулся:

– Со мной – не знаю, но вот тебе он точно голову вобьёт в плечи за то, что ты так со мной поступаешь!

Это снова развеселило народ. Не засмеялась одна только госпожа Фрейдис... Мальчишка приглянулся и ей. Как знать, удастся ли ещё один такой, если Халльгрим возьмёт себе законную жену? Отчего бы действительно не назвать его внуком?

– А поди-ка сюда, – велел хёвдинг, когда хохот наконец утих. – Сын, говоришь?

Видга бестрепетно приблизился к хозяйскому месту. Нет, он не обманывал. Достаточно было посмотреть один раз, чтобы признать и дух, и живую кровь Виглафссона.

– Я всё время ждал, чтобы ты приехал за мной, – сказал Видга укоризненно. – На боевом корабле! Почему ты так долго не приезжал?

О своей прежней жизни Видга рассказывал без утайки – и в том числе о приезжавших к матери сватах. Ни ему, ни Халльгриму в Бергторовом Дворе делать было больше нечего. И всё-таки сын Ворона посетил однажды остров Сольской, что на юге, у берегов Северного Мёра.

Он явился туда с братом Хельги и с Видгой. И когда на корабле бросили якорь и Халльгрим огляделся, места и впрямь показались ему знакомыми.

Жители Бергторова Двора сперва попрытались кто куда. Случись викингам устроить набег, оборонить своё добро они не надеялись. Но Халльгрим велел вытащить и поднять повыше на мачту мирный знак – круглый щит, выкрашенный белым. Тогда люди вышли на берег. И рассказали ему, что Бергтор сын Льота Лосося не жил больше на своём острове.

– Он уехал в Исландию со всеми своими людьми, потому что не поладил с Хальвданом конунгом. Да, и вместе с дочерью, и с мужем, и его родней... Разве ты не слышал о Хальвдане конунге сыне Гудрёда Охотника из Вестфольда?

Халльгрим, конечно, в Исландию не поехал. Но на Сольской он провёл несколько дней, и жители хорошо принимали его людей. Хотя и побаивались, не прогневаются ли вестфольдский конунг, недруг всех викингов, не признающих его власти.

И случилось так, что в один из этих дней буря загнала в ту же бухту у Бергторова Двора ещё один корабль.

Этот корабль тоже был длинным боевым драккаром, полным отчаянных молодцов. И вождь пришлецов, несмотря на жару, сменившую шторм, кутался в мохнатую куртку. Куртка

была умело скроена из волчьей шкуры: разинутая пасть обрамляла лицо, лапы служили рукавами, а со спины свисал хвост.

Звали его Соти.

– Соти – великий берсерк, одержимый в бою, – сказал один из его людей, которого торсфиордцы угостили пивом. – Я сам видел, как он вращал глазами и кусал свой щит. Ему не бывает равных в сражении, и он щедр с нами на золото и на еду. А ещё он умеет превращаться в волка, и поэтому мы называем его – Соти Волк...

– А моего отца называли Вороном, – сказал на это Хельги. – Но когда он хотел кого-нибудь напугать, ему не требовалось колдовства. Так что если твой Соти придёт сюда на четвереньках и завоет, то про меня никто не скажет, что я побоялся дёрнуть его за хвост...

Хельги в ту пору видел девятнадцать зим, и Халльгрим уже мало надеялся, что яростный нрав брата когда-нибудь сменится благоразумием. Вот и в тот раз случилось то, что должно было случиться: Соти вызвал сына Ворона встретиться с ним на маленьком островке. Это называлось хольмгангом – походом на остров. Из двоих участников такого похода обычно возвращается один.

Удобное место сыскалось поблизости от острова Сольскей. И на другой день обе дружины молча смотрели с кораблей на поединщиков, готовившихся к бою.

– Сними куртку, Соти, – улыбнулся противнику младший Виглафссон. – Я не хочу, чтобы она была измазана твоей кровью. Она мне пригодится.

– Не пригодится, – прорычал в ответ Соти Волк, и на губах у него выступила пена. Был ли он действительно оборотнем, в этом трудно было бы поклясться даже его людям. Но вот берсерком его называли явно не зря. – И хватит болтать языком. Этот островок заливают во время прилива...

У обоих были боевые топоры, широкие, с лезвиями-полумесяцами – страшное оружие в умелых руках. Горе прозевавшему один-единственный удар. Второго не понадобится. Неудачника не спасёт ни окованный щит, ни шлем с наглазниками, ни железные пластинки, нашитые на толстую кожаную броню... Ни даже кольчуга, купленная на торгу за звонкое серебро!

Они долго кружились, подобно танцорам, сошедшимся в грозной медлительной пляске.

Соти ждал удобного момента, чтобы ударить.

Хельги ждал, когда Соти надоест ждать.

Нет противника страшнее, чем берсерк, но боевое бешенство лишает его терпения и осторожности. Люди увидели, как Соти вдруг отшвырнул свой щит и ринулся вперед, взревев, точно потревоженный в берлоге медведь. Его секира взмыла над головой, занесённая обеими руками. Может быть, он уже предвкушал, как станет хвастаться победой и рассказывать, что соперника унесли рассечённого пополам.

Хельги легко ушёл от удара, и остальное свершилось стремительно. Земля выскочила у Соти из-под ног. И он рухнул во весь рост, выронив топор...

С его драккара послышался слитный яростный крик. Хельги невозмутимо подобрал чужое оружие, стащил с поверженного волчью куртку и без большой спешки пошёл к чёрному кораблю, стоявшему у мели.

Халльгрим смотрел на него с осуждением. Младший брат не потрудился хотя бы завалить убитого камнями, и это было недостойно. Но когда люди Волка подбежали к своему предводителю, все увидели, что рыть могилу было ещё рано. Соти молча корчился на мокрых камнях, сжимая огромными ладонями своё левое бедро. Крови не было. Хельги ударил его обухом, а не остриём.

– Почему ты его не убил? – спросил Халльгрим, когда понял, что произошло.

Хельги ответил весело:

– Можешь, если хочешь, пойти сделать это за меня. Я, помнится, обещал не рубить ему голову, а только дёрнуть за хвост. К тому же мне действительно понравилась его куртка, было бы жалко её пачкать...

А немного позже, когда открытое море уже всюю раскачивало шедший под парусом корабль, премудрый Олав кормщик сказал так:

– Иногда для того, чтобы пощадить врага, надо больше смелости, чем для того, чтобы его убить.

И многие решили, что он был прав. Как бы то ни было, волчью куртку Хельги со временем стал считать счастливой. Ему непременно везло, когда он её надевал.

А Видга – тот чувствовал себя отомщённым. Ведь Хельги победил на поединке в тех самых местах, где ему пришлось вытерпеть столько обид. И кому какое дело, что Соти был чужаком тем и другим!

Это случилось за три зимы до того, как Хельги суждено было ослепнуть. Но Богини Судьбы неразговорчивы и не открывают своих тайн прежде времени. И потому веселье царило под парусом корабля, шедшего в Торсфиорд...

8

За синими реками, за дремучими лесами – как же далека была она теперь, родная земля!

Родная земля – милая, ласковая. Там пушистым мехом ложилась под ноги тёплая мурава – не наколешься, хоть день-деньской бегай по ней босиком. А у речки встречал жёлтый песок, то прохладный и влажный, то жаркий, разогретый щедрым полуденным солнцем... Хватало, конечно, и камней: не зря же прозывался город Кременец. Но даже эти камни, казалось теперь, были не так черны, не так жёстки, не так неприветливы.

Дома всякое новое утро рождалось с улыбкой на устах – чтобы проплыть над землей погожим летним деньком, а потом ненадолго угаснуть, тихо вызолотив полнеба...

Ибо это была родная земля.

Но даже если морозящий дождь ткал свою хмурую пелену, и плывущие тучи цепляли висячими космами макушки деревьев, и где-то выше туч раскалывал небеса воинственный гром, – всё равно не было на свете ничего милей и прекрасней.

Ибо это была родная земля...

Звениславка летала туда каждую ночь во сне. Полетела бы и наяву, если бы умела обернуться птицей. Ведуны, принимая чужое обличье, ударялись, сказывали, оземь... и попробовать бы, да не поможет, не одарит крыльями чужая земля.

В Халогаланде властвовал камень.

Тяжёлые чёрные утесы нависали над фиордом, и весной первоцветы возникали словно бы прямо из скалы. Быстрые ручьи срывались с отвесной крутизны и падали навстречу солёной морской воде, шумно и звонко разлетаясь тысячами брызг.

Наверх вели тропинки, проложенные людьми и скотом. Доблестен тот, у кого хватит дыхания без остановок взобраться наверх. Зимой выпадали обильные снега, и молодые парни, состязаясь друг с другом в ловкости и отваге, носились по этим кручам на лыжах. Держали при этом в руках чаши с водой. И осмеивали того, кто проливал.

Наверху, над фиордом, лежало горное пастбище – сетер. Туда отгоняли коров, когда они стравливали нижние луга. Горное пастбище было альменнингом – им сообща владел весь фиорд. Плохо придётся хозяину, который вздумает выгородить себе кусок лужайки. Или просто прогнать соседских коров, сберегая лакомую траву для своих!

Так гласил закон тинга – здешняя Правда.

А ещё над береговыми утёсами стеной стояли леса – зелёный плащ на каменных плечах гор... Еловые чащобы и целые дружины серо-розовых сосен, где, наверное, в несметном количестве родились боровики.

В лесу собирали ягоды и били дичь. Лес давал дерево на постройку кораблей и домов. И лес тоже называли альменнингом.

А ещё выше обнажённый камень сбрасывал с себя последние покровы зелени и устремлялся к небу сияющими пиками неприступных вершин... Иные горы обрывались отвесными стенами прямо в фиорд. Высоко-высоко над Сэхеймом даже летом сверкали белые снежники и цвели, говорили, невиданной красоты цветы.

Все эти горы были когда-то чудовищным полчищем великанов, воздвигавших рать против Богов. Но молот-молния по пояс вколотил их в землю, обратил в мертвые камни. Теперь великаны медленно распрямляли гранитные колени: Звениславка видела высоко на утёсе кольцо для лодки, находившееся когда-то у самой воды...

Когда великаны поднимутся, наступит день последней битвы, и мир рухнет.

Но это будет не скоро.

«...А вече здесь называется – тинг. И во всяком племени вече своё и Правда тоже своя...»

Острый кончик ножа царапал скрипучую бересту, вдавливая в неё буквы.

– Зачем тебе береста, Ас-стейнн-ки? – спросил её вчера мальчик по имени Скегги. – Если тебе нужен короб для ягод, так я сплету.

Впрочем, он без труда понял, что на бересте она собиралась писать своими гардскими рунами обо всем необычном, попадавшемся ей на глаза.

– А потом ты будешь колдовать над рунами, да?

Нет, ворожить она не умела... Просто ещё дома привыкла, чуть что, хвататься за берестяной лист и бронзовое писало. И потихоньку пристраивать буковку к буковке, рассказывая о дивном... О неслыханной штуке, едва не утачившей в прорубь двоих рыбаков, об огненном шаре, спустившемся из громовой тучи, и просто о том, что сено уже высохло и его сметали в стога. И даже молодой князь Чурила Мстиславич, что незло посмеивался над её старанием, сам же приходил узнать: а не позже ли прошлогоднего заревели нынче туры в лесу?

– Ну так давай я схожу к кузнецу, – сказал Скегги. – Он и сделает острую палочку, которая тебе нужна!

Скегги был тюборинном – сыном свободного и рабыни. Его отец, викинг по имени Орм, погиб на корабле Виглафа Ворона, не узнав о рождении наследника. Халльгрим хёвдинг сам дал мальчишке свободу, но некому было назвать его родичем и сделать полноправным согласно закону... У отважного Орма нигде не было близких.

Правду сказать, немногие стали бы гордиться сыном наподобие Скегги. Тюборинн уродился слабым и хилым – наверное, в мать; недаром она, подарив ему жизнь, сама так и не встала. Не было такого сверстника во дворе, который не мог бы запросто его поколотить. К тому же Скегги был кудряв и темноволос – то есть очень некрасив.

Чего ещё ждать от сына рабыни!

Конечно, бывает и так, что сыновья рабынь и даже настоящие трэли оказываются на поверку храбрее и разумнее, чем иные свободные. Такие рано или поздно садятся среди достойных мужей, как равные. Однако Скегги навряд ли этого дожждётся. Скегги уже видел свою двенадцатую зиму, но кому придёт на ум подарить заморышу меч и назвать его мужчиной?

Может быть, оттого он и привязался к Звениславке, что чувствовал: ей было в Сэхейме ещё неуютнее, чем ему. И значит, был всё же кто-то, рядом с кем Скегги выглядел могущественным и сильным. Когда из моря поднимется змей и нападет на Ас-стейнн-ки, все увидят, что у Орма подрастает сын, а не дочь.

Скегги вечно поручали самую грязную работу, за которую не брался никто, кроме рабов. Скегги разбрасывал навоз, выносил из очагов золу, песком отдирал от днищ котлов сажу и жир.

Вот и в тот раз он тащил к берегу закопчённый котёл из-под пива... Звениславка тут же подхватила котёл за второе ушко – дай помогу! – и они понесли громоздкую посудину вдвоём.

– Ты бы не пачкалась, Ас-стейнн-ки, – попросил Скегги, когда они пришли. – Ты посиди лучше, а я тебе что-нибудь расскажу!

Звениславка опустила на камень – пришлось уступить, ибо Скегги рассказывал как никто другой.

Он набрал в горсть крупного морского песка и принялся за работу.

– Хочешь, я тебе расскажу про одноглазого Одина и о том, где он оставил свой глаз?

Конечно, она хотела. И очень скоро перед нею предстал седобородый Отец Богов, с копьём в руке идущий к подножию Мирового Древа. А древо это зовётся Иггдрасиль, и вся вселенная выстроена вокруг него в точности так, как когда-то строились в лесах жилые дома... И рассказов об этом Древе столько, что всё и не перечесать!

Так вот, из-под трех корней ясеня Иггдрасиля бьёт источник, дарующий мудрость. Но просто так из него не зачерпнёшь. Потому что волшебный родник караулят три норны, распоряжающиеся судьбой. И так велико их могущество, что даже с самого Одина потребовали они плату. Не большую и не маленькую – велели Всеотцу отдать им один глаз. А с Богинями Судьбы не с руки спорить даже покровителю павших...

Увлечись, Скегги не сразу расслышал размеренный плеск вёсел. По фиорду шла лодка. Длинная, вытянутая лодка с высоким носом, как у настоящего боевого корабля, только, в отличие от драккара, с уключинами, сделанными из древесных сучков.

Это Видга возвращался с рыбалки. Видга был доволен. На дне его лодки лежало несколько порядочных зубаток; их выпотрошат и разделают, и мякоть будет изжарена, а желчь пригодится для стирки. Сын хёвдинга подвел лодку к берегу и несколькими сильными взмахами вёсел выкатил её на песок.

В иное время Скегги благоразумно убрался бы прочь. Но он сидел к Видге спиной и рассказывал Ас-стейнн-ки о Боге войны. Видга не торопясь смотал снасти, взвалил на плечо улов и зашагал к дому. Без особого зла, походя, он наподдал ногой котёл – грязный песок полетел Скегги в лицо...

Даже трэль, если жива его гордость, подобного не проглотит, и никто не осудит его за то, что сцепился со свободным. Малыш вскочил как ужаленный. Тонкие руки сжались в кулаки. Он выкрикнул Видге в спину:

Клён доспехов, схожий
с тонкой елью злата!
Храбрый враг сокровищ,
удачи лишённый!
Скальд, рождённый Ормом,
обида не спустит!

Голос его сорвался. Звениславка не поняла, что он сказал. Только отдельные слова. Но эти слова не складывались для неё в целое.

Ей ещё предстояло разобраться в искусстве иносказаний, в великом искусстве слагать то хвалебные, то язвительные стихи, которым маленький Скегги владел не по возрасту. Ибо вот как примерно звучала бы его речь по-словенски: «Девка, одевшаяся по-мужски! Утри-ка сопли и впрёд думай хорошенько, прежде чем замахиваться на сына героя!»

Каждое слово было достаточно ядовито само по себе. А уж все вместе, превращённые хитроумным Скегги в хулительное стихотворение – нид, они приобретали силу затрешины.

Видга положил рыбу наземь и по-прежнему не торопясь двинулся назад. Какое-то время Скегги ещё стоял со стиснутыми кулаками, гордо подняв голову. Но у Видги явно была на уме кровь, и Скегги не выдержал – побежал.

Бегать от Видги было бесполезно. Как и сопротивляться. Видга был воином. Он мгновенно прижал Скегги к земле и выкрутил ему руку.

– А теперь скажи мне что-нибудь более достойное, Скегги Скальд, если хочешь выкупить свою чумазую голову. Да побыстрее, пока я не привязал тебе камня на шею.

Скегги извивался от боли и унижения, но молчал. Из разбитого носа текла кровь. Видгу он не успел даже царапнуть. Видга сказал:

– Пожалуй, я обойдусь и без камня...

Оторопевшая было Звениславка подлетела к мальчишкам и рванула Видгу за плечо:

– Ты ведь бьешь его потому, что он слабее тебя!

Видга поднял голову и усмехнулся:

– Этот трусишка никогда не возьмёт в руки меча. Если бы он родился в голодный год, его велели бы вынести в лес. Это не воин, а лишний рот за столом!

Скегги рванулся и заплакал.

Звениславка проговорила раздельно, зная, что приобретет врага:

– Я думаю, это хорошо, что Хельги – брат твоего отца, а не твой. Ты уж точно приказал бы отвести его в лес...

Худшую пощечину трудно было придумать. Сперва Видга перестал даже дышать. Что учинить над ней за эти слова, убить?

Но нет. Внук Ворона не стал марать кулаков о такое ничтожество, как гардская девчонка. Он только сказал:

– Немалая неудача для меня в том, что Хельги велел называть тебя гостьей.

Он взял Скегги за шиворот и, подняв с земли, пинком отшвырнул его прочь.

– Что ты ему сказал такого обидного? – спросила Звениславка у Скегги, когда Видга ушёл. – Я же ничего не поняла!

Скегги, всё ещё хлюпавший носом, неожиданно приободрился при этих словах. Они как будто напомнили ему о чём-то способном утешить его в самой лютой тоске. О таком, что он не променял бы даже на место за столом подле вождя!

– Все они здесь называют меня скальдом, – ответил он гордо. – Я попробовал мёда!

Было так.

Давным-давно задумал одноглазый Один похитить волшебный мёд... Тот мёд, что придаёт вещую силу вдохновенным словам песнотворца, превращая их то в целительное, то в смертоносное зелье. А хранило его могучее племя злых исполинов. Но перехитрил Всеотец молодую великаншу, приставленную стеречь бесценные котлы. Удалось ему не удававшееся никому. Завладел Один мёдом, обратился орлом и во весь дух помчался домой, в Асгард, в Обитель Богов! Да только и отец великанши превратил себя в когтистую птицу, пустился вдогон.

Долго летел Один то над морем, то над горами. Уходил от погони и не мог схватиться с преследователем, потому что нёс мёд за щекой.

А когда наконец примчался домой, то первым делом выплюнул мёд в подставленный Богами сосуд. И кажется людям, что капелька того мёда досталась каждому, кого охотно слушаются слова. Но рассказывают ещё, будто часть своей ноши Один всё-таки проглотил. И разметал её по земле вместе с орлиным помётом! И вот эта-то доля мёда досталась всем бездарным поэтам, всякому, кто именуется скальдом, но никак не может им стать!

9

Был у двоих Виглафссонов ещё и третий брат – Эрлинг.

Его жилище стояло на другом берегу фиорда, как раз между Сэхеймом и двором Рунольва Скальда. Люди не дали никакого имени этому дому. Может быть, оттого, что Эрлинг не держал дружины и не ходил в морские походы. Не было у него и боевого корабля. Для рыбной ловли и торговых поездок ему служила крепкая лодья с крутыми боками и вместительным трюмом – кнарр. А ещё Эрлинг носил прозвище: Приёмьш.

Было так...

Зима, когда родился Хельги, выдалась голодная. Настолько голодная, что многим пришлось вспомнить о страшном обычае выносить из дому новорожденных, которых не надеялись прокормить... В Сэхейме, правда, до этого не дошло. Но кое-кому приходилось совсем туго. Вот и случилось, что однажды вечером, когда Виглаф Ворон ехал к себе домой, его уха коснулся голодный младенческий плач.

Старый воин, должно быть, хорошо понимал, что означал этот крик. Но кто знает, что шевельнулось в его душе! Виглаф свернул с дороги прямо в лес. Раздвинул еловые лапы, и его конь потянулся к незнакомому, но очень шумному маленькому существу.

– Неплохой день сегодня! – сказал Виглаф. И наклонился поднять малыша. – Думал я, что у меня двое наследников. А удача посылает мне третьего!

Он вырастил мальчишку вместе с Хельги. И никто не говорил, будто отличал его от двоих старших. Братья жили дружно. Когда Эрлингу минуло пятнадцать, настало время ввести его в род согласно закону. Виглафа к тому времени уже не было среди живых. Халльгрим сам скроил для брата священный башмак и поставил пиво для обряда. Хельги, крепко друживший с Эрлингом, больше всех радовался, что приёмный брат стал полноправным.

Разлад между ними случился много позднее... Это ведь к Эрлингу чуть не из-за свадебного стола ушла от Хельги красавица невеста, зеленоокая Гуннхильд. Гордый Хельги так и не простил ни его, ни её. И в тот же год, когда журавли принесли весну и наступили дни переезда, Эрлинг пожелал жить отдельно. И ушёл на другой берег фиорда выгораживать себе кусок одаля – наследственной земли.

Халльгрим тогда подарил ему кнарр. А Хельги даже не пришёл посмотреть, как этот кнарр станут грузить...

Ту историю Звениславка услышала от кузнеца, бородатого Иллуги трэля.

– Я сделаю, что тебе нужно, – сказал старый мастер, когда Скегги объяснил ему про писало. – Но только не из бронзы. Я знал человека, у которого была язва на руке из-за бронзового запястья. И Хельги навряд ли подарит мне золотое кольцо, если ещё и ты испортишь себе руку!

Иллуги вырезал гладкую палочку и насадил на неё тонкое железное остриё. Скегги помогал ему как умел, а Звениславка смотрела на них, сидя на бревне. Хельги сперва запрещал ей работать и тем более водиться с рабами. Но потом передумал и разрешил ей делать всё, что она пожелает. Он-то знал, много ли радости в безделье.

Кузнец отдал Звениславке писало:

– И не надо мне с тебя никакой платы, Ас-стейнн-ки. Потому что Хельги однажды выручил моего сына, и я этого не позабуду до огня и костра. И неплохо было бы, если бы ты стала поласковой на него смотреть. Или наколдовала своими рунами, чтобы он прозрел!

В середине лета в Сэхейм пришла весть о том, что Гуннхильд в третий раз подарила Эрлингу сына.

– Надо бы проведать их, – сказал Халльгрим хёвдинг. – Уж, верно, у тебя, мать, сыщется для Гуннхильд добрый подарок!

Он знал, что говорил: умельцев в его дворе было хоть отбавляй. Плох тот, кто не умеет держать в руках ничего, кроме меча. В Сэхейме пряли, ткали, вязали и шили, лепили глиняную посуду, резали деревянные ложки и костяные гребни. Тот же Иллуги мастер ковал не только боевые ножи, но и серебряные застёжки, которых не постеснялась бы самая знатная жена. Серебро приезжало в Торсфиорд на драккаре, потому что купцы неплохо ценили песцовые и оленьи меха из Северных стран. За блестящие шкурки торговый люд отдавал когда зерно, когда рабов, когда звонкое серебро. Халейгов ждали на каждом торгу. Тогда Халльгрим завязывал ножны ремешком и превращался в купца.

Но белый щит, подвешенный на мачте в знак мира, легко менялся на красный – боевой. Потому что корабль сына Ворона был боевым кораблём...

Так или иначе, его люди не бедствовали. И всякий, кто хотел порадовать подругу замысловатым колечком или украсить бляхой свой поясной ремень, шёл к Иллуги трэлю. Ведь даже серебро останется безжизненным и тусклым, покуда не побывает в умелых руках.

Звениславка любила ходить в кузницу и смотреть, как работал старый умелец. Здесь можно было подержать в руках монеты, которые ему приносили, – целые и рубленые. Арабские дирхемы – тонкие белые листья с кружевными прожилками письмён. Английские, саксонские, франкские деньги с латинскими буквицами, пузатыми кораблями, крестами, усатыми лицами давно умерших королей... В иных уже были просверлены дырочки: кто-то пришивал их на одежду. На других проглядывали выцарапанные руны. Кто-то надписывал своё имя или призывал к себе милость могущественных Богов.

Дирхемы попадали на северные торги через земли болгар и славян. В тех странах, как и на Севере, своих монет не чеканили – серебро рубили, оно шло на вес. Звениславка подолгу разглядывала половинки дирхемов и гадала о том, где они могли побывать, прежде чем попасть в Торсфиорд.

В пламени кузнечного горна оплывали надменные профили королей, растворялась повелительная латынь и премудрая восточная вязь. Потом Иллуги придавал слитку нужную форму. Появлялся кружочек с ушком – подвешивать на цепочку или шнурок. Или овальная скорлупка с острой булавкой, спрятанной внутри: застёжка-фибула для женского платья. Или спиральный браслет-змея вроде тех, что носил сам вождь. Формочек для литья у Иллуги было не перечесть, и он не уставал придумывать новые.

Он отделявал украшения мельчайшей зернью, растирал и смешивал цветную эмаль. А то брал в руки резец, и тогда на гладком серебре рождался удивительный зверь. Этот зверь застывал в немыслимом прыжке, извивался, вытягивал когтистые лапы, разевал страшную пасть...

Иногда же под резцом возникали лица людей. Гордые, мужественные, готовые достойно встретить любой вызов. Люди узнавали в этих лицах свои собственные черты.

Они хорошо платили Иллуги трэлю. Старый раб жил богаче многих из тех, кто называл себя свободными. Он давно мог бы выкупиться на волю, но не видел в этом нужды.

– Хельги купил меня в Скирингсале, потому что я ему приглянулся. Но он не смог купить ещё и моего сына, так что тот попал к другому хозяину. Тогда Хельги вышел в море и ограбил корабль, на котором его увозили. Вот так, Ас-стейнн-ки. И пусть погаснет мой горн, а у клещей обломаются ручки, если я когда-нибудь отсюда уйду!

Заморыш Скегги, вертевшийся тут же, приносил Иллуги пиво, подавал молоточки, разыскивал завалившиеся куда-то подпилки. Скегги носил на груди хитро сплетённую серебряную цепь. На цепочке висел оберег – крохотный молот вроде того, каким, сказывали, разил великанов рыжебородый бог Тор. Скегги с гордостью показывал оберег Звениславке. Иллуги трэль сделал этот молоточек для его матери-рабыни, когда Скегги появился на свет. Отец Скегги, храбрый Орм, был на корабле Хельги Виглафссона, когда тот ходил в Скирингсаль...

Госпожа Фрейдис выбрала для невестки подарок: красивое платье с нагрудными пряжками и два золотых кольца. Погода стояла хорошая, и Халльгрим велел спустить на воду лодку. Не было нужды тревожить драккар для того, чтобы переправиться через фиорд.

– Я с ними не поплыву, – сказал Хельги Звениславке. – А ты поезжай, это тебя развлечёт.

Халльгрим сопровождал госпожу Фрейдис с двенадцатью своими людьми. Сигурд сын Олава сидел у руля, Видга сразу устроился на носу: на носу – место храбрейших. Живо поставили мачту и подняли на ней парус, сплетённый из разноцветных полос. Лодка вышла через морские ворота и быстро побежала к другому берегу фиорда.

Эрлинг бонд вышел на берег встречать брата и мать. Он даже внешне отличался от Хельги и Халльгрима, как мирный кнарр от боевого корабля. Те двое были светловолосыми, синеглазыми великанами, Эрлинг – почти на голову меньше и на сурового воина совсем не похож... Он крепко обнял брата, а госпожу Фрейдис расцеловал.

– Пошли в дом! – сказал он весело. – Гуннхильд вас ждёт.

Звениславка пристально разглядывала Гуннхильд... Говорили, будто зеленоокая была разумна настолько же, насколько красива, и в это не верил только Иллуги кузнец: может ли быть умна выбравшая Эрлинга, а не Хельги! Звениславка встретила с нею глазами, и Гуннхильд улыбнулась. Она держала на руках самую большую драгоценность из всех, какие могут достаться женщине: своего маленького сына. Двое старших, Виглаф и Халльгрим, играли подле неё на полу. Оба были темноволосы – в отца. Эрлинг взял у жены малыша и передал его матери.

– Я хочу назвать его Хельги. Но Гуннхильд сказала, как бы брат не обиделся...

Фрейдис под села к Гуннхильд и сказала, глядя на спящего мальчика:

– Пускай уж лучше это будет Эйрик, по твоему брату.

Фиорд здесь круто изгибался к северу, так что Сэхейм не был виден с Эрлингова двора. Когда возвращавшаяся лодка уже подходила к этому повороту, Сигурд кормщик вдруг насто-рожился и тронул Халльгрима за рукав:

– Халльгрим хёвдинг, ты слышишь?

Сын Ворона прислушался и кивнул:

– Слышу.

Фрейдис повернулась к нему:

– Ты о чем?

Халльгрим ответил коротко:

– Рунольв.

И хорошо знакомым движением поправил на себе пояс с мечом.

В фиорде появился корабль...

Он шёл со стороны моря – длинный боевой корабль с форштевнем, украшенным резной головой не то волка, не то змеи. Хозяин корабля не позаботился снять её, подходя к знакомым берегам. Или, может быть, хотел хорошенько пострадать горных духов, охранявших Сэхейм. Раскрашенные щиты, как чешуя, пестрели вдоль борта, от носа до кормы были наведены яркие полосы. Над кораблём реял парус, тёмно-красный, словно вымоченный в крови.

С драккара неслась песня – нестройный, но радостный рёв нескольких десятков глоток, ороговевших от штормовых ветров. Эту-то песню и услышал Сигурд ещё из-за скал:

С Рунольвом мы
на деревьях моря!
Дева, встречай,
благороднорождённая!
Обнимешь кормильца
гусят валькирий...

Песня стояла того, чтобы её петь. Державший рулевое весло недаром носил своё прозвище: Рунольв Скальд...

Славный народ был у него на корабле. Но предводитель невольно притягивал взгляд. Если бы поставить его рядом с Халльгримом, они оказались бы одного роста. Другое дело, что Рунольв годился ему в отцы. И трудно было представить воина, способного одержать над ним верх. Он стоял как гранитный утёс. И правил драккаром с той небрежностью, которая говорит о величайшем искусстве.

Войлочная шапка плотно сидела на его голове. Из-под шапки торчали тёмно-медные с проседью космы и такая же борода. Если бы не ветер, волосы легли бы ему на спину и укрыли бы её почти до ремня.

Звениславке стало страшно... Халльгрим хёвдинг был и суров и жесток, но даже он ни разу не пугал её так, как этот чужой вождь.

Видга подошёл к Фрейдис и встал рядом с ней, словно готовясь её защищать.

– Халльгрим, – сказала хозяйка Сэхейма. – Халльгрим, поздоровайся с ним...

Сын Ворона поднялся на ноги:

– Здравствуй, Рунольв Раудссон!

Однако было ясно, что навряд ли он сделал бы это без просьбы Фрейдис. И он определённо жалел, что при нём не было его корабля.

– Здравствуй, Халльгрим! – прозвучал с пёстрога корабля голос Рунольва Скальда. Этот голос был похож на морской прибой. – И ты здравствуй, старуха...

Халльгрим свирепо стиснул челюсти и оглянулся на мать. Но Фрейдис не проронила ни звука. Даже не подняла головы. Видга по-прежнему стоял подле неё, держа руку на рукояти меча. Его меч мог разрезать комочек шерсти, подброшенный в воздух.

Ненависть витала над небесной гладью фиорда, и Звениславка чувствовала её тяжкое дыхание на своей щеке. Смертная ненависть, крепко настоящая на старых обидах. И уже похожая на проклятое оружие, которое до того напитано злом, что рано или поздно начинает убивать само по себе.

Но в этот раз грозе не было суждено прогреметь.

Корабль и лодка уже почти разминулись, когда один из людей Рунольва, не в меру развеселившись, столкнул другого в воду. Парню бросили верёвку, но он её не поймал.

– Эйнар! – обернувшись, прогудел Рунольв. – Если хочешь поспеть к выпивке, поторопись!

Эйнар приподнялся над водой и крикнул в ответ, хохоча и ругаясь:

– Только смотри не выпей всё без меня!

Сигурд кормщик вопросительно глянул на Халльгрима: будем его подбирать? Халльгрим покачал головой.

Вскоре Эйнар выбрался на берег. Вылил воду из сапог и зашагал к дому – в Торсхов...

10

Госпожа Фрейдис занемогла...

Вот уже несколько дней она не покидала своего покоя. Старуха горбунья, ходившая за хозяйкой, всё реже оставляла её одну. И с каждым разом, появляясь во дворе, выглядела всё озабоченней.

– Это Рунольв испугал госпожу, – сказал Скегги убеждённо. – Она ведь когда-то была его женой... Неужели ты не знала, Ас-стейнн-ки? И про то, как старый Ворон едва его не убил?

Хельги Виглафссон думал иначе.

– Это Эрлинг накликал несчастье. Нечего было ездить туда. Да ещё с подарками!

Звениславка с ним не спорила. Тогдашней ночной разговор Халльгрима с Фрейдис не шёл у неё из ума. Однако рассказывать об этом не годилось. Особенно ему.

Горбунья поила госпожу настоями боярышника и наперстянки, но целительные травы не помогали.

Смуглолицая Унн приготовила какое-то диковинное блюдо и как умела объяснила Сигурду, что у неё дома так кормили больных, которые жаловались на сердце. Фрейдис передала Сигурду вышитый платок для жены. Но еда так и осталась нетронутой.

Скеggi взял осколок козьей бедренной кости и вырезал на нём футарк – двадцать четыре волшебные руны, приносящие победу, удачу, здоровье... Малыш долго собирался с духом, но в конце концов принес их Видге.

– Возьми, – сказал он сыну хёвдинга и протянул ему кость. – Положи это госпоже под подушку. И я знаю, что ты меня убьёшь, если ей станет от этого хуже.

Он ждал, чтобы Видга поблагодарил его подзатыльником. Но ошибся. Взяв руны, Видга молча вытащил нож, уколол себе руку и погуще вымазал кровью всю надпись. И так же молча понёс кость Олаву Можжевелинику, чтобы тот посмотрел колдовское лекарство и решил, стоило ли его применять...

Ещё через три дня Фрейдис велела позвать сыновей.

Халльgrim и Хельги вошли присмирившие, словно двое мальчишек... Фрейдис лежала на широкой деревянной кровати, украшенной по углам изображениями свирепых зверей. Множество зим эти оскаленные пасти отгоняли от неё дурные сны. От неё и от Виглафа, пока он был жив. Но, как видно, недуг отогнать не смогли...

Лицо матери показалось Халльгриму постаревшим и очень усталым. Ни дать ни взять справила тяжёлую работу и прилегла отдохнуть. И велика та усталость, всё никак не проходит... Халльgrim сел на край кровати, и Хельги осторожно опустился рядом. Халльgrim взял руку Фрейдис, вздохнул и прижался к ней щекой.

– Ты похож на своего отца, – сказала Фрейдис. – Он приходил ко мне сегодня. Его корабль причаливал к берегу и ушёл перед рассветом, потому что негоже им видеть дневную зарю. Видел ли ты след от кия на песке? Виглаф говорил со мной и радовался, что у него хорошие сыновья... – Она помолчала и добавила: – Скоро он приедет ещё.

Халльgrim слушал её молча. Фрейдис шевельнула бледными пальцами, погладила его усы.

– Я могла бы многое открыть тебе, сынок, я ведь сегодня заглядываю далеко. Я вижу, что ты проживёшь долгую жизнь. Ты не всегда будешь счастлив и умрёшь не на соломе. И два ворона будут следовать за тобой, куда бы ты ни поехал.

– Хорошее предсказание, – проговорил Хельги негромко. – А мне ты что скажешь, мать? Фрейдис закрыла глаза.

– Ты наверняка хочешь знать, достойной ли будет твоя смерть. Но я вижу впереди только солнечный свет. Он ярок, как отблеск на золоте, и мне больно смотреть. И ещё я вижу, что Ас-стейнн-ки зажжёт его для тебя.

Выйдя во двор, Халльgrim невольно посмотрел в сторону гавани. Прибрежный песок был чист. Он сказал об этом брату, и тот ответил:

– Бывает и так, что человек видит то, что ему хотелось бы видеть.

На другое утро женский дом проснулся от причитаний горбуньи...

– Госпожа! – в голос плакала старуха. – Госпожа!

Женщины выбирались из-под одеял, одевались и подкрадывались к двери хозяйского покоя. Никто не смел заглянуть вовнутрь... Звениславка стояла среди других у опрятно завешенной стены и чувствовала, что начинает дрожать.

Потом глухо стукнула дверь со двора. Халльгрим хёвдинг стремительно, не глянув ни вправо, ни влево, прошагал мимо потухшего очага. Рывком распахнул дверь в покой госпожи Фрейдис и вошёл.

Горбунья даже не пошевелилась при виде вождя. Халльгрим долго стоял рядом с ней, молча глядя на мать. Потом опустился на колени и застыл...

Низкое серое небо висело над Торсфиордом. Облака лежали на склонах гор, пряча от глаза каменные вершины. Халльгрим послал Видгу через фиорд – известить Эрлинга. Видга вытащил из сарая свою лодку и бросил в неё вёсла. И когда у лодки оказался Скегги, сын хёвдинга впервые не погнался прочь. Он сказал ему:

– Садись, будешь править.

Столкнули лодку на воду, и плеск вёсел был слышен в повисшей над берегом тишине, пока судёнышко не исчезло за скалами. И снова стало тихо над тёмной водой, похожей на гладкий серый металл. И на берегу, где столбами зелёного пламени высились деревья. И в Морском Доме, оставшемся без хозяйки.

И далеко над морем висело облако, похожее на уходящий корабль.

11

...Если долго-долго идти или ехать на север, туда, куда указывает дышлом созвездие Колесницы, можно достичь границы населённого мира... И говорят, будто на севере эта граница ближе всего. Потому что севернее Норэгр нет больше ни стран, ни городов – только вечные льды. Это всё к югу – и Валланд, и Страна Саксов, и Гардарики, и Серкланд, о котором многие слышали, но почти никто там не бывал. И Блааланд, великая Страна Чёрных Людей. В ней так жарко, что, наверное, именно там обитает огненный великан Сурт. Тот, который однажды спалит своим пламенем весь мир. Но это будет нескоро.

Когда Асы, могучие боги, создавали для людей небо и землю, они взяли веки древнего великана и воздвигли их как ограду, заботливо охватившую весь мир. Вот почему населённые земли называются Мидгард. Это значит – то, что огорожено, Срединный Мир.

За пределами Мидгарда живут иотуны, страшные инеистые великаны. И ещё много всякой нечисти и нежити, от которой не было бы житья людям, если бы не Бог Тор с его молотом.

А ещё где-то там, за границами Мидгарда, за вечными льдами, лежат уже вовсе неведомые берега. Их населяют души, окончившие свой путь по земле. И сами боги садятся там на почётные места, когда наступает время пировать.

Викинг, павший в сражении, поселяется в Вальхалле – дружинном доме у небесного конунга, имя которому Один. Пять сотен и ещё сорок дверей в этом чертоге. Восемьсот воинов входят в каждую из них, чтобы сесть за длинные столы. И не перечесть за тем столом могучих мужей, великих и славных героев!

Но есть и другой берег, и зовётся он – Нифльхель. Поющим потоком окружает его чёрная река Гьёлль, и печальна её песнь. Единственный мост ведёт в сумрачное царство, где правит угрюмая великанша Хель... Там у неё большие селения, и на диво высоки повсюду ограды и крепки решётки. Мокрая Морось зовутся там палаты, Голод – её блюдо, Истощение – её нож, Одр Болезни – её постель. И того, кто предал побратима или произнёс ложную клятву, ждёт дом, целиком сплетённый из живых змей.

Однако говорят, будто у бабки Хель тоже есть высокие и светлые хоромы для достойных гостей. Недаром ведь живёт у неё любимый сын Одина, добрый Бог Бальдр, давно когда-то сражённый ветвью омелы. И с ним превеликое множество славных людей, которым не досталось смерти в бою...

Скоро в этом чертоге будет заполнено ещё одно место. Нынче туда отправляется Фрейдис дочь Асбьёрна, хозяйка Сэхейма...

Когда крутобокий кнарр принёс через фиорд Эрлинга Приёмьша, умершую уже собирали в дорогу. Верная горбунья сама расчесала и связала в тяжёлый узел её волосы, так и не успевшие поседеть. Сама надела на госпожу шерстяное платье и застегнула серебряные фибулы, соединённые цепочкой. Она доверила Халльгриму только одно: крепко завязать на ногах Фрейдис погребальные башмаки, на которых были начертаны знаки её рода. Это должен был сделать мужчина. Старший сын.

Горбунья целовала неподвижные руки Фрейдис и заливалась мутными старческими слезами. Халльгрим не разрешил ей сопровождать госпожу, и некому было утешить старуху. Халльгрим сказал, что незачем всему фиорду видеть и потом молотить языками, будто у супруги Виглафа Хравна не нашлось спутниц получше!

И вот девять юных невольниц взволнованно шептались в углу. Прихорашивались, поправляли друг на друге разноцветные бусы и вышитые налобные повязки. Они поедут вместе с Фрейдис на погребальной повозке через реку Гьёлль. Подстегнут коня, если заленится. И удержат, если вдруг понесёт. И подадут руки госпоже, когда путь будет окончен и придёт пора ступить на неведомый берег Нифльхель...

Честь великая!

Но девчонки были слишком молоды. Горбунья видела, что девчонки боялись. Девчонки хотели жить. Да разве эти молодые способны хоть что-нибудь понять? Где им, разве они смогут предстать как надо перед владычицей Хель?

Когда сын Ворона в очередной раз пришёл зачем-то в дом, горбунья спросила его с надеждой:

– Халли, не передумал ли ты?

Хёвдинг ответил:

– Нет, не передумал. И не хочу больше об этом слышать!

Умершего редко хоронят сразу. Чаще всего готовят временную могилу. И в ней он остаётся до тех пор, пока не соберётся родня, не будет построен курган, не созреет для поминального пира доброе ячменное пиво... Но у госпожи Фрейдис не было многочисленных родичей, только сыновья. Тогда Халльгрим припомнил, что она говорила ему о корабле отца, и сказал так:

– Не похвалит нас мать, если мы задержим её надолго.

Когда солнце выплыло из-за скал, он повёл мужчин за ворота. К зелёному взгорку над морем, где лежал и дед Асбьёрн, и отец деда Асбьёрна, и ещё полтора десятка предков, о которых в Сэхейме помнили и могли рассказать. Могилы Виглафа Ворона здесь не было: бездонная морская пучина хранила и его, и его корабль. На берегу стоял только памятный камень с рисунком всадника на восьминогом коне и женщины с приветственным кубком в руке. Никто не видел, как погибли Ворон и его люди. Но ни один не сомневался, что они пали в бою и девы валькирии приняли их на пороге Вальхаллы...

Окованные лопаты дружно вошли в каменистую землю. Даже Хельги не пожелал остаться без дела. И уже к полудню на холме открылась глубокая, вместительная яма. Погоня терпеливых коней, притащили из лесу тяжёлые сосновые брёвна. Внутри ямы стал подниматься сруб. Он послужит последним земным домом для госпожи. Сюда она сможет возвращаться и приглядывать, хорошо ли живёт без неё её Сэхейм. Сюда въедет погребальная повозка. Здесь рухнет под ударом её любимый конь. И здесь же, возле колёс, уснут все девять молоденьких рабынь. Иначе не бывает.

Отмыв глину, густо налипшую на руки и на сапоги, братья Виглафссоны сообща разобрали стену женского дома и вынесли тело матери через пролом. Отлетевший дух не должен найти обратной дороги, ни к чему ему тревожить оставшихся. Фрейдис уложили в повозку – резной деревянный короб на четырёх высоких колёсах. Запрягли кроткого рыжего коня, часто возившего Фрейдис при жизни.

И двинулись со двора...

Хельги шёл рядом со Звениславкой. Он не держался за её плечо. Просто касался её локтя своим. Он не спотыкался. А за ремнём у него торчала секира, упрятанная в чехол.

Люди несли с собой всё то, чем хотели снабдить госпожу на дорогу: свежий хлеб, мясо, сыр, благородный лук, отгоняющий болезни. На поясе Фрейдис по-прежнему висел ключ, знак достоинства хозяйки. А у бортов повозки лежало женское имущество – костяной гребень, замысловатые серебряные застёжки, обручья, нож, ложка, головной платок и платья на смену... Не посмеет старая Хель назвать её нищенкой!

Когда шествие добралось до холма, Халльгрим повёл коня вниз, внутрь сруба. Тот пошёл доверчиво и послушно... Колёса повозки дробно застучали по брёвнам. Спустившись, Халльгрим остановился и вытащил меч. Конь не успел испугаться. Свистящий удар уложил его замертво.

Звениславка увидела ужас, появившийся на лицах рабынь. Смерть всегда страшна. Даже такая, которая несёт с собой великий почёт.

Она зажмурилась, стараясь не смотреть, как Халльгриму передавали жертвенный нож... И потому не видела, как, проскользнув между стоявшими на краю сруба, в яму отчаянным прыжком соскочила горбунья. Мгновение – и она выдернула нож из руки Виглафссона. Даже он, двадцать лет сражавшийся в походах, не успел ей помешать. Старуха с блаженной улыбкой поникала рядом с ещё горячей тушей коня...

Люди взволнованно загомонили.

– Ас-стейнн-ки, – напомнил о себе Хельги. – Расскажи, что там...

Халльгрим наклонился над служанкой и бережно разомкнул её пальцы, стиснувшие костяную рукоять. Потом поцеловал горбунью в морщинистый лоб. Старая нянька когда-то учила его ходить...

– Я ошибался, когда приказывал ей остаться! – проговорил он негромко. – А следовало бы мне помнить, что времена переменялись и уже мало кто знает, как надо выращивать свою судьбу!

Тогда-то самая молоденькая из рабынь, ровесница Звениславке, шагнула вперёд, раздвигая на груди металлические украшения, чтобы ничто не помешало удару...

Потом Халльгрим высек огонь и затеплил маленький светильник. Пусть не будет госпоже Фрейдис ни темно, ни холодно в той ночи, которая сейчас укроет её своим плащом. Светильник был сделан в виде чаши на остром витом стержне. Халльгрим воткнул его в пол рядом с повозкой. В последний раз проверил, хорошо ли были завязаны у Фрейдис погребальные башмаки. Пусть не упадет ей на пятки Напасть, дверная решётка Хель. Пусть не обломится под ней золотой мост через поющую реку Гьёлль. Пусть не слишком сердито облает её злобный пёс Гарм. И, ничем не обидев, пропустит воинственная дева-привратница...

Он выбрался наверх, и сруб начали закрывать. Наладили последнюю стену и стали накачивать сверху брёвна. Исчезла рыжая шкура коня, исчезли рабыни, сидевшие подле колёс. Исчезло бледное, словно светившееся, лицо Фрейдис... Халльгрим первым столкнулся на эти брёвна глыбу земли. И когда она обрушилась на накат, все голоса потонули в лязге оружия. Это воины одновременно выдернули из ножен мечи и троекратно ударили ими в звонкое дерево щитов. И называлось это – шум оружия, вапнатак!..

А комья земли сперва гулко стучали по брёвнам, потом этот звук стал делаться глуше и глуше, пока не стал наконец простым шорохом глины о глину...

Когда на могиле уже утаптывали землю, из-за деревьев вдруг сипло прокричал рог.

– Кто-то приехал, – сказал Халльгрим. Он продолжал глядеть на свежую глину.

Всадники, выехавшие из леса, увидели перед собой грозное зрелище: около сотни воинов в боевом облачении венчали собой холм. Но они не остановились и не повернули назад, хотя их было всего трое.

– Ас-стейнн-ки! – напомнил о себе Хельги. – Что там?

Как ни хороши были стоявшие наверху, стоило посмотреть и на всадников. Особенно на того, что ехал впереди. Крупной рысью шёл под ним лоснящийся серый конь. Вился за плечами седока широкий синий плащ. Покачивалось в могучей руке тяжёлое копьё – толстый кол, окованный железной броней...

А позади катилась тележка, и из неё доносилось злобное хрюканье. С холма было хорошо видно ворочавшуюся тёмно-бурую спину.

– Хитёр! – сказал Хельги. – Знает, не тронем!

Ему не надо было смотреть, чтобы узнать приехавшего.

– Это я его известил, – проговорил Эрлинг, и Хельги усмехнулся: мол, чего ещё можно от тебя ждать. Но поссориться с братом он не успел, потому что Звениславка вдруг ухватила его за локоть, а потом и вовсе спряталась за его спиной. Хельги чувствовал, что она дрожала от страха, и готов был многое вытерпеть ради того, чтобы только она подольше стояла так, держась за его руку...

Всадники тем временем вплотную приблизились к холму и начали взбираться по склону.

Халльгрим шагнул им навстречу.

– Здравствуй, Рунольв Раудссон, – сказал он хозяину серого жеребца. – Что тебя сюда привело?

– И ты здравствуй, сын Виглафа, – отвечал ему всадник. – Зачем ты спрашиваешь о том, что и сам знаешь? Или не хоронил ты нынче свою мать, Фрейдис дочь Асбьёрна?

Седеющие космы лежали у него на плечах, нижняя половина лица пряталась в густой бороде. И только глаза зло и холодно смотрели на Халльгрима из-под надвинутой войлочной шляпы.

Но эти глаза сразу изменились, когда Рунольв посмотрел на вершину холма, на комья взрытого дёрна.

– Быстро же ты зарыл мою старуху, сын Виглафа... А я бы совсем не отказался взглянуть, много ли прибавилось у неё морщин.

Такие слова и таким голосом от Рунольва Скальда можно было услышать единожды в жизни. Халльгрим понял это и сказал:

– Ты сам знаешь, что я тебя сюда не звал. Но раз уж ты приехал, будь гостем. Мы ещё не всё сделали здесь, что собирались.

Тогда Рунольв хёвдинг спешился и махнул рукой своим молодцам. Те живо привязали коней, и работа возобновилась как ни в чем не бывало. Все вместе они привели в порядок вершину холма, а потом принесли с берега тяжёлые плоские камни и отметили ими могилу, выложив контуры длинного корабля, обращённого носом на юг.

Вечером, когда собрали пир и внесли столы, и рабы прикатали заморский бочонок, и хмельной рог по обычаю отправился вкруговую, Рунольв Раудссон, хозяин Торсхова, впервые заметил странно одетую незнакомку, сидевшую рядом с Хельги.

Он спросил:

– Кто это, Хельги? Никак ты женился?

Хельги вздрогнул так, словно в него угодила стрела. Халльгрим ответил за брата:

– Нет. Это гостя.

Рунольв, по счастью, в дальнейшие расспросы пускаться не стал. А Звениславка глядела прямо перед собой и всё видела тёмную внутренность сруба, и медленно остывавшую тушу коня, и несчастных рабынь, и саму госпожу, освещённую тусклым огоньком.

Вот приподнимается конь... Встают, отряхивают платья служанки... И Фрейдис садится в повозку, а горбунья берёт в руки вожжи... Глухо ржет, ударяет копытом чудовищный конь... и растворяется перед ним бревенчатая стена.

Ледяным холодом тянет оттуда, из темноты. В последний раз вспыхивает и гаснет маленький светильник. Необъятная ночь заполняет всё вокруг. Только шелестят во мраке шаги рабынь да поскрипывают колёса повозки, увозящей госпожу Фрейдис в далёкий путь.

Рунольв со своими людьми прожил у братьев три дня, в течение которых ничего не произошло. А потом уехали, и он, и Эрлинг, – каждый к себе.

12

Нет бедствия хуже неурожая!

Бывает неурожай хлебный. Бывает недород скотный. И ещё неурожай морской, когда рыба уходит от берегов. Поодиночке эти бедствия случаются почти каждый год, и люди поневоле привыкли с ними справляться. Но трудно выжить, если все три наваливаются разом...

Потому-то приносят в жертву конунга, оказавшегося несчастливым на мир и урожай. И чтут колдунью, умеющую наполнить проливы косяками сельдей. И самый бедный двор редко обходится без пиров, устраиваемых по обычаю – трижды в год.

Первый пир собирают зимой, когда день перестает уменьшаться. Потом весной – на счастье засеянными полям. И наконец, осенью, когда собран урожай и выловлена треска... Это жертвенные пиры. Плохо тому хозяину, которого бедность вынуждает ими пренебречь! Бог Фрейр, дарующий приплод, может обойти милостью его двор. А удача – оставить.

В Торсфиорде ни разу ещё не забывали об этих пирах. Вот только соседей в гости здесь не приглашали. Рунольв пировал у себя в Торсхове, Виглафссоны – в Сэгейме. К старшим братьям приезжал ещё Эрлинг, и Хельги принимал его ласково, ведь не дело ссориться в праздник.

Раньше в Сэгейм заглядывал иногда херсир по имени Гудмунд Счастливым, старый друг Виглафа Хравна. Тот, что жил на острове в прибрежных шхерах, в трёх днях пути к югу. Однако теперь его паруса с синими поперечинами появлялись в Торсфиорде всё реже. Шесть зим назад Гудмунд херсир потерял единственного сына Торгейра и с тех пор сделался угрюм...

А приезжал ли кто к Рунольву – того Виглафссоны не знали и не хотели знать.

Когда подошло время осеннего пира, Видгу по обыкновению послали за Приёмышем. Видга посадил Скеggi в свою лодку и спихнул судёнышко в воду. Хельги сказал ему:

– Только пускай Эрлинг в этот раз не привозит с собой Рунольва!

Накануне праздника Хельги подарил Звениславке золоченые пряжки: скреплять на плечах сарафан, который здешние женщины носили составленным из двух несшитых половинок. Звениславка не торопилась заводить себе чужеземные одежды – однако застёжки понравились. Каждая была почти в ладонь величиной, и между ними тянулась тонкая цепь. Другие цепочки свешивались с самих пряжек. Можно привесить к ним игольничек, обереги, маленькие ножны с ножом...

С обеих фибул смотрели усатые мужские лица. Грозные лица... Хмурились сдвинутые брови, развевались схваченные бурей волосы, сурово глядели глаза. Одно выглядело помоложе, другое постарше. Пряжки как бы говорили: смотри всякий, что за человек подарил нас подруге. Он такой же, как мы. Обидишь её – не спасёшь головы!

Хельги был вполне ровней этим двоим. Хотя, правда, ни бороды, ни усов не носил.

– Нравится? – спросил он Звениславку. – Носить станешь?

Она ответила:

– Спасибо, Виглавич...

Он опустил на лавку и велел ей сесть рядом. И посоветовал:

– Носи так, чтобы смотрели один на другого. Это Хёгни и Хедин, древние конунги. Хедин полюбил дочку Хёгни и увёз её от отца. Хёгин погнался за ним и настиг, и девчонка не помогла им помириться. Тогда они повели своих людей в битву и полегли все до единого. Но девчонка

была колдуньей и ночью оживила убитых. И я слышал, будто они по сей день рубятся друг с другом где-то на острове, а по ночам воскресают из мертвых!

Мимо них из дому и в дом сновали рабыни и жёны. Ставился хлеб, бродило пиво, готовилось мясо.

Хельги сказал:

– Я знаю, как выглядят твои пряжки, потому что это я велел старому Иллуги их сделать, и я видел их готовыми.

Он взял её руку и положил на своё колено. Стал перебирать пальцы.

– Вот только тогда я думал, что они будут подарком моей невесте. И не тебе я собирался их подарить. Да и ты, как я думаю, не от меня хотела бы их получить. Расскажи про жениха!

Звениславка опустила голову, в груди поселилась тяжесть: ох ты, безжалостный!

– Что же тебе про него рассказать?

– Ты называла его имя, но я позабыл.

– Чурила... Чурила Мстиславич.

– Торлейв... Мстилейвссон, – медленно повторил Хельги. – Все имена что-нибудь значат. Мое значит – Священный. А его?

– Предками Славный...

Хельги похвалил:

– Хорошее имя.

Звениславка подумала и добавила, невольно улыбнувшись:

– А кто не любит, Шурилой зовёт. Рубец у него на лице-то... Вот и щурится, когда облизят.

– Шрам на лице не портит воина, – сказал Хельги. – Потому что у трусов не бывает шрамов на лице. Твой конунг красивее, чем Халльгрим?

Звениславка долго молчала, прежде чем ответить:

– Такой же... только черноволосый.

– Стало быть, твой конунг некрасив, – проворчал Виглафссон. – Черноволосый не может быть красивым, даже если он смел.

Звениславка ответила совсем тихо:

– Нету краше.

Хельги сбросил её руку с колена и вспылил:

– Убирайся отсюда! Ты будешь сидеть вместе с рабынями, потому что ты беседуешь с Иллуги охотнее, чем со мной!

Звениславка испуганно подхватила с места, отскочила прочь. Хельги поднял голову – ну ни дать ни взять сокол, накрытый кожаными колпачком.

– Ас-стейнн-ки!

– Здесь я, Виглавич.

– Подойди сюда. Сядь...

Когда Эрлинг приехал в Сэгейм и сошёл с корабля, Халльгрим немало удивился, увидев, что младший брат привёз с собой жену и маленьких сыновей. Этому Эрлинг никогда прежде не делал. Халльгрим спросил его без обиняков:

– Что случилось, брат?

Эрлингу явно не хотелось портить ему праздник.

– Думаю, безделица, Халли. Есть у меня раб по имени Рагнар сын Иллуги, да ты его знаешь...

Халльгрим заметил с неодобрением:

– Малоподходящее имя для раба... Почему ты позволяешь ему так себя называть?

Эрлинг пожал плечами:

– Приходится позволять, потому что он задира, каких и среди свободных немного найдётся. Так вот этот Рагнар поспорился с рабом Рунольва, и они подрались. Того раба я знаю давно, поскольку он любит ходить ко мне во двор и мы с ним разговариваем. Он англ и из хорошего рода, а зовут его Адальстейном. Вчера он пришёл опять и рассказал, будто Рунольв всем жалуется на меня и на моих дерзких рабов и говорит, что давно уже ждёт от меня беды.

– Лгун он, твой Адальстейн, – проворчал Халльгрим угрюмо.

– Может быть, и так, – сказал Эрлинг. – Но на него это мало похоже. Адальстейн рассказывал ещё о том, что он решил убежать от Рунольва и остаться жить у меня. Я велел ему идти домой, но он не пошёл. Тогда я послал к Рунольву человека, с тем чтобы он переговорил с ним и предложил виру за раба. Это было вчера, но тот человек не вернулся.

Пока он говорил, к ним подошёл Хельги. Средний сын Ворона выслушал Эрлинга и усмехнулся:

– Стало быть, не вышло у тебя поиграть сразу двумя щитами, Приёмьш. А уж как ты старался.

В другое время Халльгрим прикрикнул бы на него за такие слова. Но тут только поскрёб ногтем усы и заметил:

– Ты потому и привёз с собой столько народу, что твой двор больше не кажется тебе безопасным.

Эрлинг кивнул:

– Это так, и я велел рабам вооружиться. Но я бы хотел, чтобы дело кончилось миром.

Хельги двинулся прочь и уже на ходу насмешливо бросил:

– А я не очень-то на это надеюсь! Вы с Рунольвом последнее время неразлучны: куда ты, туда следом и он!

Тогда-то подавала голос зеленоокая Гуннхильд, молча стоявшая подле мужа.

– Ты, Хельги, выгнал бы нас вон, если бы был волен решать. Может быть, тогда Рунольв не стал бы вас трогать!

Хельги обернулся... Халльгрим помешал ему поспориться с братом, сказав:

– Тебя называют разумной, Гуннхильд. Однако иногда следует и помолчать!

В день, назначенный для пира, в ворота Сэхейма постучался всадник из Торсхова...

А на плече у него висел щит, выкрашенный белой краской в знак добрых намерений и мира.

Всадник слез с седла и сказал:

– Меня прислал Рунольв хёвдинг сын Рауда. Где Халльгрим Виглафссон?

Халльгрим уже шагнул к нему через двор, отряхивая руки, – он как раз советовался с пастухами, отбирая скот для забоя. Рунольвов человек передвинул щит за спину.

– Наш хёвдинг гостил у тебя нынешним летом, когда ты хоронил свою мать. Рунольв сын Рауда хочет отплатить тебе за гостеприимство и думает, что навряд ли ты побоишься приехать к нему сам-третей, как он тогда. Это было бы несправедливо!

Халльгрим остановился, заложил пальцы за ремень... Ничего подобного он не ждал, но показывать это не годилось. Он сказал:

– Мудро поступает Рунольв Скальд, если вражда и впрямь ему надоела... Вот только зря он не напомнил тебе, что в чужом дворе не заговаривают о делах сразу. Иди в дом, отдохни и поешь!

Сигурд Олавссон повёл чужака с собой. Тот пошёл озираясь и явно ожидая подвоха... Олав Можжевельник проводил его глазами и сказал:

– Или я плохо знаю Рунольва, или незачем тебе ехать туда, Виглафссон.

Халльгрим покачал головой и ответил как о деле решённом:

– Я поеду.

Олав упрямо повторил:

– Незачем тебе к нему ездить.

Халльгрим улыбнулся, что бывало нечасто.

– Рунольву не удастся назвать меня трусом. Кто со мной?

Вокруг стояли почти все его люди: сбежались кто откуда, прослышав о гонце.

– Я, хёвдинг! Возьми меня!

Счастлив вождь, за которым одинаково охотно идут на пир и на смерть. Он выбрал двоих... Гудрёда, среднего сына Олава кормщика. И ещё парня по имени Гисли. Оба были рослые и крепкие и вдобавок хороши собой. Для воина тоже не последнее дело.

Потом велел седлать своего коня.

13

Осень уже разбрасывала по берегам фиорда яркие краски... Так заботливая хозяйка, ожидая гостей, готовит наряды и завешивает цветными покрывалами простые бревенчатые стены. Но вот чем кончится пир?

Воздух был почти совсем тих. Только откуда-то из глубины фиорда понемногу начинало тянуть ледяным сквознячком. Стылый ветерок проникал под одежду, заставлял поёживаться в седле. Вот потому-то Халльгрим всю жизнь предпочитал ходить пешком, а ещё лучше – грести на корабле. Пеший и тем более у весла не замерзнешь. Да и доберёшься, пожалуй, быстрее, чем на лошади по этой тропе... Другое дело, пешком в гости мало кто ходит. И тем более вождь к вождю!

А ветерок – Халльгрим знал, что предвещал этот ветерок. Может быть, даже нынче к вечеру разразится свирепая буря. Такая, что не хуже вражеских мечей оборвёт с воинов леса вышитые нарядные плащи... А иные деревья и вовсе лягут корнями наружу, сражённые в неравном бою...

Халльгрим ехал и думал о том, не придётся ли лежать между этими бойцами и ему самому. Премудрый Олав разглядел волчий волос, вплетённый в кольцо, и не было причины ему не поверить...

А не поедешь – уж Рунольв позаботится, чтобы смеялась вся округа-фюльк...

Опавшие листья шуршали под копытами коней.

Гисли и Гудрёд молча ехали за вождем. И, верно, тоже прикидывали, чем мог кончиться для них этот день. Если пиром у Рунольва – не захмелеть бы. Закон гостеприимства свят, нарушить его – преступление. И добро, если Рунольв вправду образумился на старости лет, говорят же люди, что лучше поздний ум, чем вовсе никакого! Но знают люди и другое. Хоть редко, а бывает, что среди ночи вспыхивает дом с гостями, упившимися за столом... И копыта встречают выскочивших из огня!

Несколько раз Халльгриму мерещились крадущиеся шаги... И не заметил бы вовсе, если бы поневоле не ждал из-за каждого дерева стрелы. Он не поворачивал головы, только всякий раз подбирался в седле, готовясь к отпору. Но шедший лесом не показывался и не нападал...

И всё оставалось спокойно.

Из Сэхейма в Торсхов ездили редко... Только в святилище, и то обычно на корабле. Дом Эрлинга стоял примерно посередине дороги, и Халльгрим привык считать, что брат жил поблизости. Но береговая тропа петляла, взбираясь на кручи и снова спускаясь к воде. И когда фиорд открылся в очередной раз и Халльгрим увидел на той стороне дом Приёмьша, он слегка удивился тому, как мало, оказывается, они проехали.

Ещё он заметил длинную лодку, лежавшую под скалами, в зелёной воде. Над бортом лодки торчали две светловолосые головы. Халльгрим мимолётно подумал, что это, наверное, рабы ловили рыбу на ужин. Подумал – и сразу же забыл...

До Торсхова они добирались и вправду ещё долго. Но наконец лес расступился – стал виден частокол и заросшие травой крыши построек. И боевой корабль Рунольва Скальда, который был вытасен из сарая и стоял у берега на якорях; Халльgrim сразу же это отметил. Зачем?

Даже мачта уже возвышалась на своих расчалках, и свёрнутый парус багровым червем прижимался к опущенной рее. Так, будто Рунольв готовился не к пиру, а к дальней дороге. Если не к боевому походу.

И не намеревался медлить с отплытием.

Может быть, он хотел проводить гостя со всем почётом и тем закрепить мир между ним и собой? Халльgrim в своё время поступил именно так. Ну что же, добрый корабль у Рунольва Скальда...

Рунольв сын Рауда Раскальвателя Шлемов стоял в воротах, глядя на подъезжавших. Увидев, Халльgrim более не спускал с него глаз. Не только смешную гардскую девчонку мог перепугать при встрече этот боец! Сам Халльgrim уж сколько раз видел его и даже дома у себя принимал, а всякий раз поневоле вспоминал тот утёс над Торсфиордом... Исполинский угрюмый утёс, обросший ржавым лишайником, и никому не удавалось обогнуть птичьи гнезда на его уступах. Скольких молодых храбрецов ещё искалечит и швырнёт в зелёную бездну у ног? И когда наконец упадет сам, и чья рука его свалит?

Халльgrim спешился, радуясь твёрдой земле вместо надоевших стремян. И пошёл навстречу Рунольву – Гисли и Гудрёд за ним, плечо в плечо, шаг в шаг. Рослые, крепкие, красивые парни...

– Здравствуй, Рунольв Скальд, – поздоровался Халльgrim. – Я приехал к тебе, ведь ты, как рассказывают, меня приглашал.

– И ты здравствуй, сын Фрейдис, – прогудел в ответ Рунольв вождь. И Халльgrиму захотелось увидеть в этом ещё один белый щит, поднятый на мачту. Даже вопреки тому, что Рунольвовы люди понемногу брали их в кольцо и безоружных среди них не было. А ворота поскрипывали, закрываясь... Рунольв сказал:

– Не будет у Одина недостатка в героях, если два наши корабля станут ходить вместе, а не врозь.

Халльgrim отозвался, кивнув:

– Это так.

И пронеслось: неужели, пока жива была Фрейдис, только старая ревность подогрела в Рунольве вражду? Халльgrима бы это, пожалуй, не удивило... Но тут Рунольв поддался на шаг назад и окинул взглядом своих людей. И Халльgrim похолодел. Старый вождь проверял, всё ли было готово. И даже не очень это скрывал.

– Будут ходить в море два корабля, – сказал он, глядя Халльgrиму в глаза, и в улыбке была насмешка. – Но только мой пойдёт первым, потому что оба будут зваться моими, слышишь ты, сосунок! – И рявкнул своим: – Хватай!

Однако приказать, как водится, было легче, чем выполнить. Осеннее солнце, уже подёрнутое багровой дымкой подходившего шторма, вспыхнуло на трёх длинных клинках. Халльgrim, Гисли и Гудрёд уже стояли спиной к спине. И каждый держал в правой руке меч, а в левой – тяжёлый боевой нож. Не зря же Халльgrim увидел свой первый поход в неполных одиннадцать зим! Он знал и умел всё. И его не зря называли вождём...

Ну что же, и Рунольв хёвдинг недаром учил своих молодцов... Однако требовалось немалое мужество, чтобы первым подойти к тем троем. На верную смерть... Какое-то время всё было тихо, и Рунольв сказал:

– Не завязал ты ножен ремешком, Халльgrim Виглафссон. А жаль.

Он не собирался участвовать в схватке. Халльgrim в ответ ощерился по-волчьи:

– Олав Можжевательник сказал мне, что надо быть настороже, когда едешь к трусу. И это был хороший совет!

Оскорбление попало в цель. Рунольв сгрёб в кулак свою рыжую бороду и зарычал:
– Я сам поговорю с этим Олавом, когда стану грабить твой двор!

Халльгрим сказал ему:

– Этого не будет...

Он хорошо видел тех шестерых, которых судьбе было угодно поставить против него. Каждого и всех сразу. Наверняка сильные бойцы, Рунольв не станет кормить у себя неумех. И храбрые: малодушному нечего делать здесь, в Торсхове... Халльгрим видел побелевшие, стиснутые челюсти и внимательные глаза под клепаными шлемами. А что видели они? Свою погибель. Шагнувший первым первым же и упадёт. Потому что противником был Халльгрим сын Виглафа Хравна.

Но мгновение минуло, и кто-то всё же прыгнул вперёд. У многих тут были в руках длинные копья наподобие знаменитой Рунольвовой Гадюки, убивавшей даже сквозь щит. Широкий наконечник устремился в живот... Отточенное лезвие и втулка, выложенная серебром. Халльгрим не стал уворачиваться, ведь позади были две живые спины. Не стал и рубить окованное древко: толку не будет, а лишние зазубрины на мече теперь ни к чему. Наконечник, отбитый скользящим ударом, хищно блеснул перед лицом, уходя вверх. Воин, которому уже казалось, будто он всадил своё копьё – даже воздух в грудь набрал для победного крика, – потерял равновесие. Халльгрим поймал его на боевой нож:

– Ха!

И отшвырнул прочь, под ноги оставшимся пятерым... Они потом станут рассказывать, будто он улыбался. Может, так оно и было. Халльгрим знал, что не выберется отсюда живым. Что останется лежать на этом утоптанном дворе – и Гисли будет лежать справа от него, а Гудрёд слева. Где и стояли. Но прежде, чем это случится, бой будет славный... Страшный последний бой, который бывает однажды в жизни и в котором не считают ни ударов, ни ран – только убитых врагов!

Те крадущиеся шаги на лесной тропе Халльгриму не померещились... За ним действительно шли. Хотя он и приказывал этого не делать:

– Случится что-нибудь, узнаете и так.

Но стоило ему сесть в седло и выехать за ворота, как его сын Видга незаметно перемахнул ограду с той стороны двора. Стремглав пересёк поляну и скрылся в лесу...

Видга был уверен, что никто не успел за ним проследить. И заскользил к тропе привычным охотничьим шагом, которого не слышали звери, не то что человек. Как вдруг сзади громко хрустнули ветки, и Видга крутанулся, выхватывая нож. Но сразу же его опустил: в десятке шагов, съёжившись от страха, стоял Скегги.

Видга живо оказался после него и зашипел:

– Убирайся!

С подобного спутника толку никакого, а мороки с ним не оберёшься. Для острастки Видга занес над ним кулак – но Скегги не побежал, только ещё больше вобрал голову в плечи:

– Я с тобой...

В другое время Видга попросту расквасил бы ему нос и оставил в кустах скулить от обиды. Но тут на тропе звякнули стремяна, потом фыркнула лошадь. Видга сгрёб Скегги за плечи и жёсткой ладонью закрыл ему рот. Оба застыли... Потом всадники начали удаляться, и тогда-то Видга понял: возиться здесь со Скегги или догонять, что-нибудь одно. Он выпустил малыша и со злостью бросил сквозь зубы:

– Отстанешь, ждать не буду!

Скегги поспешно закивал, не смея ответить вслух. Видга повернулся к нему спиной и зашагал. И Скегги поспешил следом, стараясь не думать о том, что же будет, если придётся отстать, а ведь отстанет он наверняка... Ещё он старался не думать о Рунольве и о том, чем

могла кончиться вся эта затея. Было страшно, Скегги боялся всё больше – и не отставал от сына вождя.

Он так и пришёл следом за ним к самому Рунольвову двору, и чего это ему стоило, знал только он сам. Когда Халльгрим спешился и пошёл внутрь, Видга выбрал высоченную сосну и велел Скегги хорошенько поглядывать по сторонам, сам же с ловкостью куницы взобрался наверх. Только лёгкие чешуйки коры посыпались вниз, в лесную траву. Позавидовав ему, Скегги встал у подножия сосны и принялся сторожить. Деревья над ним понемногу начали гудеть – ветер усиливался. Ровный гул баюкал измотанного Скегги, тянуло сесть возле ствола, прислониться к нему и закрыть глаза. Ненадолго. Совсем ненадолго...

Поддаваться было нельзя. Скегги ущипнул себя за ногу – не помогло. Тогда он принялся ходить вокруг дерева: раз, другой, ещё и ещё. В одну сторону, потом в другую.

Совершенно неожиданно сверху снова посыпалась кора. А следом не то спрыгнул, не то свалился и Видга. Он молча ринулся мимо отшатнувшегося Скегги к воротам – бешеные глаза, обнажённый нож у кулаке, щека разодрана острым сучком... Таким Скегги его ещё не видал. Что-то случилось там, во дворе, с Халльгримом Виглафссоном.

Скегги успел броситься внуку Ворона в ноги, и оба покатались по земле. Видга вскочил и рванулся, едва не сломав вцепившуюся руку. Но Скегги повис на нём как клещ:

– Не ходи туда!

Жестокий удар пришёлся в лицо, из носу мгновенно хлынула кровь. Однако оторвать Скегги могла разве что смерть.

– Не ходи туда! Только раб мстит сразу, а трус никогда!

Видга снова ударил его – так, что потемнело в глазах. Скегги повторил, слабея:

– Только раб мстит сразу, а трус никогда...

Гисли лежал лицом вверх, и его глаза были раскрыты. В горле торчала стрела. Ладонь по-прежнему стискивала меч. А дух уже шагал к воротам Вальхаллы, чтобы подождать перед ними вождя и вместе с ним войти в обитель Богов. И видел с небесных гор, что долго ждать не придётся.

По лицу сына Ворона текла кровь. Она заливала глаза, и не было времени смахнуть её рукавом. Халльгрим рубился молча и от этого выглядел ещё страшнее, чем был. Хотя куда уж страшнее: Виглафссон!

Ещё трое попали под его меч и умерли, даже не протонав. Наверное, дух Гисли теперь сражался с ними на небесной дороге, веселя могучего Бога войны. Новый противник метнул в Халльгрима нож. Бросок был искусный, сын Ворона еле успел повернуться на пятках. Лезвие вспороло куртку, обожгло бок. Новая рана – которая по счёту? Он не знал. Только то, что не было здесь бойца, способного уложить его смертельным ударом. Его измотают раны, но это будет потом. Ещё нескоро...

У того, бросившего нож, висел на руке красиво разрисованный щит. Халльгрим обманул парня, заставив прикрыть голову, и ударил по ногам. Тяжёлый меч вошёл в тело, и парня словно бы переломило пополам. Халльгрим близко увидел молодое лицо и то, как разом схлынула с него вся краска. Увидел рот, открывшийся сперва беззвучно. Воин выронил щит, судорожно стиснул руками бедро, начал медленно падать – и тут-то закричал от боли, какой его крепкое тело не ведало отродясь.

Добить бы его – но не было времени. Нападали и справа, и слева, и спереди. Перепрыгивали через корчившееся тело. Халльгрим отгонял их страшными и спокойными ударами, не давая оттащить себя от Гудрёда, тяжело дышавшего за спиной. Он не ошибся, взяв с собой Олавссона. И Гисли. Добрая свита – не стыдно будет предстать с ними перед Отцом Побед.

Несколько раз, расшвыряв нападавших, Халльгрим улучал мгновение посмотрел на фиорд. Всё-таки надежда живёт до последнего, чуть ли не дольше самого человека. Не слу-

чится ли чуда, не явится ли из-за мыса чёрный корабль под полосатым парусом, спешащий на помощь?.. Но нет, видно, этого не было суждено.

Только далеко-далеко, в ущельях каменных гор, клубились, ползли через заснеженные перевалы, падали в чашу фиорда тяжёлые штормовые облака.

А потом Гудрёд охнул и привалился к его спине, оседая на землю, и Халльгрим понял, что остался один.

Скегги сидел под деревом, размазывая по щекам кровь. Видга стоял рядом и, дрожа, смотрел на ворота, за которыми продолжались крики и шум. Просто смотрел, и такая мука была на его лице, что собственные болячки казались Скегги безделицей. И ведь он всё-таки удержал сына вождя... спас ему жизнь. Видгу убили бы ещё перед воротами, и теперь это было ясно обоим. Невелика плата – разбитый нос.

– Видга, – сказал Скегги тихо. – Беги домой. Ты добежишь. Ты сильный...

Видга даже вздрогнул.

– Что?

Он не оторвал глаз от забора. Скегги упрямо продолжал:

– Ты скажешь Эрлингу, и он пошлёт корабль. Тогда ты отомстишь за отца.

Заморыш говорил дело. На носу чёрного корабля, с мечом в руках, и пусть Рунольв прощается со своей рыжей бородой и с головой заодно! А за забором ещё длилась борьба.

– А ты? – спросил Видга хрипло.

Скегги отозвался:

– Они же не знают, что мы здесь. Беги...

И тогда Видга побежал. Выбрался на тропу – и деревья поплыли назад, покачиваясь в такт его шагам. Два шага – выдох, два шага – выдох. Видга бежал привычно и ровно – как молодой волк. Бежал, смиряя себя: хотел и мог быстрее, много быстрее. Птицей бы полетел! Но путь был дальний. Видга ещё подумал про двор Приёмыша – там, пожалуй, помогут, но поди докричись через фиорд. Нет, только прямо домой. Два шага – выдох, два шага – вдох. Хватило бы сил. Лесная земля мягко принимала кожаные сапоги. Видга знал, что бой за забором ещё не был кончен.

14

Туча закрывала полнеба. Тёмно-лиловая стена медленно опрокидывалась наземь, и грязно-белые клочья летели перед ней, как стая птиц, уходящих от бури.

Клубившаяся мгла залила дальние горы, вода фиорда приобрела призрачный свинцовый блеск. Бешеный ветер ещё не коснулся её, но где-то вдалеке уже ломались, как прутья, могучие корабельные сосны. Зимний шторм! Шипящая пена примёрзнет к каменным лицам утёсов, и острова шхер украсятся белыми ожерельями. А потом выпадет снег.

Халльгрим ещё дважды отшвыривал от себя врагов... Он устал, смертельно устал. Земля вокруг была измарана багровыми пятнами, и он не знал, где его собственная кровь, где чужая. И какой больше. Он был изранен, нож давно сломался о чей-то окованный щит, и тогда он обхватил правое запястье левой рукой – так ещё хватало силы поднимать меч. Но это не могло продолжаться долго. Скоро конец.

Пожалуй, стоило бы пробиться к забору, там на него по крайней мере не нападали бы сзади... Если бы не Гудрёд. Удар в голову оглушил Олавссона, но жизни не отнял. Гудрёд скрёб пальцами землю, пытаясь найти оброненный меч, приподняться. Не мог. Халльгрим стоял над ним, качаясь из стороны в сторону, как дерево на лютном ветру. Но всё-таки стоял.

Он не сразу понял, почему это они вдруг расступились перед ним, словно давая дорогу. Он показался самому себе похожим на тетерева, которого старый лис притащил на расправу маленьким сыновьям. Большая птица ещё жива, но уже не может ни улететь, ни убежать. Даже

тогда, когда молодые лисы принимаются возиться друг с другом и ненадолго оставляют её в покое...

Прямо перед Халльгримом появился человек с луком в руках. И он удивился про себя – почему же они не сделали этого раньше? Ещё в лесу!.. Впрочем, многие поступки Рунольва Раудссона были понятны только ему самому. Воин поднял лук и оттянул тетиву, и Халльгрим знал, что не успеет ни увернуться, ни отмахнуться мечом. Теперь – не успеет. На залитом кровью лице возникла медленная усмешка. Он с трудом стоял на ногах. Рунольву не будет большой чести от этого боя. Зато многим запомнится, как дрался Халльгрим Виглафссон.

Воин опустил тетиву, и стрела ударила в грудь. Халльгрим взял было её за древко, чтобы вытащить, но рука повисла. Пальцы разжались, и меч тяжело вошёл в песок. Халльгрим качнулся вперёд и упал на колени. Потом словно нехотя завалился на бок и остался лежать неподвижно. Гисли лежал рядом с ним. По правую руку. А Гудрёд – по левую.

Рунольв сын Рауда, по прозвищу Скальд, поднялся с бревна, на котором сидел. Не торопясь подошёл.

– Вот так, – сказал он вроде бы спокойно и вдруг с прорвавшейся яростью пнул Халльгрима сапогом. Удар пришёлся в живот, но лежавший не пошевелился. Только чуть вздрогнули ресницы. Рунольв успел это заметить. И опустил ногу, занесённую для нового пинка. Воины молча стояли вокруг, и он указал им на Виглафссона:

– Выньте стрелу и свяжите ему руки. И этому второму...

Видга бежал. Всё так же размеренно, но только теперь рубашка на его груди и плечах была мокрой от пота. Тропа круто устремлялась в гору, и Видга укорачивал шаг, оскаливая зубы, словно это могло помочь ему набрать хоть чуть больше воздуха в грудь. Потом начинался спуск, и он длинными скачками шёл вниз. Он не останавливался. Остановишься – потом будет только трудней. Этому его не надо было учить.

Временами Видга оглядывался на тучу, висевшую, казалось, уже над самым фиордом. Туча несла в себе бурю.

Может быть, даже такую, что нельзя будет отправить корабль.

Новый подъем. Едкий пот затекал в глаза, и Видга на ходу стряхивал его рукой. Горло казалось зачерствевшим и высохшим, как сухарь, воздух жёг его, не достигая лёгких. Мысли путались, ни о чём не удавалось думать подолгу. Рунольв убил отца. Ему отомстят.

Багровые пятна и мутное солнце на длинном клинке. Там, в кольце Рунольвовых людей. Один. Без Видги – почему? Ветка хлестнула по лицу. Видга споткнулся, закашлялся, сплюнул под ноги. Он не останавливался.

Халльгрим очнулся, когда его облили водой. И увидел над собой Рунольва. Повёл глазами и увидел Гудрёда: двое воинов как раз подняли Олавссона и волокли его в сторону, ещё двое возились с верёвкой, переброшенной через ветку сосны. Рунольв перехватил взгляд пленника и засмеялся.

– Я подарю его Одину, чтобы вернее справиться с твоими людьми.

Халльгрим хотел ответить – изо рта потекла кровь. Всё-таки он сказал:

– Лучше бы тебе сделать это со мной, ведь я вождь. А его отпусти, пусть расскажет дома, как было.

Рунольв кивнул огненной бородой:

– Ты хороший советчик, Виглафссон. Но по-твоему не бывать.

Гудрёда поставили под деревом, накинута петлю. Рунольв пошёл к нему, неся в руке копьё Гадюку. Один охотнее принимает подарки, когда их преподносят вожди...

Халльгриму понадобилось страшное усилие, чтобы опереться на связанные руки и повернуть голову к сосне.

– Один! – отдельно и громко проговорил Рунольв Скальд. – Отец Погибших, пошли удачу моему кораблю, потому что я ждал этого тридцать пять зим!

Воины вокруг благоговейно притихли, но тут подал голос сам Гудрёд.

– Старая баба с копьём, – сипло сказал Олавссон. – Не будет тебе удачи, потому что Один обманывает всех, но не терпит, когда обманывают другие. Халльгрим хёвдинг, ты неплохо кормил меня в Сэхейме. Удачи тебе!

Рунольв взревел от ярости, и его люди налегли на верёвку. Но Гудрёд наверняка ещё успел услышать, как Халльгрим крикнул ему:

– Прощай!

Петля впиалась в шею, ноги Гудрёда оторвались от земли. Но Рунольв не дал ему задохнуться: Гадюка ужалила без промаха, остановив сердце...

Так от века приносили жертвы Отцу Побед.

Видга не мог больше бежать... Он был похож на пьяного, он шатался и почти волочил ноги, по временам забывая, куда бежит и зачем. Он не останавливался.

Ветер попутный
и нам и смерти...

Губы шевелились беззвучно: сбивать дыхание было нельзя. Древняя боевая песня подстёгивала угасавшую волю, но ненадолго. Рунольв убил отца, и ему не отомстят. Потому что начнётся шторм и нельзя будет отправить корабль. И ещё потому, что Видга сейчас упадёт. Здесь. Вот под этой сосной. Нет... под следующей. Замертво. И это будет самый лучший конец, потому что Рунольв убил отца и ему не отомстят.

– Ветер попутный и нам и смерти!

Кажется, он всё-таки простонал это вслух. Зря... Всё равно. Видга не мог больше бежать. Ветер усиливался. Резким порывом над вершинами пронесло две чёрные тени. Вороны, спутники бога побед... Видга их не заметил. И напрасно, потому что эти твари редко появляются просто так... Он не останавливался.

Халльгрима подняли. Он не сумел бы устоять на ногах, но Рунольвовы люди держали крепко.

– Ну? – предвкушая потеху, спросил его Рунольв Скальд. – Что скажешь, Виглафссон?

У Халльгрима плыли перед глазами дымные полосы, голова клонилась к плечу. Он ответил:

– Скажу, что у меня есть ещё два брата и сын.

Рунольв захохотал так, что далеко в лесу откликнулось карканье.

– Сын!.. Если ты это про Видгу, так ведь он первым наложит в штаны. А Хельги даже не даст ему по затылку, потому что не сумеет поймать. Или ты меня Приёмышем пугаешь? Да он хоть знает, где у меча рукоять?

Халльгрим проговорил тихо и с трудом:

– А про тебя скажу, что ты плохой скальд, ведь твой мёд вытек не из клюва орла, а из-под хвоста.

Запоздалый удар наградил его за эти слова. Халльгрим задохнулся от боли, голова свесилась на грудь...

– Рунольв! – позвал кудрявый парень по имени Эйнар, тот самый, что когда-то ещё свалился в воду с корабля. – Рунольв, мы ему выпрямим рёбра.

У Рунольва бешено горели глаза, побелевшие пальцы были сплетены за спиной. Воины смотрели на него с нетерпением и любопытством. И он резко вытянул руку, указывая на берег:

– Привязать его на носу корабля. Да не калечить!

Халльгрим снова открыл глаза, когда Эйнар, стоя по шею в воде, проткнул гвоздем его правый сапог и стал прибивать.

– Не порань ногу, – проворчал где-то поблизости голос Рунольва. – Незачем ему умирать слишком легко!

Халльгрим висел на форштевне, расчлененный моржовыми ремнями. Высоко над ним щерилась в штормовое небо голова не то волка, не то змеи...

– Крепко шьют твои люди, – сказал он Рунольву. – Эта доска не отлетит.

Он повторял слова, произнесённые некогда прапрадедом, угодившим в подобную же переделку... Прапрадеда звали Видгой.

– На вёсла! – громко скомандовал Рунольв Раудссон. Халльгрима он не слышал – он уже шагал по палубе на корму, к рулевому веслу. – На Эрлингов двор! Давно хотелось мне посмотреть, хорошо ли будет гореть эта лачуга!

Плеснули длинные вёсла, корабль развернулся, проплыли мимо тела Гисли и Гудрёда, оставленные бесприютно лежать на песке. Рунольв даже не позаботился завалить их камнями.

Проплыл дом с его крышей, заросшей зелёной травой... У дома жались друг к другу рабы и рабыни, вышедшие посмотреть невиданный бой. Притихшей кучкой стояли они на берегу. И глядели на Халльгрима, висевшего на носу корабля...

– Эй, вы! Ставьте пиво! – крикнул им Рунольв, и под скалами загудело эхо. Или не эхо, а первый вздох рождавшейся бури...

Сорванный ветром сук с треском полетел вниз, цепко рванул Видгу за плечо. Видга не почувствовал и не остановился. Веки заливала невыносимая тяжесть, глаза закрывались сами собой. Видга не останавливался. Ещё шаг и ещё. Горящими ступнями по раскалённой земле. Тупая волна разбилась в затылке. Ещё шаг и ещё. Лес кончился, дальше стоял туман. Частокол с воротами, дом, Сэхейм. Но это уже всё равно, до них ещё сто шагов, и их не преодолеть.

Ворота распахнулись навстречу. На Видгу страшно было смотреть: потемневшее лицо, разводы соли на провалившихся щеках, слипшиеся вихры. Глаза полузакрыты, на сапогах кровь. Он не заметил Эрлинга, вставшего на пути. Наткнулся. Эрлинг его подхватил.

Видга хотел что-то сказать, но тут его согнуло вдвое и вырвало зелёной желчью.

– Рунольв, – прохрипел он чужим, низким голосом. – Отца... там... во дворе...

Они все были здесь: и Хельги, и Эрлинг, и старый Олав Можжевельник.

– Эрлинг, – сказал Хельги Виглафссон. – Бери корабль.

Видга смутно слышал топот и шум, поднявшиеся вокруг. Кто-то побежал в дом за оружием, кто-то открывал корабельный сарай, тащил под киль катки. Поджарое чёрное тело медленно заскользило из-под крыши – к воде... Самый нетерпеливый уже поднимал палубный настил: достать и насадить на форштевень зубастую голову, помнившую ещё Видгу, прапрадеда всех Виглафссонов.

Сына хёвдинга на руках унесли в дом. После долгого бега нельзя сразу останавливаться, не то что ложиться, и Видге казалось – он умирал. Но думать об этом было некогда, потому что во дворе готовили корабль и этот корабль не должен был отплыть без него.

– Никуда ты не пойдёшь! – сказал ему Хельги.

Видга молчал, глядя на него с яростью затравленного зверя: запрещать мстить! Другое дело, что сам Хельги тоже оставался на берегу. И старый Олав, – так распорядился Приёмьш... И Олавссоны, Гуннар и Сигурд. Зато кормщиком пойдёт Бьёрн. И остальные – те, кто ходил с Халльгримом весной. Сорок шесть человек. У Рунольва не меньше. А если больше, то ненамного. Должен же он оставить кого-нибудь сторожить двор...

Люди наскоро осматривали корабль, канатами поднимали мачту, готовили оружие и вёсла. Прятали под палубу луки и стрелы, завёрнутые от сырости в кожаные чехлы...

Старый Олав тронул Эрлинга за руку:

– Смотри!

Вывернувшись из-за мыса, через фиорд летела длинная лодка. Двое, сидевшие в ней, так работали вёслами, будто по воде за ними шагал оживший мертвец.

– Моя лодка, – сказал Эрлинг Приёмыш.

Морские ворота были распахнуты – лодка пролетела между сваями, пересекла бухту и ткнулась носом в песок. Двое парней выскочили из неё в мелкую воду: оба рослые, белоголовые и совсем не робкие на вид. Эрлинг немедленно узнал обоих:

– Рагнар! И Адальстейн англ!

Но вот когда эти двое врагов выучились так дружно грести, спрашивать было недосуг.

– Это хорошо, что ты здесь! – крикнул Эрлингу Рагнар. – Рунольв правит вниз по фиорду! И с боевым щитом!

...Эрлинг всё-таки заставил себя ещё раз оглядеть корабль, удерживаясь от немедленной команды. Однако всё было готово. Люди сидели на вёслах. И Бьёрн кормщик застыл у правила, подняв руку над головой.

– Снимаемся! – приказал Эрлинг Виглафссон. Ему показалось, будто это вышло у него совсем не так уверенно, как выходило когда-то у Халльгрима. Ничего, люди повиновались. Живо втянули на борт еловые мостки, Бьёрн взмахнул рукой – и вёсла вспенили воду.

В это время из двери дома не то вышел, не то вывалился Видга. У него подламывались колени, но в руке был меч. Следом за ним показался Хельги. Он догнал племянника и схватил его за руку. Каким-то чудом Видга вырвался и бросился к воде.

Новый взмах вёсел – тяжёлый корабль миновал сваи, и Бьёрн переложил руль, направляя его против ветра, вверх по фиорду.

Видга заплакал, стоя по колено в воде. Это были его последние слёзы.

15

Корабль шёл по фиорду. Эрлинг стоял на носу и думал о том, что для него это был, по сути, первый боевой поход. В двадцать шесть зим! Правду сказать, его отроду не тянуло к оружию, но приёмный отец не позволял братьям смеяться. Не всякий корабль для боя – нужен и торговый кнарр... Да кто же знал, как распорядится судьба!

Ещё Эрлинг думал о том, станут ли люди его слушаться. И решил, что станут. Особенно если он будет спрашивать совета у опытных. У того же Бьёрна. Каждый здесь знал, какой хёвдинг из младшего Виглафссона, – обманывать некого...

– Эрлинг! – окликнул его кто-то. – А ты не чувствуешь, что корабль пошёл по-другому?

Молодой вождь оглянулся и тут только расслышал сдержанный смешок, летавший над скамьями гребцов. Посмотрел на корму и увидел, что Бьёрн уже грёб вместе со всеми, а у рулевого вёсла стоял его седобородый отец. И корабль действительно качался чуть меньше прежнего.

– Почему это? – спросил Эрлинг спокойно. – Потому, что старик опять у руля? Или потому, что Бьёрн взялся грести?

Воины захохотали, вёсла заработали слаженней. Меньшой Виглафссон, пожалуй, стоил того, чтобы идти за ним в бой. А бой будет страшный. Это уж наверняка...

Эрлинг прошёл между скамьями, мимо свёрнутого паруса, на корму.

– Олав, – сказал он негромко, – ведь ты должен был остаться на берегу.

Мореход не спеша оседлал кормовое сиденье и ответил тоже негромко:

– Мог же ты и ошибиться, сынок. И там был не только твой брат, но и мой Гудрёд.

Дым пожара они увидели издалека. Ветер набирал силу, и жирные чёрные клочья то припадали к воде, то взвивались, смешиваясь с тучами. Тогда становилось понятно, что тучи едва не касались деревьев на берегу. Дым летел прямо на корабль... Грести становилось всё трудней.

– Рунольв жжёт мой двор, – сказал Эрлинг угрюмо. – А неплохо было бы там его и застать!

Олав ничего не ответил, только с сомнением покачал головой. Слишком опытен был зверь, чтобы удалось так просто взять его на добыче!

Олав ошибался редко. Не ошибся и на этот раз. Пламени пожара ещё не было видно, когда между деревьями на мысу мелькнул огненно-алый парус. Рунольв! Всегда ему нравился этот цвет крови и огня...

Сорок четыре года из своих пятидесяти шести Рунольв Скальд носил на боку меч. И от души презирал всех, в ком не мог за сто шагов почуять истинного бойца! Потому-то его немало удивило то мужество, с которым рабы Эрлинга Виглафссона защищали свой дом. Ему-то казалось – достаточно будет издали показать им кулак. Ведь рабы есть рабы!

Но как же самоотверженно они дрались... Во всяком случае, женщины с детьми успели убежать в лес. Забава сорвалась: не с кого сдёрнуть одежду, некого подбросить и поймать на копьё. Ничего, они ещё сами придут к нему просить крова и еды. Потому что им некуда будет больше идти. И не к кому. Ибо он, Рунольв Раудссон, сегодня же повесит свой щит над хозяйским местом в Сэхейме!

Он велел поджечь дом и клетки с собранным урожаем. И повёл людей обратно на корабль. Он и так потратил здесь гораздо больше времени, чем предполагал...

– А теперь в Сэхейм! – громче гула раздуваемого ветром пожара прогремел его приказ. – И помните, что там придётся биться покрепче!

– Плыви, – сказал Халльгрим, и его слышали сидевшие на носовых скамьях. – Плыви, я смотрю, не терпится тебе в Вальхаллу...

Хирдманны стали оборачиваться. Кто же не знает, что умирающему даётся пророческий дар! И хоть никто не подал виду, многим стало не по себе...

У Эрлинга все были в бронях, даже сидевшие на вёслах. И с десятков стрелков уже стояли вдоль палубы с луками наготове. Но Эрлинг понял почти мгновенно, что не даст им стрелять. Он увидел брата...

Наверное, его одновременно увидели все. Опытные гребцы умели оглядываться, не выходя из ритма, – а как же не оглянуться на врага!

Халльгрим хёвдинг висел на форштевне пёстрого корабля. И кровавое полотнище за ним выгибалось, подпёртое снизу шестью. Ветер набирал уже штормовую мощь, корабль тяжело качался, и Халльгрим то уходил в воду по пояс, то вырастал из неё, словно морской великан.

И глаза его были открыты.

Мгновение прошло в могильной тишине. Потом рядом с Эрлингом кто-то прохрипел чудовищное слово и рванул к щеке тетиву. Эрлинг ударил воина по руке и крикнул так, что чуть не разорвалось горло:

– Не стрелять!

Привыкший к слову вождя, викинг опустил лук... И, трезвея, запоздало удивился Приёмышу, сообразившему раньше бывалого стрелка: разъярённый ветер мог бросить стрелу мимо цели. В распятого на носу...

Корабль Рунольва шёл прямо по ветру – буря подставляла ему крыло. Нечего было и думать о том, чтобы закинуть крючья и встать с ними борт о борт. Усмехаясь, Рунольв передал Эйнару рулевое весло и велел править в море. Там можно будет разделаться с Приёмышем без помехи... Там никто не придёт ему на помощь, спустив на воду лодки. Рунольв пошёл на нос: битву начинают вожди.

Он раскачал в руке поданное ему копьё и, ухнув всей грудью, метнул, посвящая Богу войны. И бросок вышел на славу! Широкий наконечник впился в чёрный борт, и смолёное дерево загнуло.

Не сговариваясь, воины Эрлинга вырвали это копьё и передали вождю. Эрлинг стиснул в руке ясеневое древко... Ему показалось, будто тепло ладони Рунольва Скальда покинуло его ещё не до конца. Эрлинг смотрел на брата, не слушая насмешек, сыпавшихся с пёстрого

корабля... И когда понял, что копьё Халльгрима не заденет, – оно полетело. Над палубой, над скамьями, над серой водой.

Оно расколело один из щитов, за которыми Рунольв прятал своих гребцов, и щит слетел с борта. Под щитом вздрогнуло весло, потом неуклюже задралось вверх... и наконец упало и вывалилось из люка. И поплыло по ещё невысоким волнам, быстро отставая от корабля.

– Хорошая примета, – проворчал в бороду Олав кормщик. И, не дожидаясь приказа, командовал: – К повороту! Парус приготовить!

Эрлинг и впрямь совершил бы величайшую ошибку, оставив Олава на берегу. Корабль повиновался старику, как послушная лошадь: развернулся и пересёк собственный ещё пенившийся след, и Рунольв успел опередить его совсем ненамного. Всего на несколько полётов стрелы...

Новая команда – и парус рывками пополз вверх по мачте, быстро расправляясь, принимая в себя ветер.

И когда парус подняли, то оказалось, что под ним пряталось на палубе двое людей. Двое рабов, те, что приехали в лодке с Эрлингова двора. Рагнар сын Иллуги и Адальстейн англ. Когда они успели проскользнуть по сходням – никто и не заметил.

– Адальстейн пускай остаётся, а этого второго надо выкинуть за борт! – налегая на весло, потребовал Бьёрн Олавссон. – То-то я чувствую, что стало труднее грести. Он отягощает корабль!

Рагнар повернулся к нему и немедленно ответил:

– Если тебе тяжело, дай я сяду грести вместо тебя.

– Я разделаюсь с тобой, немытая рожа, – пообещал Бьёрн. – Вот подожди только, пока сменюсь.

– Замолчи, Олавссон, – сказал Эрлинг. – Прикоснитесь друг к другу, и я выброшу за борт обоих.

– Так я и знал, что ты заступишься за своего трэля! – зарычал Бьёрн.

Эрлинг смотрел на него холодно. Потом он спросил:

– А хочешь, я сам выпрыгну в воду? Тогда никто тебе не помешает колотить раба вместо того, чтобы гнаться за Рунольвом...

Бьёрн, вынужденный проглотить свою ярость, с удвоенной силой налёг на весло, и весло затрещало. Эрлинг подозвал обоих рабов и сказал:

– Оружия у меня для вас нет. Добудете его сами... А если поведёте себя храбро, обоих освобожу.

С берега, из Сэхейма, видели два корабля, прошедших друг за другом – в сторону моря... Первым летел под красным парусом корабль Рунольва Раудссона. И его хорошо разглядели со двора. Даже слишком хорошо.

Видга, правда, всё поглядывал на кнарр. Кнарр строился для моря, и, наверное, выдержал бы бурю. Но не на нём гоняться за боевыми кораблями, и это все понимали.

Видга не хуже прочих видел форштевень пёстрога корабля... Однако он всё-таки не позабыл рассказать про Скегги, оставшегося в лесу. Тогда Хельги позвал двоих старых рабов – старики всё равно не пригодятся для боя – и велел им ехать на поиски, потому что начинало темнеть. Ветер за стенами выл и стонал, и было слышно, как за оградой с треском валились деревья.

Рабы встретили Скегги на середине дороги из Торсхова, уже под дождем. Он из последних сил ковылял по тропе, промокший, синий от холода. Его взяли на седло и повезли домой. Скегги судорожно прижимался к бородатому рабу и плакал взахлёб, потом уснул прямо на коне. У него хватило мужества подобраться к самому забору Торсхова, и он видел, как вешали Олавссона.

Под утро из-за сторожевых скал фиорда стал доноситься глухой, зловещий рёв. Это, сотрясая гранитные кручи, грохотали волны высотой в четыре человеческих роста...

16

Ветер дул всю ночь до утра, не собираясь стихать. Даже тучи не всегда выдерживали его напор и рвались. Море и небо были одинаково черны, но порой в разрывах туч проглядывала луна – и тогда по гребням волн принимались шагать огромные бесформенные тени. И с кораблей видели друг друга.

Два драккара оказались одинаково легки на ходу. И шли вровень, показывая один другому борта. По-прежнему на расстоянии в несколько полётов стрелы. Будет рассвет, и они сойдутся поближе.

Вёсла ещё вчера убрали внутрь и сложили вдоль палуб, тщательно привязав. Они славно потрудились – но не теперь, когда море того и гляди выхватит их из рук. А паруса были спущены до середины мачт и подвязаны снизу короткими крепкими верёвками. Чтобы не разорвало. Добрые паруса – один красный, другой полосатый...

Под утро Бьёрн Олавссон увидел в тучах валькирий. Девять дев мчались куда-то на взмыленных жеребцах, и всех краше была та, что скакала впереди. Дочь какого-нибудь конунга, рассудил Бьёрн. Или сестра! Весь корабль, задрав головы, смотрел в тёмное небо. Но валькирии показали себя не каждому. Тогда люди решили, что Бьёрна ждало особенное везение в бою.

– А ещё теперь я думаю, что мы не потонем, – сказал погодя Эрлинг Виглафссон. – Ни мы, ни Рунольв.

Потом начало светать. Поздняя заря будто нехотя разгорелась над морем, обещая короткий неприветливый день. Когда тучи налились мертвенной синевой и стали видны ходившие по морю холмы, Эрлинг поднялся со скамьи и прошёл по всему кораблю – с кормы на нос и назад.

Место вождя – на носу. И не дело забывать про обычай. Однако превыше обычая бывает мудрый совет, и потому-то Эрлинг провёл всю ночь на корме и не собирался её покидать, разве что для рукопашной. На корме был старый Олав...

Люди сидели по своим местам, крепко привязавшись от случайной волны. Водяные горы догоняли и обгоняли корабль, над палубой свистел сырой ветер. Драконий нос то высоко вздымался над водой, то с шумом обрушивался вниз. Тогда над бортами, дымясь, вырастали прозрачные стены. И замирали на мгновение, прежде чем рухнуть. И негде было спрятаться, нечем укрыться.

Около мачты чернело отверстие трюмного лаза. Там без отдыха сновали распухшие, красные руки. Передавали сидевшим деревянные вёдра и принимали их опорожненными. Рагнар и Этельстан... Им в эту ночь пришлось потрудиться больше других.

Эрлинг посмотрел на лица. Мокрые, серые от усталости, просолённые, со стянутой холодом кожей. Люди смотрели на Эрлинга. Они пойдут за ним в бой... И тогда пускай все морские тролли спешат на выручку Рунольву и его молодцам, потому что придётся им нелегко!

Почти всю ночь Рунольв сам вёл корабль, зная, что тот слушался его руки охотней всего. Рунольв Раудссон верил в свою силу и радовался шторму, как радуются вызову на единоборство. Он был своим в этом пиршестве бури. И пил бешеное дыхание ветра, словно хмельное питьё. Скальд в нём рождал стихотворные строки – люди слышали то голос, боровшийся с рёвом волн, то яростный смех. Любой другой давно свалился бы от изнеможения, но не Рунольв. Он и в бою будет таким же неудержимым, их Рунольв Скальд. Сам похожий на штормовую волну – и не будет удачи вставшему на пути!

Счастлив, кому судьба даёт такого вождя.

На рассвете он подозвал к себе Эйнара и послал посмотреть, жив ли ещё пленник. Эйнар взобрался на борт и бесстрашно повис на снастях. Холодная лапа моря сразу же схватила его и едва не уволокла, но он сумел удержаться. Потом вернулся к Рунольву и коротко сообщил:

– Он пошевелился, когда я ткнул его копьём.

– Ещё не подох, – удовлетворённо проворчал Рунольв, закладывая за ухо мокрую прядь. – А долго живёт этот Виглафссон!

Когда рассвело окончательно, он позволил сменить себя у руля и пошёл посмотреть сам.

Халльgrim то уходил в воду с головой, то взлетал на высоту в полтора человеческих роста... Только пена со змеиным шипением стекала по смолёным доскам. Рунольв окликнул его:

– Хорошо ли спалось, Халльgrim хёвдинг?

Сперва ему показалось, будто сын Ворона не услышал. Но вот поникшая голова медленно приподнялась... Повернуть её Халльgrim не сумел и уронил снова.

Рунольв спрыгнул на палубу и внимательно оглядел небо, прикидывая, не пора ли становиться вполветра...

– Я не особенно опытный вождь, – сказал Олаву Эрлинг Приёмьш. – Что бы ты мне посоветовал?

Бороду Можжевельника трепал яростный ветер, но узловатые руки на рукояти правила были спокойны. Спокойным был и ответ:

– Шторм скоро немного притихнет... Надо бы нам встать вполветра и взглянуть, что там у них.

Эрлинг покосился на него и подумал, что лучше было бы Рунольву отпустить Гудрёда живым... Теперь этот старый седой волк будет до конца бежать за добычей. И не потеряет следа. И сомкнет-таки ещё не слишком притупившиеся клыки...

А Олав помолчал и добавил:

– Если захочешь заставить Рунольва что-нибудь сделать, устрой так, чтобы ему пришлось показать тебе корму.

Когда корабли пошли навстречу друг другу, Эрлинг велел Рагнару вылезти из трюма и приказал:

– Сними-ка с борта мой щит... Встанешь с ним на корме. И если Олава хоть оцарапает – повешу!

Рагнар надел на руку жёлтый щит, и Олав недовольно нахмурился:

– Только не вздумай тут мне мешать.

Молодой раб ответил по обыкновению дерзко:

– Может, и помешаю, потому что неохота мне кормить рыб, если тебя собьют!

Эрлинг смотрел вперёд, на быстро приближавшийся пёстрый корабль... Только мёртвое тело могло теперь висеть на его форштевне. Но Эрлинг всё-таки обернулся к своим стрелкам и повторил:

– Никому ни с места, пока не окажемся борт в борт... И не смей трогать того, кто у них на руле!

Стрелки, один за другим, молча кивнули головами в клёпанных шлемах. Смерть вражеского кормщика могла отдать морю и корабль, и Халльgrима вместе с ним, кто же этого не понимал...

Когда спорят между собой верховые, плохому всаднику редко достаётся победа. Так и в морском бою. Не всё решается мечами – худо тому, кого плохо слушается корабль. Да и что вообще делать в море такому?

В это утро у берега Страны Халейгов спорили равные. Два корабля шли друг на друга сквозь дымившееся море, тяжело раскачиваясь, равно страшные и собственной яростной красотой, и угрюмым мужеством своих людей... Но старый Олав всё-таки обманул рулевого пёст-

рого корабля. Он первым увалился под ветер. Лодья кренилась – наветренный правый борт, обращённый к врагу, выкатывал из воды, заслоня сидевших на скамьях.

С пёстрого корабля посыпалась ругань, а потом и стрелы. И самая первая засела в жёлтом щите, который держал в руках забияка Рагнар... Туго пришлось бы Олаву без того щита! Однако сам старик увидел в нём только помеху: молодой раб всё-таки лез ему под руку, ведь правило на корабле тоже помещается справа.

– Прочь! – рявкнул он сердито. – Не мешай!

И схватил за плечо – отшвырнуть. Но это оказалось не так-то легко.

– Сам не мешай, длинная твоя борода! – огрызнулся молодой раб. Мгновением раньше он ощутил свирепую боль в левом бедре и почувствовал, как по заочневшей ноге потекла горячая кровь.

...И снова с чёрного корабля не отвечали до тех пор, пока не встали с пёстрым бортом против борта. Тогда-то Эрлинг спустил тетиву – и его лучники разом встали из-за щитов, почти в упор бросив оперённую смерть. И взяли первую победу: на вражеском корабле повалилось несколько человек.

Тут среди Рунольвовых людей сыскался неразумный. А может, только что лишившийся побратима. Вскочив, этот воин раскрутил и метнул зубастый якорь, привязанный к длинной верёвке. Такими стягивают корабли для рукопашного боя. Или, если посчастливится, сдёргивают гребцов прямо со скамей.

Якорь со свистом пролетел и вцепился, и воина рвануло за борт. Друзья успели схватить его за прочные кожаные штаны. Но когда парня вытащили, он корчился в смертной муке, роняя розовые пузыри. В спине и в левом боку по самые перья сидели четыре стрелы...

И лишь державшему руль ничего не грозило. Хоть он и стоял во весь рост. И не прятался от стрелков. И хоть был это сам Рунольв Раудссон!

Его-то, Рунольва, разглядел высунувшийся из трюма Этельстан. Корабли уже почти разошлись, но голос или стрела ещё могли долететь. Этельстан мгновенно выскочил на палубный настил. Приложил ладони ко рту.

– Рунольв! – понеслось над морем. – Вспомни мою Гиту, Рунольв! Это я, Этельстан! Я здесь, и я до тебя доберусь!

Рунольв обернулся – на лице была издевательская усмешка. Надо думать, он с радостью повесил бы Этельстана на его же кишках. И надеялся так и поступить... Ещё миг, и англа спасла от смерти лишь ловкость. Он успел ничком броситься на палубу. Стрелы ударили в борт, в щиты, в мачту, возле которой он стоял... Этельстан приподнялся и упрямо, с ненавистью повторил:

– Я до тебя доберусь...

И нехорошие же были у него глаза!

Шторм тем временем и впрямь немного присмирел, корабль заливало меньше прежнего. Не было большой нужды вычерпывать трюм, и Этельстан отправился на корму. Туда, где на палубе у борта сидел Рагнар. Сидел и, закусив губы, щупал своё бедро и торчавшее из него серое древко. Рядом лежал жёлтый щит. Кто-то из лучников потянулся к щиту, придвинул его поближе и принялся выдёргивать стрелу за стрелой, пополняя колчан. У Рунольвовых людей были хорошие стрелы...

Этельстан подошёл к Рагнару и опустился подле него на колени.

– Убери-ка ты свои неуклюжие лапы, – сказал он и вытащил нож. – И лучше ложись, а то мне так не с руки.

Рагнар осторожно улегся на мокрую палубу.

– Лишнего там не срежь, вражье отродье, – сказал он. И добавил совсем другим голосом: – Давай, я не пошевелюсь.

Этельстан разрезал на нём штанину. Белое тело вокруг древка было ещё белее обычного, только в глубине зрела кровавая синева. Этельстан придавил ногу ладонью, крепко взял стрелу и медленно потянул. Стрела подалась сразу: наконечник был гладкий, как маленький нож, зазубренными здесь пользовались редко. Рагнар напрягся всем телом, но промолчал. Старый Олав равнодушно смотрел поверх их голов. Тоже невидаль, вытаскивают стрелу...

Наконечник стукнул о палубные доски, следом немедленно расплылось тёмное пятно. Впрочем, было видно, что большие жилы не пострадали. Рагнар повернул голову, его глаза улыбались. Он сказал:

– А хорошо, что мы с тобой не успели начать резать друг другу глотки, как собирались, когда появился Рунольв на корабле!

Потом подошёл Эрлинг хёвдинг, и рабы отодвинулись в сторонку. Старый Олав кивнул за корму:

– Рунольв разворачивается за нами...

Эрлинг был без шлема, и тёмные волосы лезли ему в глаза. Он убрал их со лба и сказал:

– А мы разворачиваться не станем.

Олав ненадолго оторвал взгляд от моря. И внимательно посмотрел на молодого вождя.

– По-моему, совсем непохоже на то, чтобы ты испугался, Эрлинг Виглафссон...

Эрлинг усмехнулся:

– Ты ещё говорил, что Рунольв боится показывать корму... А я вот не боюсь.

Он умолк на полуслове. Он смотрел назад, на пёстрый корабль. Рунольв разворачивался там, на пологом склоне громадной волны. И разворачивался мастерски. Но передышка, которую дал себе шторм, кончилась слишком внезапно. Рунольв не разглядел тёмной полосы на воде, предвестницы шквала... Рванул бешеный ветер, и гребень волны вздыбился исполинской ладонью, накрыв и повалив корабль.

Эрлинг впился пальцами в борт и не заметил крови, выступившей из-под ногтей.

– Бог Ньёрд! – сказал он громко. – Вана-Ньёрд, хранитель Лебединой Дороги, хозяин морских путей! Не отдавай Эгиру этот корабль, и я подарю тебе пленника, если возьму хоть одного!

Смешное обещание: ведь теперь морской Бог мог сам взять кого только пожелает. И многих, а не одного...

Все люди Эрлинга смотрели назад. За корму. Если Рунольвов корабль не встанет, Эрлинг наверняка прикажет править туда... И может быть, успеет снять тело брата прежде, чем подспеет со своей сетью морская великанша Ран... А потом, наверное, велит подбирать людей Рунольва и связанными бросать их в трюм. Или, наоборот, прикажет рубить всех, кто попробует ухватиться за борт. И это они сделают, пожалуй, охотнее всего, мстя за Халльгрима вождя!

И Олав Можжеватель уже крикнул готовиться к повороту, когда далеко позади медленно взошло над водяной горой тяжёлое багровое пятно... Парус.

– Рунольв хороший кормщик, если сумел поднять корабль, – сказал Олав с уважением. – Однако, как я посмотрю, не во всём ему сегодня удача!

Эрлинг повернул к нему осунувшееся лицо.

– Возьми круче к ветру, – проговорил он негромко. – Я хочу, чтобы Рунольв посадил их на вёсла. – Потом посмотрел туда, откуда дул ветер, и сказал: – Вана-Ньёрд, я обещал тебе и исполню, если останусь жив.

17

– Мы догоняем! – сказал Рунольв Раудссон. – А ну, навались!

День давно перешагнул полуденную черту. Чёрный корабль уходил всё так же круто под ветер, и Рунольв был вынужден посадить своих по двое на весло, чтобы совсем не потерять его

из виду. Его лодья приняла полный трюм воды. Ещё и теперь, выбиваясь из сил, там работало сразу шесть человек... Отяжелевший корабль сидел по-прежнему низко. Он с трудом повиновался рулевому веслу. Волны били его в скулу, и ледяные потоки окатывали гребцов. Но для них, занятых в неистовой работе, холода не существовало... Солёное море лишь смешивалось с солёным потом на спинах, только и всего. Гребли все, в том числе сам Рунольв. Все, кроме тех шестерых и Эйнара у правила. Гребли с тех самых пор, как Эрлинг ударился в постыдное бегство.

На что он надеялся, Приёмьш? На то, что, едва не утонув, они оставят погоню? Или выдохнутся, ворочая вёсла? Да о какой усталости речь, когда чёрный корабль вот-вот будет настигнут...

Огромные волны по временам совершенно закрывали их друг от друга. Но полосатый парус раз за разом возникал там, впереди, – сперва далеко, потом ближе и ближе. Скоро бой: они не предложат Эрлингу сдаться.

– Для второго Виглафссона я добуду себе второй форштевень! – сказал Рунольв.

И вот уже их отделяла от добычи одна-единственная волна. Волна такой величины, что не всякий лучник взялся бы перебросить через неё стрелу.

– К повороту! – скомандовал Олав Можжевательник.

Он стоя держал рулевое весло. Расставив ноги и пригнувшись, словно перед прыжком с высоты...

– Поворот!

Моржовые канаты впились в мозолистые ладони. Парус описал полукруг и вытянулся громадным крылом, впервые разворачиваясь во всю свою ширину... Даже если не выдержит и сломается мачта – теперь наплевать! Нос корабля стремительно покатился под ветер. Вёсла высунулись из люков и помогли, ударив в разные стороны с разных бортов. И по слову кормщика спрятались вновь...

Быстро набирая скорость, чёрный корабль помчался назад. А люди на нём проверяли, легко ли ходили в ножнах мечи.

Эйнар внезапно закричал что-то с кормы...

Ветер отнес слова, но вытянутая рука указывала вперёд. Рунольв оставил весло и приподнялся со скамьи – оглянуться. И на мгновение застыл.

Чёрный корабль был высоко над ними, на гребне. Он летел, похожий на крылатого змея. Летел прямо на них! А чуть впереди неслась страшная боевая песня:

Волны встают
выше бортов.
Лодьи ныряют.
Ветер попутный
и нам и смерти!

Рунольв так и не успел ничего предпринять... Почти все его люди сидели в одних рубашках, а иные и вовсе голые по пояс: попробуй-ка грести в полную силу в толстой боевой куртке с нашитыми железными чешуями! Эрлинг, этот щенок, обманул Рунольва Раудссона, сточившего зубы на вражеских костях.

Чёрный форштевень, окованный позеленевшим металлом, метил его кораблю прямо в скулу. И их разделяло мгновение.

Рунольв знал, как это будет... И уже видел перед собой раскалывающийся, расступающийся борт. И чёрную воду, ревущую в проломе...

Эйнар всё-таки попытался уйти от удара, отчаянно переложив руль. Но и Олав у себя на корме смотрел по-прежнему в оба! Чёрный дракон лёг на крыло. Ближе, ближе – и вместо удара вдруг тяжело и страшно пошёл по вёслам пёстрого корабля, по правому борту!

Однажды видевший подобное – не забудет, куда живёт... С натужным треском ломались крепкие сосновые вёсла. Вздвигались рукояти и ломали хребты гребцам. Рунольва сбило с ног, швырнуло на палубу. Чья-то кровь хлынула в лицо. Чужая кровь! Он смахнул её и вскочил.

Люди Приёмьша уже сбросили парус и закидывали крючья, стягивая корабли. И гудевшие на ветру верёвки некому было перерубить. Уже почти потеряв ход, чёрный корабль вцепился драконьей пастью в кормовой штаг пёстрого... Деревянные клыки оказались прочней. Хлопнул разорвавшийся канат, и мачта со стоном перекосилась налево, так, что захрустел палубный настил.

Люди Эрлинга хлынули через борт, не дожидаясь, пока корабли сойдутся вплотную. Подхватывали на левую руку щиты и на ходу выдирали из ножен мечи. И прыжком перелетали на чужую палубу: смерть!!!

Рунольв встретил их первым...

Копьё Гадюка никогда не видели далеко от хозяина. Вот и теперь достаточно было пошарить рукой, и пальцы оплели знакомое древко. Рунольв зарычал, как бешеный берсерк... Огромный, в седеющих космах, и копьё Гадюка то рубило широким лезвием, как послушный меч, то жалило, как живая змея! Он не звал своих в битву. Он бился!

Гадюка встретила самого первого прыгнувшего через борт... Остановила в прыжке, и воин без вскрика ушёл вниз, в чёрную воду. Но их было слишком много. Они перелетали с корабля на корабль, заноса секиры, что-то яростно крича. Как перевернувшийся котел с кипятком!

Рунольв искал между ними Приёмьша и всё не находил. А половина людей из Торсхова уже лежала между скамьями, и им не суждено было встать. Им, ни разу не принимавшим боя на своём корабле! Позор, за который расплачиваются только одним. Кровью.

Потом перед Рунольвом встал Олав... Эрлинг вождь долго уговаривал старика не ввязываться в битву. Не помогло. Было у меня четверо сыновей, сказал Можжеватель. Теперь трое. И прожил я не короткую жизнь.

Оказавшись с Рунольвом лицом к лицу, Олав коротко потребовал:

– Все прочь!

Вокруг сразу же расступились: чужие, кто ещё отбивался, и свои.

Рунольв тяжело переводил дух, опершись на копьё... Только тут, как-то сразу, он почувствовал, до чего вымотала его иступленная гребля и схватка с морем, едва не погубившим корабль... Его не ударят в спину, он это знал. Но на лица достаточно было посмотреть один раз, чтобы понять: проиграть единоборство Олаву не дадут.

– Олав Вшивая Борода! – прохрипел Рунольв, перехватывая копьё. – Ты умрёшь той же смертью, что и твой щенок, родившийся в мусорной куче!

Олав ответил:

– Думается, мой сын умер достойно. А вот о тебе навряд ли кто это скажет, Рунольв Убийца Гостей...

Рунольв прыгнул вперёд, заноса копьё для удара. Видевшие рассказывали, будто у него светились глаза и пена шла изо рта. Так или нет, а только старый Олав мог ещё поучить боевому искусству кое-кого моложе себя. Копьё Гадюка лягнуло о его меч. Олав отбил первый удар. Потом второй и третий. А потом постепенно, шаг за шагом, погнал Рунольва назад...

Эрлинг Виглафссон дрался на носу пёстрого корабля. Несколько раз он встречал соперников сильнее и искуснее себя. Но удержать его они не могли. Потому что Эрлинг всё время

видел перед собой высоко поднятый форштевень и задубелые от соли моржовые ремни, продетые в кованое кольцо...

Только раз он едва не погиб. Там, возле борта, умирал на пригвоздившем его копьё один из Рунольвовых людей. Но тускнеющие зрачки поймали младшего Виглафссона, и дотлевавшее сознание встрепенулось. Последняя ярость выпрямила пробитое тело, рука приподнялась и пустила судорожно стиснутый дротик... Эрлинг не увидел броска. Но его увидел Бьёрн, и Бьёрн оказался начеку. Перехватил свистевшее жало и замахнулся, чтобы метнуть обратно... Но добивать было уже некого. Тело возле борта безжизненно моталось в такт качке. Душа же торопилась в Вальхаллу, опытный Бьёрн понял это сразу. Славная смерть! О ней расскажут у очага, когда настанет пора вспоминать этот бой.

Потом Эрлинг вскочил на бортовые доски и, как некогда Эйнар, бесстрашно повис на снастях. Волны тяжело били в грудь кораблю, обдавая и Халльгрима, и его.

– Брат! – крикнул Эрлинг. – Халльгрим, брат, это я!

Халльгрим не отозвался – только ветер гудел в натянутых снастях. Море раскачивало и швыряло корабли, зелёными потоками врывалось на палубы, смывало кровь... В обоих трюмах, не поднимая голов и не обращая внимания на битву, трудились люди с ведёрками в руках. Их никто не трогал...

Эрлинг вцепился в ремни, вытянулся изо всех сил – и всё-таки достал брата рукой, просунул пальцы под куртку, разорванную на груди. Новая волна накрыла обоих. Ноги Эрлинга сбросило с борта, и он повис рядом с Халльгримом, обнимая его одной рукой.

Вот тогда-то померещились ему под разодранной курткой чуть заметные, медленные толчки...

– Он жив! – крикнул Эрлинг Бьёрну Олавссону, схватившему его за пояс. – Он жив!

Это услышала вся палуба. Возле Эрлинга и Бьёрна, хромая, появился Рагнар. В руке у Рагнара был нож. Молодой раб высунулся за борт и посмотрел вниз.

– Подержи-ка меня за ноги, Олавссон, – сказал он Бьёрну. – Я разрежу сапоги, они приколочены.

Болтавшаяся рукоять правила упёрлась Рунольву между лопаток...

Знакомая рукоять, до тёмного блеска отполированная за годы его, Рунольва, ладонью! Не будет больше ничего: ни побед, ни сражений, ни счастливого лица дочери... Ничего и никогда! Олав Можжевельник загнал его на самую корму. К сиденью рулевого. Туда, где он, Рунольв, провёл большую половину своей жизни. И лучшую половину...

Олав смотрел на него спокойно и хмуро. Рунольв заслуживал срама. И должен был сполна его получить.

Но тут Рунольв разглядел на другом конце корабля такое, отчего его глаза выступили из орбит. Из груди вырвался рёв... Там, на носу, трое людей втаскивали через борт огромное негнушееся тело!

Бешеный натиск Рунольва заставил Олава сделать несколько шагов назад... И тогда Рунольв могучим размахом послал Гадюку в полёт. Над головами, над палубой – через весь корабль! Пускай это будет последнее, что он успеет сделать на свете, – но жизнь Халльгрима Виглафссона он заберёт.

Последний удар Рунольва Раудссона – странно было бы ждать, чтобы этот удар не попал в цель...

Но вскинулся на пути иссечённый щит Бьёрна Олавссона. И принял летящую смерть на себя. Не будь щита, Бьёрн остановил бы копьё собственной грудью. Гулкий удар швырнул его на колени. Гадюка пробила крепкое дерево и руку Бьёрна ниже плеча... Глубоко вошла в палубу и остановилась, тяжело трепеща.

Это была последняя неудача. Рунольв Раудссон по прозвищу Скальд вскочил на высокое кормовое сиденье и одним взглядом окинул свой корабль... Уже не свой, уже принадлежавший

врагу! Не более пяти человек устало отбивались от нападавших, прижатые, как и их вождь, к борту лодки. Солнце клонилось к закату, тучи на западе пылали неверным лиловым огнём. Пена на гребнях волн казалась кровавой.

Он расхохотался... И крикнул так, что сражавшиеся вздрогнули:

– За мной, все люди Рунольва!

И когда его воины подняли головы – взмахнул руками и ринулся в море. Ледяная вода заглушила его смех.

Ни один из пятерых не пожелал отстать от вождя. Но ни одному не дали этого сделать. Трёх зарубили здесь же, у борта, и мёртвыми бросили в воду. Двоих скрутили и оставили на палубе, биться головами о скамьи.

А на том месте, где скрылся Рунольв, ещё не разошлись круги, когда кто-то стремительно пробежал на корму, перескакивая через скамьи и тела. С маху всадил в бортовую доску почерневший топор – и сильным прыжком кинулся в темноту.

Это был Этельстан. Никто не успел его остановить...

– Вот верный раб, – вытирая меч, проворчал кто-то из победителей. – Смотрите-ка, хоть и ругался, а последовал за хозяином.

Он ошибался. Нырнув, Этельстан открыл под водой глаза. Поверхность над ним переливалась всеми цветами от зелёного до густо-багрового. И слышался далёкий размеренный гул... Холод обжигал тело, внизу лежала непроглядная тьма. Этельстан шёл вниз, зная, что второго раза не будет.

Потом он увидел... Расплывчатая, двоящаяся тень уходила от него вниз, во мрак глубины. Этельстан устремился в погоню... Вскоре заложило уши, он отчётливо понял, что воздуха в лёгких не хватит для дороги назад... Богородице, дево, не оставь душу, обугленную грехами, одноглазый Бог прадедов, помоги! Молитву услышали. Пальцы вытянулись, как когти, вцепились в струившуюся гриву волос... Всё. И не страшна больше ни смерть, ни солёная вода во рту.

Этельстан повернул обратно, к поверхности... Медленно, слишком медленно, чтобы спастись! Рунольв, успевший наглотаться воды, не сопротивлялся. Но его тело даже под водой сохраняло непосильную тяжесть.

Потом сознание помутилось...

Четверо, взятые живыми, сидели вдоль борта. Одного из них не стали даже вязать: он раскачивался взад и вперёд, обхватив ладонями голову. Этот долго не проживёт... Ещё у одного была перебита рука; двое других выглядели получше.

Эрлинг подошёл к ним и указал на одного из этих двоих:

– Развяжите его...

Хирдманны повиновались. Парень выпрямился и сложил на груди сильные руки. Он глядел на невысокого Эрлинга сверху вниз. Все они здесь знали друг друга: это был Эйнар.

Эрлинг сказал так:

– Я просил Вана-Ньёрда спасти ваш корабль и пообещал ему пленника.

Эйнар чуть поднял кудрявую голову. Только и видно было, как сильней сжались его челюсти да скривились сомкнутые губы. Тот, с перебитой рукой, подал голос:

– Возьми и меня, Приёмьш. Мы с ним друзья.

Эйнар обернулся и подмигнул ему, оскалив в улыбке ровные зубы.

Эрлинг вытянул руку:

– Ступай в море.

Эйнар промедлил как раз столько, сколько требовалось, чтобы не показаться покорным... Трусом, он знал, его не назовут и без этого. Потом шагнул вперёд и легко, по-кошачьи, вскочил на борт. И встал, балансируя, на самом ребре доски.

– Будь здоров, Приёмьш, – проговорил он спокойно, положив руки на узкие бёдра. – Нынче твоя взяла, но ты ведь сам знаешь, что всё может и перемениться. А я хоть посмотрю, каков с виду морской Бог Ньёрд и вправду ли так велик его корабельный двор Ноатун, как об этом болтают. До встречи, Бёдвар, друг!

Связанный Бёдвар рванулся встать – его ударили черенком копья, повалили на палубу.

Эйнар шагнул в море. Стылая вода приняла его, но вскоре он вынырнул. Погрозил кулаком и быстро поплыл прочь от корабля...

Кто-то из стоявших подле Эрлинга взялся за лук и стал прилаживать к жилке стрелу.

– Пусть его, – подняв руку, сказал Виглафссон. – Теперь им распоряжается Ньёрд...

Рагнар перетягивал Бьёрну окровавленную руку, когда внизу, под ними, что-то тупо стукнуло в днище. Потом опять.

– Мертвец, – сказал Бьёрн.

Но тут снизу послышалось царапанье, и оба вскочили, перегнулись через борт.

По дубовой обшивке, сдирая ногти, сползала страшная синяя рука. Скрюченные пальцы шевелились, пытались зацепиться... и не могли.

Рагнар отшатнулся, но в следующий миг ему почудилось нечто знакомое. Не родимое ли пятно на запястье? Так и не вспомнив, где видел его, он всё-таки свесился вниз и схватил уже ускользавшую руку, и та, вздрогнув, вцепилась в него смертным пожатием.

Рагнар храбро сражался с людьми – но не с выходцами из могил. Он мгновенно взмок от ужаса и завопил не своим голосом:

– Бьёрн!

Бьёрн обхватил его поперек тела, не пожалев раненого плеча... и в глубине проступило запрокинутое лицо Этельстана. Глаза англа были закрыты, из ушей и ноздрей тёмными струями плыла кровь. Подоспевшие на помощь рванули его вверх. Голова приподнялась над водой, но и только: что-то держало его там, внизу, точно камень, привязанный к ногам. Двое отчаянных выпрыгнули за борт...

Пальцы в волосах Рунольва не разомкнулись даже на палубе, когда обоих уложили и стали откачивать...

18

Три дня и три ночи бушевал шторм... Но потом занялось ясное, чисто умытое утро, и обледеневшие скалы засверкали на солнце.

В это утро к воротам Сэхейма верхом на лошади прискакал Сигурд Олавссон.

– Возвращаются! – крикнул он выбежавшим навстречу. – Наш идет впереди!

И первым звуком, ответившим ему со двора, был женский плач. Плакала красавица Гуннхильд, все три дня просидевшая с сухими глазами и молча. Теперь она обнимала подбежавшую Звениславку, и ноги у неё подгибались.

Люди Морского Дома, всё это время державшие оружие под руками, высыпали на берег... Хотя корабли были, конечно, ещё далеко. Эрлинг возвращался. Он победил в бою, из которого его ждали почти без надежды. Эрлинг вождь...

Потом подъехал Видга. Сын хёвдинга не мог покинуть сторожевых скал прежде, чем корабли войдут в фиорд. Наверное, он видел их совсем близко. И даже разглядел на палубе нечто, укрытое кожаным пологом от ветра и брызг.

Видга спрыгнул с коня и отдал поводья рабу.

– Эрлинг отбил отца, – сказал он негромко. И тоже пошёл на берег, обходя столпившихся людей. Скегги хотел было подойти к нему, но не посмел.

И вот наконец из-за поворота фиорда выдвинулись корабли... Совсем как тогда – один за другим. Но только теперь чёрный корабль шёл впереди. И оба двигались медленно. Словно бы устало. На каждом трудилась едва половина обычного числа гребцов...

И Эрлинг Виглафссон действительно махал рукой, стоя на носу.

Видга жадно следил за тем, как два драккара входили в ограду и подтягивались к берегу, бросая якоря. Их не будут вытаскивать: завтра же, как рассветет, воины пойдут грабить Торсхов!

Вот наконец причалили, и с берега понесли сходни – Видга держал их за один конец... И едва сходни легли, он в два прыжка взлетел по ним на борт.

Может быть, Эрлинг что-то сказал ему, но он не услышал. Видга не слышал голосов людей, сходящих с корабля и рассказывавших о бое. Не слышал горя женщин над телами восьмерых павших.

Халльgrim хёвдинг лежал на палубе своего корабля... На разостланном кожаном плаще, закутанный в тёплый мех. Тот не викинг, кто не умеет обогреть раненого и позаботиться о его ранах. И начертать на палочке руны, унимающие муку. И даже если вокруг море и палуба корабля уходит из-под ног...

Для Видги во всём мире существовало только лицо отца. Бескровное, с закрытыми глазами. Покрытое щетиной, как ржавчиной, облепившей железное остриё...

Видга сел на палубу и провёл ладонью по его щеке. Осторожно, чтобы не потревожить. Только четыре дня назад он, смеясь, сажился в седло – ехать к Рунольву. Четыре дня назад!

– Подбери нюни, недоносок! – долетело через борт. Видга вскинул глаза – и рука сама собой метнулась к ножу! Ибо на пёстром корабле только что подняли на ноги Рунольва. И отвязывали от мачты, чтобы вести на берег.

– Теперь-то меня может убить даже такой никчемный, как ты, – подметив движение Видги, сказал Рунольв. – Однако тот бой мог бы кончиться по-другому!

У Видги побелели скулы, но он ответил тихо:

– Тогда у него остался бы сын.

Рунольв издевательски засмеялся... Его толкнули в спину, и он шагнул по палубе к сходням. Но всё-таки обернулся, чтобы насмешливо бросить через плечо:

– Ты не его сын, и потому-то он не спешит ввести тебя в род.

Рунольв спускался по сходням с высоко поднятой головой, навсегда покидая свой корабль.

Он совсем не выглядел измученным или ослабевшим. Он не был ранен в бою. Да и на обратном пути ни холодом, ни голодом его не морили. Люди Эрлинга с радостью учинили бы над ним ещё что-нибудь похуже того, что сам он сделал с Халльгримом Виглафссоном. Но Эрлинг расправу запретил. И Рунольв понимал, почему.

Он знал, что жизни ему не оставят. И полагал, что прощание с ней окажется долгим и трудным... Он с усмешкой оглядел Сэхейм, когда-то принадлежавший ему. Весь – вместе с хозяйкой! Потом мельком – стоявших во дворе людей. Когда будут раскраивать спину, он не позабавит их криком. Он, Рунольв хёвдинг сын Рауда, по прозвищу Скальд! А над головой горело синее небо, и где-нибудь там – скоро он узнает, где именно, – поднимется перед ним Вальгринд, кованая входная решётка обители Отца Богов!

Халльгрима вынесли с корабля на кожаном плаще... Один из углов – крепко, не выскользнет! – держал Видга. Халльgrim не застонал, когда поднимали плащ. Воины осторожно сошли наземь и медленно пересекли двор, и люди подходили посмотреть на вождя. Халльгрима внесли в дом и уложили на его спальное место, на широкую лавку у очага... Они сделали для него всё, что могли. Теперь он боролся сам.

Видга сел возле отца, взял холодную, изуродованную путами руку. Стал гладить её, отогревать дыханием... Во дворе прокричал рог, созывая людей на домашний сход – хустинг. Видга не повернул головы.

Зеленоокая Гуннхильд ни на шаг не отходила от мужа. Эрлинг гладил её растрепавшиеся волосы, целовал заплаканные глаза.

– Сколько наших погибло? – спросил его Хельги.

– Восемь... Семеро в битве, и ещё один умер от ран.

– Кто?

Эрлинг назвал.

– А у Рунольва?

Эрлинг ответил коротко:

– Мы привезли троих.

– Так! – сказал Хельги. – Давненько в Торсхове не видели красного щита на мачте, брат!

Звениславка уже водила его на пёстрый корабль. И он ходил по его палубе, трогая зрячими пальцами следы боя. Ему рассказали, каким был этот бой.

А потом хрипло проревел рог, и люди стали собираться в круг. Воины – и женщины позади них. Так присоветовала сыновьям ещё Фрейдис: ведь и женщина может дать мудрый совет. И даже раб; потому-то рабам в Сэхейме многое позволялось...

А посередине круга стоял Рунольв Раудссон.

– Я был тебе соседом, – сказал ему Эрлинг. – А в этом доме ты сидел за столом! Ты заслуживаешь, чтобы зарыть твои кости на краю прилива, Рунольв. Там, где встречаются зелёный дёрн и морская волна. Потому что ты поднял руку на гостей.

Рунольв повернулся к нему и плюнул на землю.

– Складно ты болтаешь, Приёмьш, пока у меня связаны руки!

Круг сидевших загудел, как потревоженный рой. Но в это время рядом с Эрлингом во весь рост выпрямился Хельги:

– Не тебе, Рунольв, говорить о связанных руках!

Тут люди разом притихли. Что-то ещё скажет средний Виглафссон?.. А Хельги поднял слепое лицо к солнцу и обратился, казалось, прямо к нему:

– Пусть Рунольву завяжут глаза и дадут нам обоим по топору!

Звениславка ахнула подле него, но никто не услышал. Воины разом соскочили с мест, крича и плашмя колотя мечами в щиты! И называлось это – шум оружия, вапнаток! Чем бы ни кончился затеянный поединок, память о нём должна была остаться надолго... Память всегда живёт дольше людей.

Рунольв без усилия перекрыл шум:

– А что будет, если я его убью?

– Сначала убей! – крикнул кто-то. – Тогда и поговорим!

А старый Можжевательник добавил негромко:

– Ты не победишь...

Сигурду Олавссону бросили толстую тряпку, и он принялся завязывать Рунольву глаза. Тот усмехнулся:

– Я не думал, что ты станешь возиться, брат Гудрёда. Я думал, ты просто меня ослепишь...

– И ослеплю, если велят, – ответил Сигурд угрюмо. – А вздумает подсматривать, так и без приказа. И ты это запомни!

Мальчишки помладше со всех ног понеслись за ограду – нарезать ореховых прутьев... Такими прутьями ограждали когда-то поля сражений: выползешь за черту – получишь пощаду. Здесь пощады не будет: и не попросят её, и не дадут! Но пусть видят боги, что всё совершается по чести...

Хельги принесли его секиру. Сын Ворона ощупал острое лезвие и остался доволен.

– Поставьте-ка меня к Рунольву лицом...

– Хельги! – окликнул его кто-то. – Рунольв в броне, а ты в простой куртке... Возьми мою!

– Нет, – отказался Хельги. И добавил: – Не будет ему проку от этой брони!

И эти слова запомнились...

Их поставили друг против друга. Обоим надели на шею бубенчики из тех, что навешивают на хвостовое перо охотничьим птицам. И расступились, оставляя противников наедине.

– Сходитесь! – сказал Можжевельник.

Хельги и Рунольв медленно двинулись вперёд... Над головами сидевших разлилась тишина. Лишь у берега дрались голодные чайки, поссорившиеся из-за рыбёшки.

Ни один не уступал другому ни ростом, ни шириной плеч. Разве только то, что Хельги годился Рунольву в младшие сыновья...

Рунольв ударил первым. Услышал ли он приближение Хельги, или просто прикинул нужное число шагов – этого никто никогда не узнал. Рунольв резко взмахнул обеими руками и со свистом обрушил топор перед собой.

Удар был страшен. Окажись Хельги на полшага ближе к врагу – и умер бы, не успев упасть. Но он всё-таки отпрянул назад. Острое лезвие лишь скользнуло по его груди, с треском располозовав толстую куртку...

Стон пронёсся по двору: по кожаным лохмотьям щедро полилась кровь.

– Рунольв! – разом крикнули двое пленных. Этот хёвдинг стоил того, чтобы за ним идти. Навеки – до огня и костра!

Рунольв водил вокруг себя секирой, зажатой в вытянутой руке. Губы его шевелились, но что он говорил и кому, никто не слышал. Рунольв знал, что ранил противника. Но проклятая тряпка не давала увидеть, велика ли удача.

– Рунольв! – крикнул Хельги, и смотревшие вздрогнули. Хельги прыгнул вперёд, занося топор... Но крик был ошибкой: Рунольв встретил его новым ударом, пришедшимся в голову.

Небо рухнуло наземь, и мировой ясень Иггдрасиль, выкорчеванный, потряс в воздухе тремя своими корнями... Хельги зашатался, проваливаясь во мрак. Но руки, сжимавшие топор, ещё жили. И они нанесли удар, от которого невозможно было спастись.

Рунольв закричал. Страшным криком живой плоти, в которую ворвалась смерть. И упал. Он упал в воду с борта своего корабля, смеясь и потрясая копьём. Вода была чёрной, как дёготь, и почему-то горячее, и в ней разгоралось далёкое зарево. Наверное, это шёл навстречу пёстрый корабль под парусом, похожим на багрово пылающий факел, и правило колебалось в тёмной воде, ожидая знакомой руки...

А может быть, это спешил за ним из Вальхаллы корабль мертвецов, никогда не пристающий к берегам...

19

И вот занялось утро, назначенное увидеть Торсхов горящим.

И застало перед воротами Сэгейма каких-то странных людей, выехавших из леса...

Было их около дюжины; все вооруженные и верхами, а под тем из них, кто более прочих походил на вождя, перебирал ногами крупный серый конь – прежний любимец Рунольва. И на плече у главаря висел белый щит...

– Вот как, – усмехнулся Эрлинг, когда караулившие у ворот прибежали за ним в дом. – Опять из Торсхова, и опять с миром... А сказали хоть, чего хотят?

Приезжие хотели видеть Эрлинга Виглафссона, и он велел впустить их во двор. Ворота раскрылись – и сын Ворона не сдержал удивления.

– А ведь я тебя знаю, – сказал он предводителю. – Ты Дрётт Валландец, скотник Рунольва. Откуда ты здесь и кто тебя прислал? И почему вы все с оружием?

Впрочем, было ясно – там, в Рунольвовом дворе, что-то произошло. Дрётт отозвался с достоинством, какое не всякий раб осмелился бы себе позволить, а раб из Торсхова и по давности:

– Рунольв Раудссон и вправду называл нас трэлями, но только этому больше не бывать. Вы тут навряд ли слышали про то, что мы вчера ещё перевешали всех, кого он оставил стеречь двор. А сюда к тебе приехали потому, что ты теперь, уж верно, готовишь корабль – жечь Торсхов!

Вокруг быстро собирались люди, и приезжие ерзали в седлах, чувствуя себя неудобно.

– Смелое и большое дело вы совершили, – сказал Эрлинг. – Однако стоит ли хвалить изменивших хозяину, который всех кормил!

Эти слова заставили Дрётта Валландца слезть с лошади и подойти к Эрлингу вплотную. Было видно, как непривычно он чувствовал себя в шлеме и с мечом, болтавшимся у бедра, – этим рукам больше подходила лопата...

– Тебя, Виглафссон, называют Приёмшлем, – проговорил он негромко, глядя на Эрлинга одним глазом – второй у него был давным-давно выбит. – И думается мне, добрые норны стояли подле тебя, потому что тебя подобрал твой старик, а не Рунольв... Иначе ты бы теперь пас свиней и ел с ними из одного корыта, чтобы не протянуть ноги. А потом у твоей жены родился бы сын и ты бы сразу принялся гадать, на кого он будет больше похож – на тебя или на Рунольва! Если только твоего сына вовсе не вынесли бы в лес, чтобы не разводить лишние рты!

Друзья одобрительно зашумели у него за спиной. Да что говорить! И без них весь фиорд знал о том, как Рунольв однажды зарубил раба только потому, что тот стоял удобно для удара.

Тут из дома выглянул Этельстан. Прежние товарищи мигом разглядели его с сёдел. Такого необычного и незнакомого в крашеной одежде хирдманна, в красивых новых сапогах! Захочет ли подойти? Этельстан живо протолкался к ним и крепко обнял Валландца: как бы ни повернулось дело, у Дрётта здесь был по крайней мере один испытанный друг. Эрлинг смотрел на них молча. Думал, как поступить...

– А тебе, – вновь обратился к нему Дрётт, – мы вот о чём порешили сказать. Бери Торсхов без боя и живи в нём, потому что твой двор сгорел. А нас всех назовёшь своими людьми. Но только мы теперь будем свободными бондами и поселимся кто где захочет, и наши дети унаследуют всё добро, какое мы наживём. Вот так; и если это тебе не по сердцу, мы будем сражаться, и живыми ты нас навряд ли возьмёшь!

Это были отчаянные речи, и воины вокруг загомонили – одни недоуменно, другие с пробуждающимся гневом. Выслушивать подобное, и от кого же! От скотника!

Однако Эрлинг всё ещё молчал, и Этельстан, стоявший с Дрёттом плечо к плечу, негромко заметил:

– Тот не стоит свободы, кого можно сделать рабом.

И такие слова никого не удивили, ведь у себя дома, в стране англов, Этельстан принадлежал к знатному роду. Но неожиданно за Дрётта заступился и старый Олав.

– Эрлинг, – сказал мореход. – На твоём месте я поднёс бы им пива. И сам выпил бы с ними из рога, хотя бы от них и пахло хлебом. Потому что взять свободу не меньше чести, чем унаследовать. Наследие даётся легко!

Эрлинг покосился на него – но потом всё-таки взял Дрётта за плечо.

– Храбро ты разговариваешь, Валландец, и ещё храбрее поступаешь... Но не знаешь ты того, что самому смелому нет нужды пугать других. Твоё счастье, что ты мне всё это наговорил, а не братьям. Вот они-то сочли бы за трусость не сжечь после этого Торсхов. Да и тебя вместе с двором! Ну а меня самого называют Эрлингом Бондом...

Угрюмый Дрётт впервые улыбнулся при этих словах, напряжённые плечи опустились. Он хитро прищурил на Эрлинга единственный глаз, и морщинистое лицо помолодело сразу на десять зим.

– Вот потому-то мы и хотели видеть тебя, Эрлинг Виглафссон, а не их...

Халльгрим хёвдинг был совсем плох...

– Зря ты отпустил Бёдвара и того, второго, – попрекнул Эрлинга Хельги. – Если мы теперь принесём в жертву раба, не оскорбит ли это богов?

Олав кормщик посмотрел на Хельги поверх головы больного и сразу уронил взгляд. Нехорошая мысль посетила его... Умрёт Халльгрим, и слепой брат не сможет занять его места. Эрлинг хёвдинг – и Видга, ревниво косящийся на двоюродных братьев! Вот так и появляются в море бродячие корабли и вожди на них, никогда не выходящие на берег...

Видга сказал, не поднимая головы:

– Принеси в жертву меня.

У Хельги почти всё лицо было скрыто повязкой – никто не видел, что оно выражало. Хельги ответил, помолчав:

– Ты, верно, слышал про Ауна конунга и про то, как он одного за другим жертвовал сыновей, чтобы прожить ещё несколько зим... Ты хочешь, чтобы твоего отца назвали подобным ему?

Видга промолчал. Одеяло на груди отца медленно приподнималось и опускалось. Это движение завораживало, притягивало взгляд, заставляло гадать – сбудется или не сбудется следующий вздох...

За этого вождя любой из его людей сам продел бы голову в петлю и смеясь подставил бы сердце копыю... Но тут-то заморыш Скегги подобрался к своей Ас-стейнн-ки и тихонечко потянул её за руку:

– А как лечат у вас в Гардарики?

Он прошептал это слишком громко. Все обернулись.

– Ты что сказал? – спросил Хельги грозно.

У Скегги от ужаса отнялся язык. И пришлось Звениславке отвечать за него:

– Он спросил, как лечат у нас на Руси...

Хельги встрепенулся:

– Как?

Теперь уже не у Скегги – у самой Звениславки съёжился в груди холодный комок! Но послушная память сразу закружила перед нею водоворот лиц – быстрее, быстрее... – и выплыло любимое. Лицо страшное, разрубленное хазарской саблей через лоб и скулу... и глаза, остекленевшие от муки. И высокая седая старуха, которую никто не помнил молодой и которую назвали Помощницей Смерти ещё когда Звениславкин отец, рыжеусый Малк Военежич, босоногим мальчишкой свистел в глиняные свистульки... Помощница Смерти поглядывала на солнце, и тёмные, бездонные глаза не моргали. И крест-накрест плыл над распластанным парнем ярко сверкавший топор...

Звениславка собралась с духом и пролепетала:

– У нас велят сотворить крест топором...

– Ну так и сотвори, – сказал Хельги нетерпеливо.

Однако Олав кормщик запустил в бороду пальцы:

– Расскажи сперва, для чего крест!

Его, Олава, отец, по имени Сигват Ветер, когда-то попал в плен в стране франков, молившихся распятому богу. По счастью, Сигват сумел от них убежать, но крест остался при нём – багровой отметиной на лбу...

Пришлось объяснить:

– Это знак Дажьбога... всё ведь от солнца... к кому же ещё о здоровье, если не к нему.

О Дажьбоге Можжевательник слышал не больше, чем Звениславка – о Христе. Он спросил по-прежнему недоверчиво:

– А услышит тебя твой... как ты его назвала? Гардарики неблизко.

Звениславка ответила радостно:

– Одно солнце на свете!

Хельги толкнул в спину племянника:

– Принеси-ка мой топор.

Видга, вздрогнув, сорвался с места... Хельги обнажил секиру, нашёл на лезвии зазубрину.

– Крепкие рёбра были у Рунольва Скальда... Твори своё колдовство. Это даст тебе удачу.

Гладкая сталь блестела на солнце, лившемся в распахнутый дымогон... Звениславка взяла тяжеленный топор и едва удержала его в руках. И снова накатила ледяной страх: какая из неё ведунья? Как молиться, что говорить? Как помочь? Весь дом смотрел на неё, отказываться было поздно.

Звениславка зажмурилась, запрокинула голову, чувствуя, как взошли к глазам слёзы ужаса и надежды... Медленно плыло в синей вышине доброе бородатое солнце с лицом в точности как у деда Военег. И страх внезапно пропал: да кого боишься-то, глупенькая? Звениславка протянула к нему руки с лежавшим на ладонях топором. Солнышко красное, Дажьбог ты Сварожич, дарующий тепло и свет! Высоко ходишь, ясный, в небе, от земли-матушки по счёту четвертом. Да ласкаешь себе приветно грады и веси, доли и горы! И всем светишь одинаково: руси и урманам, и свейам с данами, и варягам, и ромеям, и немцам, и темнолицым булгарам, и тем дальним, про чей род-племя и заезжие гости слыхом не слыхали. Возьми, дедушко, свою золотую секиру...

Тут светлый блеск коснулся её сомкнутых век. За то время, что она молча беседовала с Дажьбогом, солнечные лучи продолжали обходить свой круг. Они ярко ложились теперь и на Халльгрима, и на топор.

Неподвижно стоявшую Ас-стейнн-ки не беспокоили ни звуком: не помешать бы ненароком чудесам гардского Бога! Кто знает, может, хоть это отгонит смерть от вождя...

Секира переливалась в руках у Звениславки, как чистое золото. Дажьбог сиял прямо в лицо – солнечный дед улыбался.

Солнышко трижды светлое! Ужель труд тебе выдворить из тела злую истому-недуг, заменить добрым здоровьем? Родная внучка просит...

Тут она наклонилась и приложила тяжёлый топор ко лбу Халльгрима, к его животу, к одному плечу и другому. Знак Солнца, золотой знак! Руки дрожали и готовы были отняться. Старый Олав бережно принял у неё топор.

Халльгрим перекатил голову на сторону, брови сдвинулись и угрожающе, и жалко... Олав поправил на нём одеяло и стал смотреть на него, подперев бороду кулаком. Не выйдет ли так, что хёвдинг очнётся и запомнит, каким Богам молился тридцать четыре зимы?

...Звениславка не помнила, как выбралась из дому. Ноги сами принесли её в корабельный сарай: тут никто не найдёт! Она припала лицом к форштевню чёрного корабля. Горячей щекой к мёрзлому дубу, неистребимо пропахшему солью и смолой... Корабль, кораблик, бывал же ты на Руси! Колени подогнулись, она поникла на землю у заиндевелого киля – и расплакалась.

И не сразу почувствовала расторопные руки, кутавшие её тёплым платком. И услышала голос, уговаривавший не плакать. Впрочем, этот голос и сам изрядно дрожал. Скегги стоял подле неё на коленях и, захлёбываясь, рассказывал, как чудесно она колдовала, – вот теперь-то Халльгрим непременно останется жить!

– Он выздоровеет! Вот увидишь! Ас-стейнн-ки! И ты поедешь в свою страну!

Услышал он эти слов в разговоре или придумал их сам – она не спросила. Длинная тень пролегла от порога: в дверях стоял Видга. Малыш поспешно высморкался, чтобы сын хёвдинга

не посмеялся над ним за слабость. Но Видге был не до него. Он молча взял Звениславку за плечи, заставил поднять голову. Посмотрел в мокрое от слёз лицо... Потом пошарил у себя на груди и стащил через голову самодельный оберег – клыки матёрого волка на потрёпанном ремешке.

Память о победе, одержанной им в возрасте Скегги...

Он надел свой оберег Звениславке на шею и ушёл, так и не произнеся ни слова. Да и о чём говорить?..

20

Халльгрим хёвдинг выздоравливал – но нелегко... Раны и ледяная осенняя вода не загнали его в могильный курган, однако свалили надолго. И станет ли он прежним Халльгримом вождём, этого не ведал никто. Пока что он даже есть не мог без сторонней подмоги. Обе руки, безобразно распухшие, не слушались и болели. Видга кормил отца с ложки и ухаживал за ним, как ещё не всякая нянька. Никому не позволял сменить себя подле него. Не вспоминал ни о лыжах, ни о рыбной ловле. Спал здесь же – урывками, вполглаза.

Сам отбирал для пятнистой козы душистые веники, сам её доил. И поил отца из деревянной кружки целебным парным молоком...

Эрлинг Виглафссон не успел как следует обжиться в Торсхове, когда с юга, из ближнего фиорда, по первому снегу прибыли гости. Старший из них привёз на груди палочку тёмного дерева, испещрённую полустертыми рунами: знак сбора на тинг.

Такую палочку передают от двора к двору, когда населённый край зовёт своих мужей на совет. Кто-то принёс её в тот южный фиорд, и вот теперь она путешествовала дальше. И как всегда, торсфиордцам предстояло отвезти её к месту тинга. И отдать законоговорителю – до следующего схода.

Ибо севернее Сэхейма лежала уже не Страна Халейгов, а Финнмёрк. Другие люди жили там – их называли здесь финнами. Иное племя и обычай иной...

Соседи приехали зимним путём: на санях, по старой горной дороге. Вот и пришлось Эрлингу первым их принимать, потому что Торсхов стоял ближе к горам.

Немало подивились гости, увидев его новым хозяином двора. Подивились и порадовались. Ибо сыновья Ворона всегда ходили походами далеко на юг, не трогая живших вблизи. Зато Рунольв, веривший в себя беспредельно, грабил всех без разбору...

– Отдохните с дороги, – сказал Эрлинг прибывшим. – А мы с братьями пока решим, кому из нас ехать.

И не так-то просто было об этом решать! На тингах принимают законы и судят о важном – о судьбах людей и всей земли. Кому же выступать вперёд других, как не лучшему в роду?

На тинг приносят свои обиды и тяжбы и просят поддержки у закона страны. И закон законом, но часто бывает так, что правым выходит тот, кто посильней. Вот и ищут малые люди заступничества у именитого человека. А много ли во всём Халогаланде воинов именитей Халльгрима Виглафссона? Кто лучше него решит, за кого заступиться, кому помочь?

А ещё на тингах договариваются о свадьбах, встречают старых друзей – и приобретают новых врагов. Покупают и продают, стравливают людям на потеху свирепых жеребцов... Ибо раз в год здесь собирается вся огромная округа-фюльк. Кто же лучше хёвдинга сумеет позаботиться об удаче и достатке всей родни?

Но Халльгрим лежал пластом. И Видга приподнимал его на подушке, чтобы влить в рот мясной отвар.

– Поеду я! – сказал Хельги. – И со мной – Бьёрн Олавссон и ещё кто-нибудь. А Олав с Эрлингом пускай стерегут двор!

Не произнесённое вслух, за этим стояло: а обо мне, если вдруг что, печали немного... Место тинга было в нескольких днях пути на юг, и дорогу считали опасной.

В прежние годы Халльgrim редко отпускал Хельги одного... Знал брата, знал горячий нрав, сколько раз доводивший мало не до беды. Однако нынче, ничего не поделаешь, придётся ждать о нём вестей. И то верно, не Эрлинга же посылать... Халльgrim, отдыхая после каждого слова, сказал только одно:

– Почаще вспоминай об Ас-стейнн-ки, брат.

Хельги понял. Дом-то ведь мог и укрепиться, и пошатнуться, и всё это смотря по тому, сколько новых друзей и врагов обретёт он на тинге. Сумеет ли вовремя сказать разумное слово и придушить готовую вырваться брань! Дело для мужа. Трудное, как битва, и достойное, как битва...

Хельги всё ещё носил повязки на лице и на груди. Но собрался быстро и уехал вместе с гостями – на следующий день. Звениславка запомнила, как его провожали со двора: он ведь до последнего не отпускал её прочь. Хельги сидел на коне прямо – широкоплечий красавец, волчья куртка с живыми стоячими ушами и пастью вокруг лица, у пояса – боевой топор, и видно, что не для красоты...

Бьёрн, сидя в своём седле, держал повод коня Виглафссона. И конь, умница, видать, понимал, что понесёт слепого. Переступал по снегу осторожно, послушно...

Хельги наклонился напоследок к Звениславке, дотянулся, провёл ладонью по её лбу.

– Вернись, – сказал, – подарок привезу...

Острое писало, сработанное мастером Иллуги, чертило буквицу за буквицей, испещряло гладкую бересту...

«...А Правда у урман – строгая, – записывала Звениславка. – И во всякой земле своя. Но всюду, как сказывают, есть обычай один. Не смеют эти люди поднять друг на друга руку в день веча. Даже если кто мечь мстит за отца или за брата родного. А того ради всякий, на вече собираясь, в знак мира перевязывает ножны ремешком...»

Вот пошёл пятый день, как проводили Хельги в дорогу. И тут в Сэхейм пожаловали новые гости! И на этот раз – с полуночной стороны.

Угасал короткий зимний день, да и не день вовсе, так, далёкий свет из-за гор, когда одни за другими перепорхнули прочно застывший фиорд шесть узких и вёртких санок-нарт, зафыркали возле ворот большеглазые рогатые олени! Дома, в Кременце, Звениславка видала лосей и в санной упряжи, и под седлом, но оленей – ни разу. Да и олени здешние были какие-то не такие: дивуйся, кто увидал! И люди сошли с нарт больно уж странные. Все, как один, невысокие, чуть не меньше Звениславки. Но крепкие с виду, чуть-чуть раскосые и с головы до ног в изукрашенном вышивкой оленьем меху... А речь их показалась Звениславке сродни мерянской. Но не совсем.

Урмане встретили оленных людей, как ближнюю родню. Пригласили в дом, но те не пошли: на вольном воздухе оно привычнее. Только заглянули проведать Халльgrима – и наружу. Живо растянули припасенными шестами кожаные палаточки-чумы, разложили костры... Устраивались прямо на просторном дворе, как видно, хозяевам доверяли. А коней рогатых выпрягли и пустили пастись – добывать из-под снега широкими копытами жухлую траву и пёстрых мышей.

Звениславка поймала за руку Скегги, и тот торопливо рассказал ей, что это приехали из своего Финнмёрка люди племени квеннов. Привезли дань. А привела их старуха охотница по имени Бабушка Лосось!

Любопытная Звениславка долго ходила между палатками. Благо никто не гнал. Смотрела, как квенны с урманами снимали с нарт моржовые клыки, красную рыбу, птичий пух и меха. То-то будет чем торговать на будущее лето! Богатая дань – за страх такую не соберёшь. Да чтобы сами везли!

Знать, не одни квенны жили в той полуночной стороне. Был и лютый враг, от которого Халльгрим их защищал. Тут припомнились было какие-то разговоры о давней поездке братьев в Финнмёрк... но вот беда – говорили о том в Сэхейме всегда неохотно, как о деле, принёсшем великую неудачу. И с чего бы такое, дань-то – вон ведь лежит?

Однако расспрашивать Звениславка всё равно не решилась. Даже Скегги. Что ещё выплывет – может, лучше бы и вовсе не знать...

На другой день она снова гуляла по двору, обходя дымившиеся костерки. Рассматривала квеннов в их оленьих одеждах и шапках с пушистыми кисточками. Женщин, что прямо на морозе кормили грудью детей... Другому смотреть и то холодно, а этим что с гуся вода. Видать, крепкие охотники подрастут!

– Брусничинка, – окликнули её сзади. – Подойди, брусничинка, дай тебя разглядеть...

Перед одной из палаток у маленького яркого костра сидела на нарте женщина-вождь. Звениславка подошла к ней, робея: сама видела, как другие квенны чтили старуху... и побаивались, кажется.

Бабушка Лосось усадила её на нарту подле себя, взяла за руку и вдруг спросила:

– Что, не принесёшь сына своему мужчине? Может, травы какой дать или слово над тобой сказать?

Лицо у неё было в морщинах, что печёное яблоко, но глаза – быстрые, зоркие: охотилась бабка удачливее молодых. Звениславка почувствовала, как жаром охватило щеки...

– Он... не мой мужчина... мой мужчина... далеко! А здесь я не своей волей живу.

Почему-то она сразу смекнула, что речь шла об уехавшем Хельги... Бабушка Лосось поптичьи склонила голову к плечу и долго смотрела на неё, ничего не говоря, и вроде бы жалость проступила в её карих глазах.

– Где же твоё стойбище, брусничинка моя?

Звениславка махнула рукавицей в ту сторону, где, не в силах подняться над горами, жёлтым заревом тлело солнце.

– Там... и много дней пути...

Бабушка Лосось кивнула головой – поняла, мол. И надолго умолкла. Потом, протянув руку, коснулась застёжек Звениславкиного плаща, тех двух лиц, старого и молодого.

– Всё-таки ты – его женщина, – проворчала она. – Он выбрал тебя, и я это вижу. А мог взять любую мою озорницу, красивую и весёлую, как чайка весной. А ты знаешь, брусничинка, отчего у него в глазах ночь?

Звениславка ответила растерянно:

– Его помял на охоте белый медведь...

Женщина-вождь испуганно взмахнула оленьими рукавами:

– Не называй имени Хозяина Льдов, он может услышать и прийти туда, где о нём говорят неосторожно! Ты, глупая, не знаешь, что он иногда крадёт женщин, и те женщины потом приносят домой маленьких сыновей! Нынче снег выпал в четвёртый раз с тех пор, как твой мужчина вместе с братом приехали к нам по морю в том большом челне, у которого на носу злой зверь. Они пристали к нашему берегу, и мои внуки вынесли менять хорошие шкурки. Братья дали взамен мягких тканей и железных гвоздей, а потом стали спрашивать, что нового слышно.

Бабушка Лосось задумчиво погладила седые косы, никогда не знавшие ножниц: как бы не подхватил срезанные волосы злой дух-оборотень да не наделал беды... И продолжала:

– Тогда-то мои внуки пожаловались на Хозяина Льдов, что поселился поблизости и таскал оленят. И мои внуки не смели к нему подойти, потому что не простой это был зверь. Не брали его ни стрелы, ни острые костяные копья, много охотников погубил! А твой мужчина и его брат, тот, что теперь лежит в доме, сказали, что это дело для воинов. И пошли на Хозяина Льдов вдвоём...

Звениславка слушала, не перебивая. Только сердце невесть почему отчаянно колотилось.

– Хозяин Льдов беспощаден и могуч, – продолжала Бабушка Лосось. – Братья одолели его, но он ранил обоих. А уже умирая, ударил твоего мужчину лапой по голове. И на другое утро он стал спрашивать, что такое случилось и не погасло ли солнце. А потом попросил, чтобы брат дал ему смерть, но тот не послушал. И потому-то мои внуки всякий год приезжают сюда за ножами и головками для стрел, чтобы Хозяин Льдов знал, какие великие охотники пришли нам на помощь. Принеси сына своему мужчине, брусничинка, и это будет охотник ещё лучше отца.

Звениславка вдруг вскочила на ноги... не помня себя, кинулась наутёк. Остановилась только за домом. Глотала мёрзлый воздух и никак не могла отдышаться...

Хельги отсутствовал двадцать два дня. И вернулся, когда Бабушка Лосось со своими внуками ещё гостила в Сэхейме.

Появился он в полдень. И не со стороны Торсхова, как ездили обычно. Что-то заставило его выбрать другую дорогу, более короткую, берегом моря. Этой каменистой тропой пользовались только в великой спешке. Была она и тяжела, и опасна: счастлив, кто одолел её верхом и не переломал ног ни себе, ни коню...

Когда побежали встречать, Звениславка разглядела прибывших ещё со двора. Они спускались по склону горы – Хельги впереди всех, за ним Бьёрн, потом все остальные и следом ещё две вьючные лошади с поклажей... Все на месте. И люди, и кони, и столько же, сколько уезжало.

И что-то было не так. Она не сразу поняла, что именно.

Хельги сам правил конём... Бьёрн Олавссон больше не держал буланого под уздцы.

Заметив это, Звениславка не пошла дальше. Прислонилась к створке ворот и осталась стоять. Ослабли ноги...

Лошади в мохнатой зимней шерсти чуяли конюшню и резво несли седоков. Вот подъехали поближе, и стало видно, что Хельги снял повязку с лица. Рановато же он это сделал: Звениславка разглядела страшные синяки вокруг глаз, какие получаются от удара в голову, и багровый конец ухотившего под волосы рубца. И ещё глаза. Которые смотрели...

Вот подъехали совсем близко. Хельги хохотал во всё горло, указывая пальцем по очереди на каждого из встречавших и называя по имени: всех знаю, ты – Гуннар, ты – Сигурд, а ты, верно, тот самый рисунг Скегги сын Орма... Звениславка и не думала никогда, что он способен был так веселиться...

...Он мельком, равнодушно скользнул глазами по одинокой фигурке возле ворот. Продолжая смеяться, направил коня во двор, к кострам и палаткам, к охотникам Бабушки Лосось, шумно высыпавшим навстречу. Но потом будто вспомнил о чём-то. Дёрнул поводья... повернул назад. Умолк и стал смотреть на серебряные застёжки. Потом глянул Звениславке в лицо... В первый раз увидел её! Спрыгнул с седла и пошёл к ней по хрустевшему снегу. И походка-то у него была теперь совсем другая. Широкая, упругая, лёгкая.

Она смотрела, как он шёл к ней по снегу. Страшилась, ждала – сама не зная чего...

Подошёл. И остановился. В синих глазах бился живой свет.

– Значит, мать тогда сказала правду, – проговорил он негромко. – Стало быть, это ты и есть Ас-стейнн-ки. А я думал, ты красавица!

Звениславка не успела ответить. Хельги вдруг сгрёб её в охапку и крепко поцеловал. Прямо в губы!.. Звениславка ахнула, прижала ладони к щекам. А Хельги был уже среди квеннов... Могучими руками подхватил с нарты Бабушку Лосось:

– Ну, здравствуй, старая комариха!

Всё-то ему было нынче легко, всё весело, всё удавалось.

В доме уже знали о случившемся. Видга и тот впервые со дня смерти Рунольва оставил отца – ринулся во двор поглядеть на чудо. Но Хельги его опередил. Ввалился в дом, не обметая снега с сапог.

– А где тут прячется от меня этот ошипанный петух Халльгрим Виглафссон?

– Однако и страшен же ты, – сказал ему Халльгрим. – Видел бы, на кого похож!

Он сумел даже приподняться на локтях, чтобы все знали: нескоро ещё придётся копать могилу для старшего в роду. И он улыбался. Кажется, тоже за всё это время – впервые...

А Звениславке в подарок досталась меховая шапка русской работы. Хельги купил её у одного малого, которого так и прозвали – Гардцем за то, что тот всякое лето ездил торговать на восток в город Ладогу, по-урмански Альдейгьюборг. С ним Хельги сошёлся в первый же день тинга, ещё прежде, чем спала с его глаз четырёхлетняя тьма. И купил шапку, не торгуясь и понятия не имея, красивая или нет. Он не сомневался, что Звениславке понравится. И не ошибся.

Знать бы ему ещё, что она порой брала эту шапку с собой в постель, под одеяло, и гладила в темноте пушистую куницу, и тогда женщинам, лежавшим поблизости, казалось, будто Астейнн-ки всхлипывала – тихонько, совсем тихонько...

21

Но оказалось, что все добрые вести, привезённые Хельги с тинга, на том и кончились.

– Я видел Гудмунда херсира, брат, – рассказал он Халльгриму, когда за нартами уехавших квеннов улеглась снежная пыль. – Гудмунд нынче летом ездил торговать в Скирингссаль... Теперь он говорит, что рад был выбраться оттуда живым и увести корабли. Там, в Вике, теперь большое немирье. И всё из-за этого Харальда конунга, того, что сидит в Вестфольде.

Халльgrim только молча кивнул. Чему удивляться, если дед этого Харальда – Гудрёд Охотник – когда-то согнал с наследной земли и их с Хельги деда? И тот скитался не год и не два, и лишь сыну, Виглафу, удалось крепко сесть на берегу...

– Люди передают, – продолжал Хельги, – будто Харальд недавно посватался к одной девушке по имени Гида. Это дочь Эйрика, конунга хёрдов. И ты знаешь, что она велела ему передать? Что, мол, пойдёт за него, и с радостью, но только если он прежде станет конунгом всей Норэгр. А то конунг, у которого всего пара фюльков, ей совсем ни к чему!

– Красивая, наверное, – сказал Халльgrim. – Но глупая. Хочет, видать, чтобы он и вправду со всеми схватился. И начал при этом с её отца!

– Может, и так, – ответил Хельги. – Однако надобно тебе знать, что Харальд и в самом деле поклялся не стричь и не чесать волос, покуда не станет конунгом всей страны. И его уже прозвали за это Харальдом Косматым. И весь Вик его слушается, будто так тому и следует быть.

Халльgrim сказал задумчиво:

– А Рунольв ходил служить его отцу Хальвдану. И тот, как говорят, водил с ним дружбу, пока не утонул в полынье. Так что вряд ли Харальду охота будет разбираться, кто здесь нарушил закон, мы или Рунольв. Если уж кто жаден, тот не насытится половиной куска!

Оба понимали, что предзнаменования были недобрыми. И Хельги заметил:

– Вот уж верно сказано, не зарекайся утром, что вечером уляжешься здесь же. Это хорошо, брат, что у нас теперь есть ещё один корабль...

Впрочем, до лета было далеко.

Однажды Видга и Скегги отправились на охоту. Днем раньше над побережьем белой северной совой пролетела метель; эта метель пригнала из заваленной снегом тундры великое множество куропаток, лакомых до заледенелых ягод и почек, ожидавших тепла на ветках берёз... Видга надеялся на добычу, и поэтому Скегги тащил за собой берестяные салазки. Когда они выходили за ворота, Скегги сказал так:

Не гляди, что в санки
впряжен мёд вкусивший.
Будешь благодарна
скальду за поклажу!

К кому он обращался, оставалось неясным. Наверное, как это часто бывало, к Ас-стейнники. Видга двинулся первым, прокладывая лыжню. Малыш весело затрусил следом за ним.

Мальчишек ждали к вечеру... Но ещё до полудня Скегги что было духу примчался обратно к воротам – один.

– Меня Видга послал, – кашляя, объяснил Скегги удивлённым и встревоженным сторожам. – Он сейчас придёт, он человека нашёл.

Скоро сын хёвдинга и впрямь показался из леса. Его лыжи тяжело приминали пушистый искрившийся снег: Видга тащил спасённого на плечах. Тот слабо шевелился, видно хотел идти сам, но сил не хватало. Видга вошёл во двор, и человека сняли у него со спины.

– Это женщина, – сказал внук Ворона и вытер снегом распаренное лицо. – Отнесите её в женский дом, пускай разотрут...

– Мы увидели сугроб, из которого шёл пар, – возбуждённо рассказывал Скегги. – Тогда Видга велел мне забраться на дерево, а сам приготовил копьё и стал ворошить этот сугроб. Мы думали, что там зверь, но потом Видга мне крикнул, чтобы я слезал. Мы долго её тормозили, и она сперва только стонала, а потом очнулась. Мы её спрашивали, кто такая, но она не сказала. Видга её потащил, а меня послал вперёд. Вот!

К вечеру любопытные молодые хирдманны вызнали у женщин, что Видга спас девушку, и притом совсем молоденькую, никак не старше себя самого. Что у девчонки были волосы по колено длиной, густые, как водоросли, и рыжие, как осенние листья. И кожа блее всякого молока. И глаза – карие, блестящие и большие, но не слишком весёлые. И она действительно не могла говорить. Хотя оборачивалась на голос и понимала, если к ней обращались.

– Может, ей мой голос понравился бы? – спросил один из парней. – Уж я бы её развеселил и научил заодно, как произносить моё имя...

Видга, слышавший эту похвальбу, только усмехнулся.

– Я не разглядывал, так ли она красива... Но она не застряла бы там в лесу, если бы не сломала лыжу, можешь мне поверить. И ещё я заметил, какой нож висел у неё на поясе... подлинней твоего! Думай дважды, если вправду решишь её обнимать!

Сам Видга женщин ни о чём не расспрашивал. Был зол – девчонка испортила ему охоту. Правду сказать, он не встречал ещё ни одной, от которой следовало бы ждать добра...

Откуда шла найденная в лесу и где стоял её дом, расспросить так и не удалось. Зато очевидно было, что в Сэгейме ей нравилось и уходить отсюда она не собиралась. Отлежавшись, девчонка принялась помогать по хозяйству, и грязная работа пугала её меньше всего. Но почему-то ей особенно нравилось в конюшне, среди вздыхавших и косившихся лошадей... Скоро там у неё завелся любимец: большой серый жеребец, тот самый, на котором когда-то ездил Рунольв. Со времени гибели хозяина жеребец сильно скучал – стоял понурый, плохо ел и бока у него запали. А славный был конь и мог дать совсем не плохих жеребят. И радостно было видеть, как потянулся он к рыжеволосой. Встречал её ржанием, обнюхивал с ног до головы, ловил пальцы ласковыми губами... Скегги видел однажды, как она сидела там, в стойле, и кормила жеребца из рук чем-то вкусным. Конь тихо пофыркивал, а девчонка, как обычно, молчала, но Скегги почему-то померещилось, будто они разговаривали. Ему стало страшно, и он убежал. Он никому не стал рассказывать про этот колдовской разговор и про свой страх. И про то, как странно блестели у рыжеволосой глаза...

Несколькими днями попозже Видга разыскал её во дворе:

– Пойдём... Отец хочет на тебя поглядеть.

Потом он вспоминал, что она мгновение промедлила и вроде даже призадумалась, опустив глаза... И пошла за ним к дружинному дому.

Халльгрим увидел её, когда она только ещё входила в дверь. И умолк на полуслове, забыв, о чём разговаривал с братом. Может быть, жили на свете девушки красивее этой рыжеволосой.

Наверное, жили, но теперь Халльгрим знал, что такие ему не встречались. И больше не встретятся. Потому что перед ним было лицо, которое он искал тридцать четыре лета и столько же зим. Второго такого не видала земля...

Она шла к нему по длинному дому – высокая, почти как Видга, одетая по-мужски. Сидевшие в доме посматривали на неё и весело шутили, но она не глядела ни вправо, ни влево. Подошла к лежавшему Халльгриму и остановилась, и пламя очага отразилось в карих глазах.

И Халльгрим подумал про себя, как скверно, когда не заживают раны и эта красавица должна видеть перед собой не вождя, а беспомощную развалину под одеялом...

– Мои люди называют меня старшим сыном Виглафа, – сказал он ей хмуро. – А это Хельги, мой брат.

Что он ещё собирался ей сказать, этого он никогда впоследствии припомнить не мог. Потому что как раз тогда-то они и услышали её голос. Голос девчонки, не умевшей говорить!

– Так значит, вот ты каков, Халльгрим Виглафссон, – сказала она негромко. – А моё имя Вигдис. И Рунольва Скальда называли моим отцом!

Халльгрим почему-то не удивился ни её голосу, ни этим словам. А может, и хотел удивиться, но не успел. Рыжая Вигдис прыгнула к нему, как кошка на мышь. И тяжёлый нож звизнул у неё в руке!

Но как ни проворна была дочь Рунольва Скальда, Хельги Виглафссон оказался проворней. Железная рука сына Ворона встретила её посередине прыжка... И отшвырнула, оглушённую, на десять шагов, едва не опрокинув прямо в очаг. Вскочить ей не дали. Видга подоспел едва ли не прежде, чем она растянулась на полу. Пригвоздил острым коленом, завернул за спину руки. Вигдис сражалась молча и яростно, извивалась, пыталась укусь... Кто-то протянул Видге верёвку. Видга затянул узел и одним жестоким рывком поставил девушку на ноги – снова лицом к отцу.

– Стало быть, вот в кого ты такая рыжая, – сказал ей Хельги. – А кормили тебя, верно, мясом волка, ворона и ядовитой змеи, чтобы стала свирепой. Вот только зря ты думала, что лучшего из нас так просто убить. Думай теперь о том, что будет с тобой!

– А ничего не будет, – сказал Халльгрим угрюмо. – Женщинам не мстят. И она делала то, что должна была сделать.

Вигдис стояла молча и глядела куда-то сквозь стену, поверх его головы... Теперь в её лице не было ни кровинки. Наверное, она заранее готовила себя к расправе, что последует за свершившейся мстью... Но чтобы кончилось так!

А Халльгриму она казалась ещё краше прежнего, другое дело, что он не собирался говорить об этом вслух. И теперь он знал, для чего родился на свет. Для того, чтобы когда-нибудь покрыть эти волосы свадебным платком. И дожидаться от неё сына. Такого же рыжего, как она сама. Как Рунольв...

А за плечом Вигдис стоял Видга. И держал в руке отнятый у неё нож. И никто не придумал бы для неё казни достойнее, чем он... Но Халльгрим едва его замечал.

– Вот только придётся всё-таки тебя запереть, – сказал он пленнице. – А то ещё перережешь нас всех.

И воины засмеялись, хотя многим сразу стало казаться, что этакое благородство не должно было довести до добра.

Ближе к празднику Йоль, после которого день принимается расти, Халльгрим начал садиться, а потом и вставать. И вот наконец Видга впервые вывел его во двор, разрешил постоять немного на вольном воздухе, в бледных солнечных лучах, светивших всё-таки ярче очага.

Видга показал ему крепкую бревенчатую клеть, стоявшую отдельно:

– Вон там Вигдис сидит...

– А не холодно ей? – спросил Халльгрим. И, наверное, как-то странно спросил, потому что сын посмотрел на него с удивлением.

И ответил:

– Как раз! Ас-стейнн-ки таскает ей еду, и они разговаривают. Вигдис ей всё рассказывает, какой великий хёвдинг был Рунольв, и Ас-стейнн-ки её слушает. А я сторожу, чтобы эта Рунольвдоттир не выскочила и не убежала!

Халльгрим подумал о том, что не окажется первым, кто женится на дочери врага... И дал Видге увести себя в дом.

Женщины поставили пиво для праздника Йоль. Согласно обычаю – на сто сорок горшков! По тому, хорошее ли получится пиво, станут судить о благосклонности богов. А потом запьют им священное мясо коня, которое всегда готовят для жертвенных пиров...

Вот в такое время, в сырую метельную ночь, и пропала рыжая Вигдис.

Звениславка и Видга обнаружили это прежде всех других. Тяжёлый засов, запиравший клеть снаружи, был поднят; уж как она ухитрилась с ним справиться, можно было узнать только у неё одной. И вместе с Вигдис пропал серый конь, наследство Рунольва. Следы копыт вели на лёд застывшей бухты и дальше за сваи – могучий конь перескочил через них без большого труда. Когда это увидели, многие припомнили конский топот, и впрямь будто бы слышавшийся в ночи. Хельги, запоздало схватившись, пошёл проверить, на месте ли копьё Гадюка и меч Разлучник, которые он повесил над своей постелью. Он не удивился бы, если бы исчезли и они. Но меч и копьё оказались нетронуты.

– Рыжая ведьма! – сказал Хельги. – Если бы она сюда забралась, уж точно прирезала бы и Халльгрима, и меня. Умереть спящим!

Не нашли только нож, который она принесла с собой в Морской Дом. Этот нож Видга воткнул в стену конюшни, возле стойла серого жеребца. Там, должно быть, Вигдис его и взяла...

Люди шумели, обсуждая случившееся. Халльгрим хёвдинг молча взял лыжи и отправился на лёд – посмотреть, в какую сторону уходили следы. Видга хотел было его остановить, но Халльгрим ему даже не ответил. Метель, притихшая было, поднималась снова, и мокрый снег валил плотной стеной, залепляя глаза. Во главе десятка людей Халльгрим выбрался из бухты и пошёл по следам.

И довольно скоро следы привели их к большой полынье, из которой валил пар, и ветер нёс его прочь. Снежные хлопья падали в полынью и, набухая, плавали в чёрной воде.

Полынью обошли, но на другой стороне следов видно не было. Могло быть и так, что их просто замело. Но могло быть и иначе. Халльгрим остановился у кромки льда и велел спустить в полынью якорь на длинной верёвке. Это было сделано, но так и не удалось зацепить ни Вигдис, ни коня. Тогда Халльгриму показалось, что по дну шарили не очень старательно, и он взялся за дело сам.

– Раны откроются, – сказал ему Видга. Халльгрим промолчал и на этот раз. Никогда он не был особенно разговорчив.

А потом наступил самый короткий день в году, и было съедено мясо коня и выпито пиво. Люди разложили на дворе костры, плясали и веселились, кто как умел. Один Халльгрим просидел сиднем все три дня, вертя в руках полупустой рог. Малыш Скегги хотел было сказать при нём только что сложенную хвалебную песнь о битве с Рунольвом. Но не посмел – и сказал её только Ас-стейнн-ки. И та одобрила, хотя поняла не более чем наполовину.

А когда его спрашивали, отчего невесел, Халльгрим отвечал односложно: раны, мол, не все ещё затянулись, болят.

Часть вторая Лебединая Дорога

1

Той зимой в провалах чёрного неба нередко загорались огни. Когда одноцветные, когда радужные, они то неподвижными столбами стояли у горизонта, то колыхались, как покрывала. Иногда огни даже разговаривали, и тогда с неба слышалось шуршание и треск.

Звениславка, особенно по первости, всякий раз выскакивала взглянуть на чудо... Хельги выходил следом и, кажется, смотрел больше на неё, чем на небо. Потом он объяснил ей природу этих огней:

– Где-то совершаются большие дела, и туда спешат девы-валькирии... А мы видим отблеск их оружия и брони!

Большие дела и вправду творились. Но только не на севере, а на юге, в Вике, где утверждал свою власть Харальд Косматый.

Весной, когда прилетели лебеди и фиорд очистился ото льда, на сторожевых скалах загорелись дымные костры: в море показались чужие корабли.

Кораблей было два... И паруса у них оказались полосатыми, красными с белым, с широкими синими поперечинами наверху. Под такими парусами ходил Гудмунд Счастливым, старый товарищ Виглафа Ворона.

В Сэхейме широко раскрыли морские ворота, чтобы принять гостей. А женщины стали спешно завешивать стены и готовить угощение. Херсиру следовало оказать достойный приём! Олав кормщик на всякий случай заглянул в корабельный сарай – проведать чёрный корабль; быть может, Гудмунд снаряжался в дальний поход и шёл пригласить с собой Халльгрима или Хельги.

Когда драккары показали перед двором, Халльгрим сразу приметил, что шли они тяжело. Так, как будто Гудмунд нагрузил их добром для торговли или только что взял добычу. Корабли вошли в бухту и причалили, и Гудмунд херсир спустился по сходням.

Был он невысокого роста, темноволос и кудряв. И чуть согнут в спине не то болезнью, не то горем. А может, тем и другим сразу... Гудмунд совсем не выглядел могучим бойцом. Но братья знали, что он повсюду возил с собой панцирь, выложенный позолоченными чешуйками. К такому панцирю всегда устремляется отчаянный враг – и потому-то великое мужество нужно, чтобы раз за разом надевать его в бой!

– Здравствуй, Гудмунд херсир Счастливым, – сказал ему Халльгрим, приветствуя знатного гостя. – Велико ли нынче благополучие на твоих островах?

– И ты здравствуй, Виглафссон, – ответил Гудмунд.

Голос у него был надсаженный и скрипучий. Он смотрел на рослого Халльгрима снизу вверх. – Это хорошо, что ты оправился от ран и опять можешь сражаться...

Его люди сходили с кораблей и дружески обнимались с торсфиордцами. С давнишних пор среди них было немало друзей. Но если бы Халльгрим послушал, о чём они говорили, он сразу понял бы, что на сей раз они не привезли добрых вестей... Однако Халльгрим не слушал. Вождь узнаёт новости от вождя. А вожди не считают приличным рассказывать, стоя воротях.

Гудмунда усадили на почётное место, рабы внесли стол с угощением.

– Это хорошо, что ты опять можешь сражаться, Халльгрим Виглафссон, – повторил Гудмунд, опорожнив рог. – И то, что у тебя, Хельги, опять есть глаза, тоже неплохо. Думается мне, всё это неспроста!

– Твои люди хорошо снаряжены, – похвалил Хельги. – Я не удивлюсь, если ты скажешь, что собрался в поход.

Он говорил осторожно: ведь не дело расспрашивать старшего, если тот о чём-то молчит. Гудмунд всё понял, посмотрел на него и улыбнулся – ласково, как сыну. Потому что Хельги ещё мальчишкой крепко дружил с его сыном Торгейром. Ещё до того, как тот пропал семь зим назад... Гудмунд сказал:

– Я и вправду собрался в поход. Хотя и не туда, куда ты думаешь, Хельги. И мало радости мне от такого похода. И ещё я боюсь, как бы вам не пришлось отправиться следом за мной.

Братья переглянулись.

– Стало быть, – спросил наконец Халльгрим, – у тебя лежат под палубой Боги, охранявшие дом?

Спросил, а у самого непривычно и глухо заняло в груди. Ибо Халльгрим не привык бояться, а это был страх. Халльгриму показалось, будто он шёл на лыжах и подобрался к спуску с горы – обрывистому и крутому. Ещё шаг – и понесёшься вниз, и будет уже не остановиться...

Норны, богини судьбы, пряли под мировым древом Иггдрасилем, и в это мгновение он слышал, как вращались их веретёна.

– Я покинул свой дом, – медленно проговорил херсир. – И я сделал это потому, что Харальд Косматый остановился в шести днях пути от моих островов, и с красными щитами на мачтах. И против каждого из моих людей у него целый корабль, полный бойцов. И не больно похоже, чтобы ему хотелось с кем-нибудь здесь примириться. Значит, по-вашему, я сделался стар и пуглив?

– Нет, – сказал Халльгрим.

Гудмунд продолжал:

– У Херлауга и Хроллауга, братьев-конунгов из Наумудаля, был курган, который они строили три лета! Наверное, готовили великую честь тому, кому доведётся погибнуть. Но только сгодился им этот курган раньше, чем ждали. Харальд двинулся на них войной, и Херлауг конунг вошёл в курган и велел закрыть его за собой... А его брат явился к Харальду и назвал себя его человеком.

– И что Харальд? – спросил Хельги тихо.

– Харальд хорошо его принял, подарил меч и щит и дал ему всю ту землю, которой тот и так раньше владел. Он и сейчас там сидит, в Наумудале. Только уже не конунгом, а ярлом.

– Позор принял Хроллауг, – сказал Хельги. – Но зато сохранил владения и жизнь... Думается мне, Харальд большого зла на него не держал!

Гудмунд усмехнулся:

– Не так было бы с вами или со мной. Харальд не любит, когда трогают его людей... или людей его отца Хальвдана! И ещё он не любит, если кто-нибудь сидит на хорошей земле, как вы или я!

Он поднялся на ноги и поправил на себе пояс.

– Пора мне отчаливать, потому что в море ждут ещё три моих корабля. А вас я с собой не зову... Ибо Харальд привёл огромную силу, и лучше будет, если мы станем уходить от них все врозь!

Они вышли во двор, и на кораблях херсира прокричал рог, созывая мореходов к отплытию. Его люди неохотно прощались с Сэхеймом, и это было заметно. Всё здесь было так похоже на собственный дом. Те же земляные крыши, такой же забор, звуки, запахи и дым, стелющийся над водой. Сизые горы вдали и серые камни на берегу...

Тут Хельги вернулся в дом и вскоре вышел обратно, неся меч Разлучник и копьё Гадюку. Подошёл к херсиру, уже стоявшему у самых сходен. И протянул ему знаменитое оружие:

– Возьми, Гудмунд Счастливым. Желая тебе узнать что-нибудь про Торгейра, и пускай это будут достойные вести...

Гудмунд принял у него меч и копьё. Об одном и о другом было сложено немало рассказов, и их слышал весь Халогаланд. Гудмунд выдернул меч из ножен и взмахнул им над головой, расхохотавшись:

– А хотелось бы мне этим Разлучником разлучить Харальда и его жён!

Но всякий подарок требует отдарка: не то не будет удачи ни давшему, ни взявшему. Гудмунд стащил с руки серебряное запястье, сделанное в виде змеи, кусающей собственный хвост.

– Возьми и ты, Хельги Виглафссон. Я рад был бы принести сюда хорошие новости, если бы это было суждено.

Взошёл на палубу, и на кораблях стали поднимать якоря.

Живя подолгу на одном месте, человек прирастает к нему бесчисленным множеством корней. И потому-то нет воина отчаянней, чем тот, кто отстаивает свой дом! Такой боец дерётся с яростью и упорством, пока не вынудит врага отступить – уйти искать добычу полегче.

Но худо, когда нет надежды оборониться. И кто скажет, что легче – рухнуть поперек родного порога и поймать гаснущим слухом отчаянный крик жены или же самому выкопать из земли деревянных богов, спустить на воду корабль и отправиться за тридевять враждебных земель и морей... куда?

Многим в то лето выпала судьба вроде той, что развернула зловещие крылья над двором Халльгрима Виглафссона. Многие, как он, оставили насиженные места. Одни пустились на запад – вить новые гнезда на островах вдоль берега страны англов. И долго тревожили набегами ненавистного конунга, пока наконец он не собрал новую рать и не выбил их и оттуда. И тогда они снова подняли паруса и отправились ещё дальше, чтобы назвать своей большую и никем ещё не заселённую землю посреди океана – Исландию...

Другие вовсе нигде так и не бросили якорей. И море год за годом носило на себе их корабли. Кормило, укрывало от врага. Давало когда добычу и славу, когда – последний приют... Сэконунги, хозяева моря! Они хвастались, что никогда не спали под закопчённой крышей и не пили у очага. Горькое хвастовство.

А третьи – третьи поворачивали на восток.

Туда, где за датскими, свейскими, вендскими, финскими землями лежала под широким северным небом необъятная Страна Городов. Гардарики... Страна, равно прославленная богатствами, прекрасными женщинами – и страшными воинами, которым не было равных в пешем бою!

– Если и вправду для этого я стал видеть, – сказал Хельги Виглафссон, – так я бы, пожалуй, уж лучше снова ослеп.

Проводив Гудмунда, Халльгрим немедля послал Видгу за Эрлингом в Торсхов.

– Расскажешь ему, что случилось, – напутствовал он сына. – Пусть собирает и приводит сюда кнарр. Чтобы завтра же отплыть. И пускай возьмёт с собой рабов, какие пригодятся в пути.

Вот так: сколько зим прожито здесь, не один десяток и не два, и всё рушится в течение одного дня...

Видга кликнул Скегги и потащил лодку к воде. Разрисованный парус заполоскался, потом, обтянутый, принял в себя ветер и мелькнул за сваями бухты. Халльгрим проследил за ним взглядом и окончательно решил про себя: маленького сынишку рабыни надо будет взять. Всё-таки отцом Скегги был викинг. И наконец-то это стало заметно. И Видга рассказывал, будто заморыш складывал песни.

А Видга сын хёвдинга прислушивался к знакомому журчанию под килем, и оно впервые заставляло его хмуриться, сумрачно глядя вперёд. А ведь сперва он даже обрадовался предстоявшему великому походу. И рассказал об этом отцу: сколько всего повествуют о подвигах былого, и всегда смельчаку приходится оставить свой дом! Халльгрим хёвдинг выслушал его,

не перебивая. А потом так же молча отвесил подзатыльник, от которого посейчас звенело в ушах.

Видга тогда обиделся на него, отошёл. Теперь он гнал свою лодку знакомым путём в Торсхов, и обида понемногу его оставляла. Он вдруг подумал о том, что, даже если лодочку привяжут к корме корабля и возьмут её в путь, – ему, Видге, придётся разворачивать над ней парус совсем у других берегов... По Торсфиорду ему больше на ней уже не ходить. Никогда.

Никогда!

Внук Ворона повторял про себя это слово и, как мог, пытался постичь его смысл. Вышло нечто похожее на бездонный колодец, наполненный густой темнотой...

Видга смотрел на залитые солнцем утёсы – в последний раз! И что-то в нём сопротивлялось пониманию, хотело проснуться и настойчиво шептало, что всё это пройдёт.

Когда судьба встает перед дверью, от неё не закроешься на засов...

Эрлинг Приёмыш явился в Сэхейм ещё до вечера; его пузатый, вместительный кнарр сидел в воде низко. Поздоровался с братьями, и они увели его в дружинный дом, на совет.

Звениславка уже знала, что на этом кнарре, где было много места под палубой, предстояло ехать и ей. Женщинам да малым ребятам не место на боевых кораблях. А те, чёрный да пёстрый, уже тяжело покачивались рядом с кнарром, вытасенные из корабельных сараев. Тоже навсегда! Звениславка смотрела на них и казалась сама себе малым листком, сдунутым с ветки, унесённым неведомо куда... Ветер злой, в какую сторону теперь подуешь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.